

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
«Кемеровский государственный университет»

На правах рукописи

Медведев Сергей Сергеевич

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА МЕЖЪЯЗЫКОВОГО КАЛАМБУРА

10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Андрей Геннадьевич Фомин

Кемерово – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КАЛАМБУР КАК ОСОБЫЙ ВИД КАЛАМБУРА	11
1.1. Каламбур в системе языковой игры	12
1.2. Межъязыковой каламбур как полилингвальный феномен языка	19
1.2.1. К определению понятия «межъязыковой каламбур»	19
1.2.2. Имманентные особенности межъязыковых каламбуров	23
1.3. Структурно-формальная классификация межъязыковых каламбуров.....	31
1.4. Способы создания одноязыковых каламбуров как основа для языкового моделирования межъязыковых каламбуров.....	37
1.5. Языковые модели межъязыковых каламбуров	45
1.6. Информативная структура межъязыковых каламбуров	50
1.7. Опыт когнитивных исследований межъязыковых каламбуров	54
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	64
ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ И ВОСПРИЯТИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КАЛАМБУРОВ.....	66
2.1. Вводные замечания	66
2.2. Межъязыковые каламбуры в западной лингвокультуре.....	70
2.2.1. Классификация межъязыковых каламбуров в западной лингвокультуре	71
2.2.2. Языковые модели межъязыковых каламбуров в западной лингвокультуре	77
2.2.3. Информативная структура межъязыковых каламбуров в западной лингвокультуре.....	81
2.3. Межъязыковые каламбуры в восточной лингвокультуре.....	85
2.3.1. Классификация межъязыковых каламбуров в восточной лингвокультуре ..	86

2.3.2. Языковые модели межъязыковых каламбуров в восточной лингвокультуре	92
2.3.3. Информативная структура межъязыковых каламбуров в восточной лингвокультуре	95
2.4. Межъязыковые каламбуры в русской лингвокультуре	99
2.4.1. Классификация межъязыковых каламбуров в русской лингвокультуре	100
2.4.2. Языковые модели межъязыковых каламбуров в русской лингвокультуре	104
2.4.3. Информативная структура межъязыковых каламбуров в русской лингвокультуре	107
2.5. Экспериментальное исследование особенностей восприятия межъязыковых каламбуров в русской лингвокультуре	111
2.5.1. Описание процедуры эксперимента	111
2.5.2. Интерпретация полученных данных	122
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	143
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	146
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ	158
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	161

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация оказывает значительное воздействие на все сферы человеческой деятельности. Одним из лингвистических проявлений данного процесса является межъязыковой каламбур, исследованию которого посвящена настоящая работа. Возрастающая частотность употребления данного феномена языка свидетельствует о значительном воздействии глобализации не только на экономическую сферу человеческой деятельности, но и на язык и культуру; следовательно, в ходе кросскультурного взаимодействия различные компоненты (лексемы, идиоматические выражения) все прочнее укореняются в сознании индивидов, зачастую не являющихся билингвами или способными осуществлять коммуникацию на языке, из которого эти компоненты взяты. Наиболее примечательно, что данные компоненты еще не закреплены в словарях в качестве заимствований, но уже являются частью языкового инвентаря все большего количества людей, не владеющих иностранным языком, используемым в каламбуре.

В то время как Интернет является одним из стимулирующих факторов глобализации, увеличивающим динамику и объем межкультурной коммуникации, межъязыковой каламбур наблюдается не только в рамках электронной коммуникации, но и в СМИ, рекламе, художественной литературе, кино, телесериалах, аниме и бытовой речи. Следовательно, требуется детальное изучение процессов современного коммуникационного пространства, которое характеризуется взаимодействием языков, реализуемым посредством межъязыкового каламбура.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучаемые в работе вопросы функционирования межъязыковых каламбуров включены в научную парадигму современной лингвистики при рассмотрении вопросов билингвизма, изучении проблемы переключения и смешения кодов, при разработке когнитивного подхода, описания взаимодействия языка и мышления. Заявленная

проблематика исследования соответствует паспорту специальности **10.02.19 «теория языка»**.

Цель настоящей работы: выявить лингвокультурную специфику межъязыковых каламбуров в западной, восточной и русской традициях с созданием структурно-формальной классификации и построением языковых и когнитивной моделей функционирования межъязыковых каламбуров.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) разграничить понятия «каламбур» и «игра слов» и дефинировать термин «межъязыковой каламбур»;
- 2) изучить структурно-формальные характеристики межъязыковых каламбуров для создания классификации;
- 3) определить способы создания каламбуров для построения языковых моделей межъязыковых каламбуров;
- 4) рассмотреть особенности информативной структуры межъязыковых каламбуров;
- 5) сформировать когнитивную модель функционирования межъязыковых каламбуров на основе теории концептуальной интеграции;
- 6) проанализировать структурно-формальные и информативные особенности межъязыковых каламбуров в западной, восточной и русской лингвокультурах;
- 7) выявить особенности восприятия межъязыковых каламбуров в русской лингвокультуре с помощью лингвистического эксперимента.

Объектом исследования является межъязыковой каламбур.

Предметом исследования являются структурно-формальные, информативные и когнитивные характеристики межъязыковых каламбуров, выявляющие их специфику в анализируемых лингвокультурах.

Единица исследования – лексема как компонент структуры межъязыковых каламбуров. Общее количество лексем – 1761.

Общая гипотеза исследования формулируется следующим образом: поскольку межъязыковой каламбур основывается на сочетании лексем из двух и

более языков, которые могут быть как близкородственными, так и совершенно различными, то создаваемые межъязыковые каламбуры обладают рядом имманентных лингвокультурно-обусловленных структурно-формальных характеристик.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые исследованы межъязыковые каламбуры с применением междисциплинарного подхода: структурно-формального и когнитивного на разносистемном материале, что позволило впервые разработать структурно-формальную классификацию и построить языковые и когнитивные модели функционирования межъязыковых каламбуров.

Теоретическая значимость – исследование способствует дальнейшему осмыслению лингвокультурной специфики языкового творчества западной, восточной и русской лингвокультур в контексте взаимодействия языков, а также дополняет исследования проблематики переключения и смешения кодов.

Полученные результаты исследования представляют **практическую ценность** при преподавании курса общего языкознания, теории языковых контактов, когнитивной лингвистики (когнитивная грамматика и семантика), а также стилистики и переводоведения. Материалы исследования также могут быть полезны для исследовательских работ аспирантов и студентов, при составлении словарей межъязыковых омонимов, учебных пособий в преподавании иностранного языка в языковых вузах и т.д.

Положения, выносимые на защиту:

1. Межъязыковой каламбур – это комплексный полилингвосемиотический феномен с трехкомпонентной структурой, содержащей стимулятор, результат и транслят одного из предыдущих компонентов, взаимодействие между которыми и создает двусмысленность.

2. Межъязыковые каламбуры обладают следующими характеристиками: возможностью использования разных систем письменностей, амбивалентной фонетической стороной обыгрываемого компонента и имплицитностью,

приводящей к необходимости осуществления перевода отдельного компонента или всего высказывания.

3. Диаморфическая связь между лексемами в составе каламбура является основой его функционирования в языке и концептуальной наполненности смешанного ментального пространства при восприятии каламбура в сознании реципиента.

4. Лингвокультурная специфика межъязыковых каламбуров находит свое отражение в способах их построения, основанных на трех языковых моделях (антиципационной, неологической и имплицитной), и превалировании того или иного типа межъязыкового каламбура.

5. Представители русской лингвокультуры успешнее всего воспринимают межъязыковые каламбуры с английским языком-основой, описываемые антиципационной моделью, и с русским языком-основой, описываемые неологической моделью.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых в области когнитивной лингвистики: М. Блэк, С. Кноспе, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, А. Ониско, Т. Г. Скребцова, А. Циркер; теории концептуального интеграции: М. Тернер, Ж. Фоконье; структурного языкознания: Р. Александер, В. С. Виноградов, О. Е. Вороничев, Д. Делабастита, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Д. Кристл, В. П. Москвин, Г. Ф. Рахимкулова, В. З. Санников, А. Стефанович, О. И. Усминский; философии и логики: Л. Витгенштейн, В. фон Гумбольдт, И. Кант.

Для достижения поставленной цели и решения задач в данной работе использовались следующие **методы исследования**: описательный метод, метод контекстуального анализа и метод семантического анализа для интерпретации значений межъязыковых каламбуров, метод сопоставительного анализа для выявления лингвокультурной специфики межъязыковых каламбуров, проведение двухэтапного экспериментального исследования, включающего перевод межъязыковых каламбуров и толкование значений иностранных лексем.

Источниками **материала** исследования послужили Интернет-мемы и пользовательские комментарии вебсайтов 9gag.com, Reddit, Twitter, YouTube, рекламные объявления в социальной сети «ВКонтакте», скрипты аниме-сериалов «One Piece», «Gintama», «Kill la Kill», «Nisekoi», «Death Note», «То-Love-Ru», «Saiki Kusuo no Sai-nan», «Kareshi Kanojo no Jijou», а также гонконгская газета Apple Daily (с 1996 по 2002). Всего было отобрано 466 межъязыковых каламбуров.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах и сообщениях на 4 международных научно-практических конференциях:

1. IX (XLI) Международная научно-практическая конференции «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей» 28-29 апреля 2015 года (Кемеровский государственный университет, г. Кемерово). Выступление с докладом: «Особенности межъязыковых каламбуров на материале романа Джеймса Джойса “Finnegans Wake” (Поминки по Финнегану)» (Медведев С. С.).

2. XI (XLIII) Международная научно-практическая конференции «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей» » 28-29 апреля 2016 г. (Кемеровский государственный университет, г. Кемерово). Выступление с докладом: «Межъязыковые каламбуры в англоязычных Интернет-мемах» (Медведев С. С.).

3. XIX Международная конференция «Россия и Запад: диалог культур» 22-23 марта 2017 г (Московский государственный университет им. Ломоносова, г. Москва). Выступление с докладом: «Межъязыковые каламбуры в комментариях Интернет-пользователей в контексте кросскультурного общения» (Фомин А. Г., Медведев С. С.).

4. Международная научная конференция по политической коммуникации «Один пояс – один путь. Лингвистические основы взаимопонимания» 16-21 октября 2017 года (УрГПУ, г. Екатеринбург). Выступление с докладом: «Смешение языков в условиях Интернет-коммуникации как лингвистическое проявление глобализации (на материале сайта 9gag.com)» (Фомин А. Г., Медведев С. С.).

По материалам диссертации опубликовано 6 работ, из которых 3 представлены в изданиях, рекомендованных ВАК, 3 – в других изданиях.

Публикации в ведущих рецензируемых научных изданиях (журналах), рекомендованных Перечнем ВАК Минобрнауки РФ:

1. Медведев, С. С., Фомин, А. Г. Межъязыковые каламбуры в аниме-сериалах «One Piece» и «Gintama» как следствие процесса глобализации / С. С. Медведев, А. Г. Фомин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64) Т. 1. – С. 212–216;
2. Медведев, С. С., Фомин, А. Г. К вопросу о статусе межъязыкового каламбура / С. С. Медведев, А. Г. Фомин // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 3. – С. 234–243.
3. Фомин, А. Г., Медведев, С. С. Восприятие межъязыкового каламбура: опыт экспериментального исследования / А. Г. Фомин, С. С. Медведев // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – №15 – С. 79–88.

Публикации в материалах всероссийских и международных научных конференций, сборниках научных трудов:

4. Медведев, С. С. Особенности межъязыковых каламбуров на материале романа Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану» / С. С. Медведев // Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей – материалы IX (XLI) Международной научно-практической конференции. – 2015. – Вып. 16 – С. 1200–1205.
5. Медведев, С. С., Фомин А. Г. Межъязыковые каламбуры в комментариях Интернет-пользователей в контексте кросскультурного общения / С. С. Медведев, А. Г. Фомин // Сборник статей XIX международной конференции РОССИЯ И ЗАПАД: ДИАЛОГ КУЛЬТУР 22-23 марта 2017 года. – 2017. – Вып. 19, Часть II. – С. 467–473.
6. Medvedev, S. S., Fomin, A. G. Interlingual puns in cross-cultural commentaries of internet users / S. S. Medvedev, Fomin A. G. // Values in language and

culture: linguistic consciousness, communication, text. International Conference Proceedings. Tianjin Foreign Studies University, November 25, 2017. – 2017. – P. 283–287.

Структура работы. Данная диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 161 наименование на русском и иностранных языках, списка использованных словарей, справочников, энциклопедий и списка источников иллюстративного материала. Общий объем текста диссертации составляет 161 страницу.

ГЛАВА 1. МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КАЛАМБУР КАК ОСОБЫЙ ВИД КАЛАМБУРА

Современные исследования проблематики межъязыкового каламбура характеризуются акцентированием внимания на обозначении иноязычных компонентов [Шмелева, 2011; Заславская, 1992; Заславский, 2017; Санников, 2002; Трифонова, 2003]. Данный подход, который можно обозначить как структурно-формальный, направлен на рассмотрение лексем в составе каламбуров и характера их взаимодействия в рамках текстового единства, что позволяет получить определенное представление о способах создания межъязыковых каламбуров и осуществить категоризацию каламбуров в зависимости от выбранного структурно-формального критерия.

Однако, структурно-формальный подход является поверхностно-дескриптивным, поскольку все языковые явления, в особенности каламбуры, являются продуктом мыслительной деятельности человека. Следовательно, анализ межъязыковых каламбуров должен быть дополнен имеющимися теоретическими положениями исследований каламбуров в рамках когнитивной парадигмы, в центре которой – изучение когнитивных процессов в ходе создания и восприятия межъязыковых каламбуров.

Таким образом, для получения наиболее полного представления о специфической природе межъязыковых каламбуров, продуктивным представляется синтез структурно-формального и когнитивного подходов. Первоначальный анализ межъязыковых каламбуров был проведен с акцентом на структурно-формальные особенности данного феномена, что в дальнейшем было дополнено изучением межъязыковых каламбуров в русле когнитивной парадигмы.

1.1. Каламбур в системе языковой игры

Выявление структурно-формальных признаков межъязыкового каламбура требует, в первую очередь, рассмотрения существующих отечественных и зарубежных подходов к определению понятия «каламбур».

Не вызывает сомнения тот факт, что каламбур является одним из видов языковой игры, которая охватывает разнообразные игровые манипуляции со словами или их фрагментами, что приводит не только к приращению или искажению смысла выражения, но также обуславливает такие явления, как палиндром, рифма, хиазм, анаграмма, гетерограмма и др. Сам термин «языковая игра» был введен в научный обиход Л. Витгенштейном как «Sprachspiel» в работе «Философские исследования». Однако, немецкий философ был более заинтересован в рассмотрении роли языка как инструмента коммуникации: «[языковые игры] следует понимать как множество лингвистических практик, каждая из которых является вполне самостоятельной и, чаще всего, несоизмеримой с другими» [Гуманитарная энциклопедия], а не как более устоявшееся проявление игрового аспекта языкового творчества с целью оказать, к примеру, эстетическое или комическое воздействие. Тем не менее, термин «языковая игра» является весьма распространенным в трудах отечественных и зарубежных исследователей, которые традиционно описывают языковую игру максимально отвлеченно. К примеру, В. З. Санников в своей знаменитой работе «Русский язык в зеркале языковой игры» описывает языковую игру следующим образом: «Языковая игра... основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» [Санников, 2002, с. 15]. В качестве одного из видов языковой игры исследователь выделяет языковую шутку, обладающую «смысловой и грамматической законченностью... автономностью в структуре этого текста» [там же]. Данное положение подтверждает и Е. Б. Лебедева, согласно которой «...языковая игра ассоциируется с целенаправленным “баловством”, игрой с языком в широком смысле слова, с разнообразным словесным и звуковым “кривлянием”, с обыгрыванием скрытых значений (смыслов) многозначных слов

или омонимов в форме метафор, каламбуров, а также с языковыми шутками, остротами, афоризмами... Сюда включают и случаи каламбурной юмористической игры слов, и балагурство, и пародирование, и макаронизмы» [Лебедева, 2014 с. 48]. О. Е. Вороничев делает важное уточнение: «В то же время языковая шутка как общее жанрово-стилистическое понятие, которое включает более конкретные малоформатные жанры (например, шуточные афоризмы, поговорки, прибаутки и т.д.), нередко имеет каламбурную основу» [Вороничев, 2017, с. 36]. Таким образом, в контексте языковой игры каламбур занимает промежуточное положение – он может являться автономным текстовым образованием, способным существовать в отрыве от контекста (что роднит его с малоформатным жанром) или выступать в качестве основы комического в других произведениях, например, анекдотах. Следовательно, в рамках данного исследования актуальным является рассмотрение каламбуров как самостоятельных текстовых единств, так и в составе более крупных высказываний, например, анекдотов.

На данном этапе развития стилистики, несмотря на многолетнюю историю данной науки, не существует однозначной и общепринятой дефиниции термина «каламбур». Действительно, как отмечает В. Раскин, в науке о языке по-прежнему наблюдается «терминологический хаос» [Raskin, 1985, p. 76]. Так, наряду с «каламбуром» в трудах отечественных и зарубежных исследователей активно используется термин «игра слов». Отметим, что разграничение терминов «каламбур» и «игра слов» является принципиально важным в контексте настоящей работы, поскольку оно позволяет получить более детальное представление о природе изучаемого явления. В целом, в ходе анализа теоретических работ и словарных дефиниций было выявлено два основных подхода к определению взаимоотношений между двумя понятиями:

1. Отождествление. Данной позиции придерживаются составители ряда словарей, к примеру, Толкового словаря Даля, Толкового словаря Ожегова, Большого толкового словаря, Encyclopaedia Britannica, Glossary of Linguistic Terms, Glossary of Literary Devices, а также некоторые отечественные и зарубежные

исследователи: О. Е. Вороничев, Ю. В. Борев, В. С. Виноградов, А. В. Федоров, Н. А. Штырхунова, Е. А. Земская, С. Кноспе и др.

2. Разграничение. Можно отметить работы Л. А. Сазоновой, Н. Л. Уваровой, В. З. Санникова, Д. Кристла, Р. Александера, Д. Поллака, П. Хэммонда, П. Хагса и др.

Примером того, как каламбур интерпретируется сторонниками первого подхода, является дефиниция из «Большого толкового словаря русского языка: «шутка, основанная на использовании слов, сходных по звучанию, но разных по значению, или на использовании разных значений одного и того же слова; игра слов» [Большой толковый словарь русского языка, 1998, с. 753]. Данное определение отражает два основных способа создания каламбура: сопоставление омонимичных лексем или обыгрывание полисемии. Под «лексемой» в данной работе понимается «единица словаря языка» [Жеребило, 2010, с. 171].

Отдельно стоит отметить дефиницию каламбура в «Новом словаре иностранных слов»: «игра слов, основанная на нарочитой или невольной двусмысленности, порожденной омонимией или сходством звучания и вызывающая комический эффект» [Новый словарь иностранных слов, 2012]. Здесь делается акцент на важном аспекте каламбура, а именно двусмысленности, вызывающей комический эффект. Именно в двусмысленности, комплексности плана содержания итогового выражения заключается сущность каламбура. Как отмечает Т. С. Олейник: «Каламбур – это прием, основывающийся на совмещенном видении двух картин [мира], их соединении» [Олейник, 2013, с. 105] или М. В. Ушкалова: «чем сложнее понять, какой именно смысл имеется в виду, тем удачней каламбур» [Ушкалова, 2016, с. 20].

Можно привести две дефиниции, представленные зарубежными исследователями, подтверждающие данное положение. Анри Бергсон определяет каламбур как предложение или высказывание, в котором «одно и то же предложение, казалось бы, дает два независимых значения, но только в плане своего облика; на самом же деле это два разных предложения, составленные из разных слов, но притворяющиеся одним и тем же, поскольку они звучат одинаково

[здесь и далее – перевод наш]» [цит. по Augarde, 2003, с. 205]. Второе, более абстрактное, но от этого не менее удачное определение приводит Артур Кёстлер: «Каламбур – ... единая фонетическая форма с двумя значениями – две нити мысли, сплетенные в один акустический узел» [Koestler, 1964, с. 65]. Здесь, таким образом, снова выносятся на первый план и акустическая, и смысловая амбивалентность, двойственность интерпретации.

Однако не во всех определениях, в которых утверждается тождественность каламбура и игры слов, описываются основные способы образования каламбура. К примеру, Ю. Б. Борев утверждает, что каламбур – это «игра слов... один из типов острот. Это острота, возникающая на основе использования собственно языковых средств» [Борев, 1970, с. 22]. Данное определение является, на наш взгляд, не совсем удачным, поскольку каламбур трактуется исследователем довольно широко, и под «остротой, возникающей на основе языковых средств» можно понимать и другие приемы языковой игры: анекдот, зевгму, парадокс и т.д., также основанные на языковых средствах. В то время как в настоящей работе межъязыковой каламбур рассматривается в том числе и в составе анекдотов и других более крупных текстов, другие приемы языковой игры, в которых могут быть использованы слова из разных языков, не подвергаются анализу.

Сторонники второго подхода дифференцируют «каламбур» и «игру слов» различно. Некоторые зарубежные лингвисты (к примеру, Джон Поллак, Пол Хэммонд, Патрик Хагс) различают два самостоятельных термина: “play on words” (игра слов) и “pun” (каламбур). Они аргументируют это тем, что игра слов обусловлена обыгрыванием полисемии, в то время как каламбур основан на созвучии как разных, так и схожих по написанию слов (т.е. омонимов, омографов, омофонов) [Pollack, 2011]. Однако, данное разграничение представляется весьма произвольным: почему “play on words” затрагивает именно полисемию, а “pun” – созвучие, а не наоборот? Кроме того, двусмысленность выражения, вызванная многозначностью участвующих компонентов, обусловлена созвучием лексем в составе каламбура, то есть когда омоним выставляется авторами каламбура в качестве одного из значений многозначного слова. В свете данного утверждения

можно вспомнить весьма краткий, но точный комментарий Уолтера Редферна: «Каламбур – это когда с омонимами обращаются как с синонимами» [Redfern, 2000, p. 11]. Иными словами, при столкновении двух омонимов, каждый из которых обладает своим лексическим содержанием, происходит присвоение семантики одного компонента другим; разнородные понятия, в следствие их реферирования в языке средствами формально-идентичными (омонимами или паронимами в случае неполной идентичности), воспринимаются в сознании реципиента как схожие, и это явное несоответствие и порождает комический эффект, что нашло подтверждение в результатах исследования.

Другим аргументом в пользу понимания игры слов как явления более широкого, чем каламбур, является следующее высказывание Дэвида Кристла, в котором он отмечает, во-первых, общечеловеческий характер самого явления игры слов и, во-вторых, приводит весьма емкое описание сущности феномена: «Игра со словами [Playing with words] – универсальная человеческая деятельность... Люди получают удовольствие, перебирая слова и реконструируя их в новом облики, расставляя их в интересном порядке, находя скрытые смыслы внутри них и пытаясь применить их соответственно специально придуманным правилам во всем их многообразии» [Crystal, 2006, p. 64]. Из данного утверждения следует, что в основе игры слов лежит осознанная манипуляция словами (и более комплексными конструкциями: словосочетаниями, фразеологизмами и целыми текстами), позволяющая выявить особую семантику итогового высказывания или придать выражению особую графическую или фонетическую оформленность. Подобное понимание вопроса, однако, нивелирует какое-либо различие между «игрой слов» и «языковой игрой», вследствие чего они начинают выступать в качестве синонимичных понятий.

Л. А. Сазонова приводит дополнительный аргумент в пользу разграничения понятий «каламбур» и «игра слов», ссылаясь на то, что различие между ними «необходимо искать в *восприятии* семантической основы, а не в ней самой» [Сазонова, 2004, с. 53]. Исследователь дифференцирует данные понятия следующим образом: «Каламбур – это стилистический прием, отличительной

чертой которого является сведение двусмысленности к одной языковой единице (слову или словосочетанию), где оба значения звукового слова воспринимаются одновременно. Если двусмысленность вскрывается лишь в следующей фразе, где повторяется обыгрываемое слово (словосочетание) или даются пояснительные слова, то это игра слов. Оба стилистических приема являются, в свою очередь, разновидностями широкого понятия языковой игры, которая, помимо названных, включает в себя огромный потенциал всевозможных игр с языком: зевгму, шараду, палиндром и т.д.» [там же], что, в целом, сопоставимо с тем, как зарубежные исследователи разграничивают понятия “pun” и “play on words”, и является весьма арбитрарным по аналогичным причинам.

На различия между каламбуром и игрой слов указывает и Н. Л. Уварова: «семантическую основу игры слов составляет столкновение двух планов содержания в одном плане выражения, а семантическую основу каламбура – образование третьего плана содержания на основе первого и второго семантических планов» [Уварова, 1986, с. 7]. Действительно, семантическую основу рассматриваемых стилистических приемов, как было определено ранее, составляет двусмысленность. Однако, подобное разграничение нельзя считать до конца оправданным. Так, столкновение двух планов содержания в сознании реципиента приводит, согласно исследованиям каламбуров и игры слов в рамках когнитивной парадигмы, к неминуемому образованию третьего плана содержания [Zirker et al., 2015]. Два плана содержания, актуализированные в когниции, не могут существовать изолированно – как минимум, они сопоставляются, сравниваются.

В целом, можно выделить две общие «точки соприкосновения» идей сторонников обоих подходов к пониманию каламбура:

1. Главным критерием для образования каламбура является фонетическое, графическое или семантическое подобие между лексическими единицами (отдельными словами, словосочетаниями) в составе каламбура.

2. Находясь в пределах конкретного текстового единства, данные лексические единицы запускают определенные процессы в сознании реципиента: происходит подмена (или расширение) семантического значения одной из лексем

на семантическое значение второй лексемы. Данный процесс порождает двусмысленность, что вызывает определенный, чаще всего комический, эффект у реципиента.

В рамках данной работы, наиболее релевантным видится понимание «каламбура» и «игры слов» как самостоятельных, но связанных понятий. Данное положение можно проиллюстрировать следующими примерами:

1:

Рисунок 1. Le pain [9gag]

2: *French people are so hardcore they eat pain for breakfast [9gag].*

3:

Рисунок 2. Bring the pain [9gag]

Во всех трех случаях происходит обыгрывание слов, обладающих идентичной графической оформленностью: англ. *rain* 'боль' и фр. *rain* 'хлеб'. В примерах 1 и 3 каламбуры являются креолизированными текстами, опирающимися на визуальный компонент, который также может использоваться авторами каламбура [Ушкалова, 2016]. Несмотря на тот факт, что во всех трех случаях совмещение планов содержания обусловлено одними и теми же языковыми средствами, итоговые текстовые единства являются различными. Таким образом, можно утверждать, что во всех трех случаях игра слов является идентичной, порождающей разные каламбуры. Следовательно, игра слов может трактоваться как употребление фонетически, графически и/или семантически схожих компонентов (выраженных вербально или невербально), что может привести к совмещению планов содержания с последующим образованием дополнительного. Игра слов может обуславливать и другие стилистические приемы семантического порядка, например, зевгму, оксюморон, парадокс, являющиеся, в свою очередь, разновидностями более емкого понятия языковой игры. В контексте настоящего исследования анализ проводился исключительно на материале межъязыковых каламбуров, однако, мы не отрицаем возможности существования вышеупомянутых образований, использующих межъязыковой материал.

Таким образом, в свете данного утверждения и с учетом материала исследования и существующих дефиниций, выведем следующее рабочее определение каламбура: завершенное текстовое единство с амбивалентным содержанием, основанное на фонетическом, графическом и/или семантическом подобии используемых (или реферируемых путем визуального компонента) слов.

1.2. Межъязыковой каламбур как полилингвальный феномен языка

1.2.1. К определению понятия «межъязыковой каламбур»

Языковые контакты, знакомство с артефактами иных лингвокультур, а также лингводидактическая деятельность приводят к образованию каламбуров, в

которых смешиваются слова из нескольких языков. Так, Ричард Мейби в книге, посвященной истории растений, приводит следующий пример подобного каламбура: «... на форзаце первых изданий великого руководства по сельскому хозяйству ботаника Джона Паркинсона “Paradisi in Sole Paradisus Terrestris” (название – остроумный двуязычный каламбур, оно означает “Рай-на-Солнце Рай-на-земле”, поскольку созвучно “Park-in-sun” – “(Райский) сад на Солнце”» [Мейби, 2017]. Мадден Е. в книге «Наши трехязычные дети» приводит следующий пример: «... наш самый первый двуязычный окказионализм. Когда Ане было 3 года, я подслушала, как она раздумчиво повторяет: “*Einsteigen... два steigen... три steigen...*” *Einsteigen* – входить. Немецкую приставку *ein* Аня интерпретировала как её омоним – число 1, и попробовала заменять, уже по-русски, на 2, 3...» [Мадден, 2008]. Подобные каламбуры также были обнаружены исследователями поэтики различных писателей, к примеру, В. Набокова: «По наблюдению Г. А. Левинтона, «итальянские виноградные виньетки» – это двуязычный каламбур, так как слово «виньетка» (ит. *vignetta*; фр. *vignette*) этимологически происходит от ит. *vigna* (фр. *vigne*) – «виноградник») [Долинин, 2018].

Межъязыковой каламбур, как следует из самого названия данного феномена, представляет собой факт взаимодействия двух и более языков в рамке конкретного текстового единства. Под взаимодействием языков в данной работе понимается применение неассимилированных лексем из **языка-донора** (языка-источника иностранных лексем) в тексте **на языке-основе** (основном языке межъязыкового каламбура). Таким образом, межъязыковой каламбур можно рассматривать как частный случай макаронизма – «использования иноязычной лексики в тексте» [Трифорова, 2003, с. 68]. Межъязыковые каламбуры могут основываться на языках как близкородственных, так и принадлежащих разным языковым семьям, к примеру, весьма многочисленны японско-английские (и наоборот) межъязыковые каламбуры [Медведев, Фомин, 2015].

Межъязыковые каламбуры, несмотря на сложность их создания и восприятия, также все чаще используются в СМИ, рекламе, кино, телесериалах, аниме и в Интернет-среде, поскольку процесс глобализации способствует

установлению и укреплению межкультурных контактов. Следовательно, сам факт взаимодействия двух и более языков в тексте каламбура подразумевает наличие у адресата способности дешифровать межъязыковую игру слов, что свидетельствует о все более тесных межкультурных контактах и взаимодействии языковых систем в ходе глобализации, вследствие чего более детальное рассмотрение межъязыковых каламбуров представляется весьма продуктивным и перспективным.

Зарубежные исследователи уделяют пристальное внимание межъязыковым каламбурам, к примеру, рассматривая Интернет-коммуникацию и апеллируя к термину “multilingual wordplay” (многоязыковая/мультиязыковая игра слов): «Согласно полученным данным, английский и другие языки, такие как русский, креативно и игриво смешиваются с фонетической, лексической и синтаксической системами монгольского языка. Используя мультиязыковые ресурсы, пользователи Facebook создают новый тип мультиязыковой игры слов...» [Dovchin, p. 99].

В. З. Санников также обращает внимание на каламбуры, основанные на созвучии лексем из разных языков, выделяя «случайное совпадение (или сходство) русских и иноязычных слов» [Санников, 2002, с. 495]. Очевидно, что данное понимание вопроса является довольно узким: исследователь не приводит каких-либо замечаний относительно характера сходства и ограничивается языковыми парами, включающими русский язык.

Как можно было убедиться из продемонстрированных выше примеров, зачастую в работах исследователей и писателей используется термин «двуязычный/двуязыковой каламбур», являющийся калькированным переводом английского термина “bilingual pun”, встречающегося, к примеру, у Д. Кристла: «Если вы владеете английским и валлийским... вы можете шутить, вставляя английские слова в валлийский текст... – создавая двуязычные каламбуры [bilingual puns] и игру слов, которые находятся за пределами монолингва» [Crystal, 1998]. Для сравнения: «... в одной из предыдущих наших работ было выявлено наличие двуязычного каламбура, “шутить” – shoot (стрелять), связанного с английским языком...» [Заславский, 2017, с. 134]. М. Еленевская рассматривает

«двуязычную игру слов» среди мигрантов, осуществляемую на уровне предложения [Еленевская, 2014, с. 13]. В работах отечественных исследователей можно обнаружить и такой термин как «двуязыковые каламбуры» [Заславская, 1985].

Однако, существуют каламбуры, использующие слова из трех и более языков одновременно, к примеру, в романе Джеймса Джойса “*Finnegans Wake*” («Поминки по Финнегану»): “My branches lofty are taking root. And my cold cher's gone ashley. Fieluhr? Filou! What age is at?” [Joyce, 1975, p. 213]. “*Filou*” в переводе с французского означает «пройдоха, негодяй». Несуществующее слово “*Fieluhr*” имеет схожую, но не идентичную, фонетическую и графическую оформленность и с “*Filou*”, и с немецким “*Wie viel Uhr?*” (с точки зрения графики, важно отметить совпадающие элементы “*ie*” и “*uhr*”), но в последнем случае речь идет скорее именно о фонетическом соответствии. Данный вопрос переводится с немецкого на русский как «Который час?». Далее автор видоизменяет этот вопрос на “*What age is at?*”. Таким образом, в данном межъязыковом каламбуре происходит взаимодействие языков: французского, немецкого и английского.

Еще одним примером является первое предложение в рассказе “*The Dead Lady of Clown Town*” Кордвайнера Смита: “Go back to An-fang, the Peace Square at An-fang, the Beginning Place at An-fang, where all things start” [Smith, 1993, p. 223]. В основе данного межъязыкового каламбура – столкновение компонентов одновременно трех языков, а именно кит. *anfang* ‘площадь мира’, англ. *Peace Square* ‘площадь мира’ и нем. *Anfang* ‘начало’. Можно предположить, что доминирование термина “*bilingual pun*” обусловлено более широкой распространенностью каламбуров из двух языков, что подтверждается материалами исследования, однако данный термин нельзя назвать исчерпывающим и максимально точно описывающим природу данного феномена, поскольку подобная формулировка предполагает взаимодействие только двух языков в рамках высказывания. Таким образом, термин «межъязыковой каламбур» представляется максимально точно отражающими суть данного явления.

В качестве дополнительного аргумента в пользу предпочтительности термина «межъязыковой каламбур» можно привести тот факт, что он уже закрепился в трудах отечественных исследователей. К примеру, рассматривая поэтику Осипа Мандельштама, Ф. Б. Успенский использует данный термин следующим образом: «В “Бледном пламени” есть строки, где речь явным образом идет о басне *La cigale et la fourmi*. Автор предлагает межъязыковой каламбур, обыгрывающий произношение французского *cigale* ‘цикада’ и английского *seagull* ‘чайка’» [Успенский, Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама. «Соподчиненность порыва и текста», 2017, с. 185]. Е. Я. Шмелева приводит общую дефиницию термина: «столкновение двух сходно звучащих выражений, принадлежащих разным языкам» [Шмелева, 2011, с. 828]. Для терминологической унификации каламбуры, использующие инструментарий одного языка, будут обозначены как «однойязыковые».

Исходя из представленных определений, выведем рабочую дефиницию термина «межъязыковой каламбур» – полилингвальный феномен, где в ходе взаимодействия языков происходит переосмысление семантики всего высказывания из-за семантического, графического или фонетического сходства лексемы или фразы на языке-основе с лексемой или фразой на языке-доноре, которые могут быть выражены невербально (с помощью креолизации) или не выражены вовсе, материализуясь в ходе перевода компонента на необходимый язык (что характерно для имплицитных межъязыковых каламбуров, описание которых будет приведено в следующих разделах работы).

1.2.2. Имманентные особенности межъязыковых каламбуров

Взаимодействие языков в рамках межъязыкового каламбура обуславливает ряд особенностей, отличающих межъязыковой каламбур от однойязыкового.

Во-первых, для межъязыковых каламбуров во многих случаях необходимо наличие подсказки для того, чтобы каламбур был более эксплицитным и,

следовательно, более простым для восприятия реципиентом. Данную подсказку можно обозначить как «**ЭКСПЛИЦИТНАЯ СВЯЗЬ**», в составе которой находится «**ЭКСПЛИКАТОР**» – вербально или невербально выраженное указание на язык, страну (или ее атрибут), из которой взято иностранное слово. Приведем следующий пример: *I ate ice cream in Germany which is 'n Eis* [9gag] (англ. *nice* ‘хорошо, неплохо’ и нем. *'n* [усеченная разговорная форма неопределенного артикля *ein*] *Eis* ‘мороженое’. Экспликатором в данном примере является «Germany» (Германия). Как отмечает Е. Я. Шмелева: «как правило, слушатель первоначально воспринимает произнесенное выражение в рамках одного из языковых кодов, хотя часто ему с самого начала дается подсказка, указывающая на возможность использования иного кода» [Шмелева, 2011]. С. Кноспе приводит схожий аргумент: «Что касается сопутствующей тексту информации, она также релевантна в процессе обработки игры слов» [Knospe, 2016, p. 166]. Необходимо отметить, что креолизация позволяет выразить экспликатор невербально, к примеру, с помощью изображения флага, герба или иной атрибутики страны языка-донора. Так, вербальный экспликатор был обнаружен в 212 (45,5%) отобранных каламбурах из 466, невербальный – 32 (6,8%), итого в 244 случаях (52,3%). Частотность употребления экспликатора в составе межъязыкового каламбура позволяет сделать вывод, что его наличие является весьма важным для создания комического эффекта. Кроме того, экспликатор может быть изменен таким образом, чтобы указать на новый язык-донор в случае перевода межъязыкового каламбура на другой язык, что подтверждают данные эксперимента, описываемого в следующей главе работы.

Во-вторых, для одноязыковых каламбуров необходима пара таких лексем, которые обладают практически или полностью идентичным графическим и фонетическим оформлением. Следовательно, в случае межъязыковых каламбуров необходима пара подобных лексем, принадлежащих разным языкам. Дирк Делабастиа отмечает, что возможность существования межъязыковых каламбуров обусловлена сходством отдельных компонентов фонетических систем, позволяя автору каламбура воспользоваться «сегментным фонетическим сходством»

[Delabastita, 1993, p. 155]. Развивая данное утверждение, С. Кноспе выделяет межъязыковую омонимию и паронимию в качестве основы межъязыкового каламбура [Knospe, 2015]. Однако, существуют разные подходы к интерпретации межъязыковой омонимии и паронимии. К примеру, Е. В. Федорчук разграничивает эти понятия. При межъязыковой омонимии обнаруживается идентичное написание и звучание двух и более разноязычных лексем, а в случае паронимии речь идет лишь о сходстве, подобии в значении/написании [Федорчук, 2001]. В. В. Акуленко определяет межъязыковую паронимию следующим образом: «К межъязыковым паронимам следует отнести слова сопоставляемых языков, не вполне сходные по форме, но могущие вызвать у большего или меньшего числа лиц ложные ассоциации и отождествляться друг с другом, несмотря на фактическое расхождение их значений» [Словарь «ложных друзей переводчика», 1969, с. 371]. В энциклопедии «Русский язык» под редакцией Ю. Н. Караулова также используются термин «межъязыковая паронимия» [Караулов, 1997, с. 327]. При этом не уточняется степень «внешнего сходства» межъязыковых паронимов.

Также, ряд исследователей не разграничивают межъязыковые паронимы/омонимы и «ложные друзья переводчика» [Гальперин, 1970; Будагов, 1974]. Межъязыковые омонимы и паронимы, однако, отличаются от ложных друзей переводчика тем, что последние являются этимологически родственными словами, чье лексическое значение стало различным ввиду исторического развития языковых систем. Исследователи также необоснованно отождествляют и межъязыковой каламбур с межъязыковой паронимией. Различие заключается в том, что межъязыковая паронимия является лишь средством создания межъязыкового каламбура.

В контексте данного исследования наиболее релевантным является подход немецкого лингвиста Эйенара Хаугена, который обозначает фонетически и/или графически идентичные пары лексем, принадлежащие разным языкам, как «диаморфы». Примечательно, что компоненты диаморфической пары могут принадлежать разным частям речи [Haugen, 1950]. В данной работе «**диаморфическая связь**» обозначает сам факт использования двух созвучных

разноязычных слов, их столкновение в рамках текстового единства. Другими словами, базой для взаимодействия языков в составе межъязыкового каламбура является именно диаморфическая связь, которая может осуществляться различно.

Межъязыковые каламбуры, построенные на **графических диаморфах**, соответственно, основываются на совпадении разноязычных лексем на уровне орфографии: например, нем. *Kinder* 'дети' и англ. *kinder* 'добрее'. **Фонетические диаморфы** обладают схожим произношением при полном или частичном несовпадении в плане орфографии: к примеру, исп. *Juan* (Хуан) /xwan/ и англ. *one* /wʌn/ 'один'. Отметим, что особенности фонетической системы языка-основы могут приводить к такому созвучию двух и более лексем языка-основы, которое невозможно при употреблении конкретного каламбура в рамках другого языка-основы. Проиллюстрируем данную ситуацию с помощью следующего примера: «То-Love-Ru» (название японского аниме-сериала, который в оригинале также записывается латиницей). При прочтении данного названия по правилам японского языка создается каламбур, поскольку японский зритель прочитает получившийся окказионализм как /to-rabu-ru/, что, в свою очередь созвучно с тем, как японец прочитал бы английское слово *trouble* 'беда, проблема'. В то время как в случае фонетического диаморфа речь идет о созвучии лексемы языка-основы с лексемой языка-донора (с учетом правил чтения языка-донора), здесь происходит переосмысление фонетики лексемы из языка-донора из-за особенностей языка-основы, что обуславливает созвучие лексем и/или ее фрагментов с другими лексемами из языка-донора в контексте языка-основы. Подобная ситуация весьма характерна для японских межъязыковых каламбуров ввиду специфики фонетики японского языка в сравнении с английским. Также примечательно, что в этом примере сам японский язык не репрезентирован с помощью какого-либо вербального компонента. Иными словами, в игре слов участвует сама фонетическая система языка.

Существующий подход к изучению диаморфической связи ограничивается лексическим уровнем, описывая созвучие слов разных языков. Однако в ходе анализа отобранного языкового материала было установлено, что диаморфическая

связь может выходить за рамки данного уровня. Так, авторы межъязыковых каламбуров нередко проводят параллель между созвучием лексемы одного языка и фразы на другом (напр., рус. «хаваю» и англ. *How are you?* ‘как дела?’, обнаруженные в одном из межъязыковых каламбуров в социальной сети Вконтакте), или же «с обеих сторон», то есть в языке-основе и языке-доноре существуют два словосочетания (фразы/фразового глагола/артикля со словом и т.п.), которые являются созвучными – подобным образом функционирует яп. 三九 /san-kyu:/ ‘три-девять’, что созвучно с англ. *thank you* ‘спасибо’. Таким образом, на наш взгляд уместным видится выделение двух дополнительных типов диаморфов, а именно: **фразовый диаморф**, когда лексема созвучна со словосочетанием на другом языке, и **парный фразовый диаморф**, когда созвучны две фразы или словосочетания на разных языках. Следует отметить, что компоненты парного фразового диаморфа могут быть созвучными как в соотношении 1:1, как в случае 三九/thank you, так и пересекая границы слов. Иными словами, слово+фрагмент следующего слова первой фразы в паре созвучен с другим словом из второй фразы и т.д. Проиллюстрируем подобный случай с помощью анекдота, обнаруженного на сайте Reddit. В центре истории – испанец, пытающийся объяснить неговорящей по-испански продавщице, что он желает приобрести носки. В финале анекдота происходит следующий обмен репликами:

«... the man spotted a display of socks and happily grabbed a pair. Holding them up he proclaimed "Eso sí que es!" – "Well, if you could spell it, why didn't you do that in the beginning?" asked the exasperated salesgirl» [Reddit].

‘... мужчина заметил прилавок с носками и с радостью схватил пару. Держа их в руках, он воскликнул “Eso sí que es!” [Именно вот это!] – “Ну, раз Вы могли произнести это по буквам, почему сразу так не сделали?”, спросила раздраженная продавщица’.

В данном анекдоте основу шутки составляет межъязыковой каламбур, в котором наблюдается диаморфическая связь между “Eso sí que es!” ‘именно вот это’ и тем, как английского слово “socks” будет произнесено по-буквам: /es-ou-si:-

kei-es/. В данной паре фразовых диаморфов невозможно проведение параллельной диаморфической связи между компонентами (т.е. 'eso' не является диаморфом 'es'). При более детальном рассмотрении становится очевидно, что подобный тип парного фразового диаморфа представляет собой цепочку из фразовых диаморфов, что обуславливает выделение дополнительного подкласса: **комбинированный диаморф**.

В-третьих, согласно В. С. Виноградову, структурную основу любого каламбура составляет столкновение двух компонентов: стимулятора и результаты: «Первый компонент такого двучленного образования является своеобразным лексическим основанием каламбура, опорным элементом, стимулятором начинающей игры слов, ведущей иногда к индивидуальному словотворчеству. Опорный компонент (стимулятор, основание) можно также рассматривать в качестве лексического эталона «игровой инструкции», который соответствует существующим орфографическим, орфоэпическим и словоупотребительным нормам языка» [Виноградов, 2004, с. 105]. Второй компонент конструкции, результата (также обозначаемая Виноградовым как «перевертыш»), является «результатирующим компонентом ... представляющим собой как бы вершину каламбура. Лишь после реализации в речи второго компонента и мысленного соотнесения его со словом-эталонem возникает комический эффект, игра слов. Результанта может быть взята из лексических пластов, как составляющих литературную норму языка, так и находящихся за ее пределами, или вообще относиться к фактам индивидуальной речи» [там же].

Существуют межъязыковые каламбуры без вербально или невербально выраженной иноязычной лексемы. Перевод стимулятора в сознании реципиента активизируется благодаря контексту, в котором встречается высказывание, или с помощью отсылки к конкретному экстралингвистическому факту. Рассмотрим следующий пример подобных межъязыковых каламбуров: *«растекаюсь мыслью по древу – я умен, как вода»* [Вконтакте]. Автор данного межъязыкового каламбура мотивирует сравнение своих интеллектуальных способностей (подкрепляемое соотнесением с фразеологизмом «растекаться мыслью по древу») отсылкой на

известный бренд воды «Smart Water» (англ. *smart*, ‘умный’). Подобный вид межъязыковых каламбуров представляет большой интерес потому, что является каламбуром с усеченной структурой, то есть нем отсутствует иностранный компонент, который можно было бы принять в качестве результата. Кроме того, стимулятор также является имплицитным, поскольку он выносится на первый план в высказывании в ходе противопоставления со своим переводом на иностранный язык (в данном – случае – английский). Следовательно, компонент межъязыкового каламбура, который является переводом стимулятора или результата, и семантика которого участвует в игре слов, можно обозначить как **транслят**.

Транслят является необходимым компонентом для всех межъязыковых каламбуров, так как лишь после перевода нужной лексемы в сознании реципиента активизируется совмещение планов содержания. В том случае, если реципиент не в состоянии осуществить перевод лексемы, каламбур не является воспринятым и, соответственно, не производит юмористического эффекта. В качестве примера можно привести следующий:

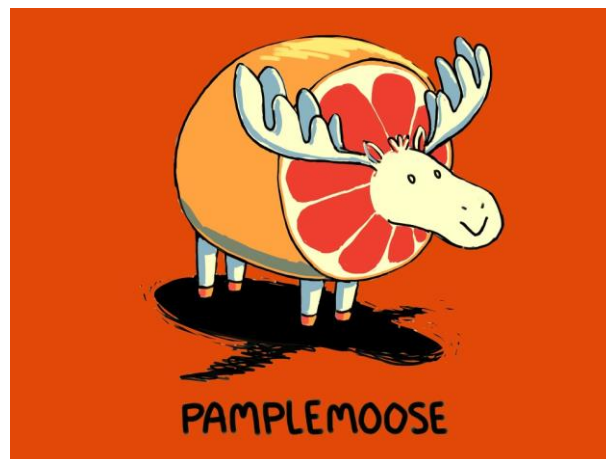

Рисунок 3. Pamplemousse [9gag].

Выделим три структурных компонента данного каламбура:

1. Стимулятор: *pamplemousse* фр. ‘помело’.
2. Результанта: изображение гибрида фрукта помело и лося Ц(англ. *moose*).
3. Транслят. Здесь возможно выделить два транслята в зависимости от языка-основы для реципиента. Французскому читателю необходимо выделить английское

слово *moose* и перевести его на родной язык, чтобы установить связь между английским словом и изображением лося. Если за язык-основу принять английский, то англоговорящий читатель должен апеллировать к французскому названию изображенного фрукта, который в английском языке обозначается лексемой *pomelo*. Не-носителю ни одного из представленных в каламбуре языков для понимания необходимо перевести оба компонента. В любом случае, без осуществления перевода одного из компонентов межъязыкового каламбура данный пример не имеет смысла.

В-четвертых, межъязыковые каламбуры зачастую используют языки с разными системами письменности (напр. «МОЙСАР» [вывеска] – игра слов «мойка» и *car* ‘машина’), что позволяет эксплицировать лексему из языка-донора. Иноязычная система письменности может быть применена при записи фрагмента обыгрываемой лексемы или для отдельного слова: «Ты мой drug» [Вконтакте] (англ. *drug* ‘наркотик’). Данные каламбуры можно обозначить как полиграфические. Примечательно, что во втором примере отсутствует фонетическая диаморфическая связь, а графическая является весьма условной, реализуясь при замене каждой буквы латиницы на соответствующую ей из кириллицы.

В качестве последней имманентной особенности межъязыковых каламбуров можно выделить саму полилингвальность, т.е. количество используемых языков. Межъязыковые каламбуры можно разделить на двуязыковые (билингвальные), трехязыковые, квадраязыковые и т.д., один из которых является языком-основным, остальные – языками-донорами. При этом, как следует из примера *Pamplemoose*, разделение на язык-основу и язык-донор в некоторых случаях не является абсолютным, а зависит от контекста, лингвокультуры, в которой данный каламбур был употреблен. Также отметим, что гипотетически количество языков, участвующих в игровом взаимодействии в рамках высказывания, ограничено лишь количеством реально существующих языков, однако, как было выявлено в ходе анализа отобранного языкового материала, подавляющее большинство межъязыковых каламбуров состоит двух языков.

Таким образом, данные особенности, присущие межъязыковым каламбурам в силу их полилингвальной природы, отличают их от одноязыковых каламбуров, что было учтено в ходе создания структурно-формальной классификации, языковых и когнитивной моделей, а также при анализе лингвокультурной специфики межъязыковых каламбуров.

1.3. Структурно-формальная классификация межъязыковых каламбуров

В теоретических работах зарубежных и отечественных исследователей можно обнаружить различные классификации одноязыковых каламбуров, что обусловлено выделением авторами принципиально разных категориальных критериев: семантического (В. З. Санников), функционального (Г. Ф. Рахимкулова), структурно-формального (С. Влахов, С. Флорин; М. В. Ушкалова; О. Е. Вороничев; А. П. Сковородников). Основой для классификации каламбуров могут также являться способы или тактики их построения (В. П. Москвин).

Очевидно, что основой для категоризации не может быть характер семантических связей между обыгрываемыми словами (распад полисемии, ложная этимологизация, каламбурная зевгма) [Москвин, 2011]. Полисемия – черта одной конкретной лексемы, что противоречит сути межъязыковых каламбуров, в которых по определению должны участвовать два и более слова различных языков.

А. Стефанович утверждает, что все межъязыковые каламбуры существуют на двух уровнях: “below-word-level” (ниже уровня слова, сублексический) и “word level” (уровень слова, также известный как супралексический уровень) [Stefanowitch, 2002, p. 3]. Остановимся подробнее на каждом из них.

Сублексические межъязыковые каламбуры представлены такими единицами, в которых происходит экспликация диаморфической связи части одной лексемы (корня или его фрагмента) с помощью дополнительных пунктуационных знаков: апострофа, тире, а также графических средств, таких как: жирный шрифт, курсив, капитализация. Автор приводит следующий пример: *fun-tastisch*

[Stefanowitsch, 2002]. Английское прилагательное *fun* 'веселый', весьма знакомое практически любому не-носителю английского языка, модифицирует немецкое прилагательное *fantastisch* 'фантастический'. Согласно С. Кноспе, межъязыковые каламбуры сублексического уровня, основанные на созвучии морфем и иноязычных слов, встречаются чаще, поскольку эти компоненты короче, и вероятность того, что им найдется диаморф из другого языка, соответственно, выше [Knospe, 2015]. Таким образом, благодаря изменению графической составляющей (а>u) и применению дополнительной пунктуации (дефис) образуется межъязыковой каламбур.

Подобный вид межъязыковых каламбуров сопоставим с тем, что, к примеру, выделяет Л. Райнерс при категоризации одноязыковых каламбуров. Так, в классификации, предложенной немецким исследователем, существует следующий подтип: игра слов, построенная на их преобразовании, вследствие которого часть одного слова становится сходной с частью другого [Reiners, 1950]. Данное явление также известно как блендинг: «самостоятельный способ словообразования, пограничный с аббревиацией и словосложением ввиду своих структурных особенностей, но обладающий специфическими чертами (намеренный характер словопроизводства, особая стилистическая окраска производных, окказиональный статус большинства производных единиц... бленд образуется в результате взаимодействия двух или более исходных единиц, которые проходят процесс усечения и объединяются в единую лексему либо имеют схожие фрагменты в своей структуре и объединяются путем наложения» [Хрущева, 2009, с. 101]. Можно привести следующий пример межъязыкового каламбура, в котором применяется блендинг: «секси tap'и-я» [Вконтакте].

Супралексические межъязыковые каламбуры, в которых отсутствует блендинг, подразумевают использование иностранной лексики в рамках устойчивого, легко распознаваемого выражения, которое исследователь обозначает как лингвистический фрейм: «Примечательно, что эти каламбуры всегда требуют четкого лингвистического фрейма, под которым понимается узнаваемый, устойчивый языковой фрагмент, выступающий в качестве знакомого,

с легкостью интерпретируемого фона для понимания каламбура» [Stefanowitch, 2002, p. 5]. Исследователь подтверждает свою точку зрения касательно супралексических межъязыковых каламбуров с помощью примера *Nice to miet you*, где обыгрывается созвучие английского *meet* ‘встретить’ и немецкого *miet* ‘брать в аренду’: «В то время как *John is going to miet Mary* можно [успешно] интерпретировать, подобный каламбур маловероятен, поскольку предложение *John is going to meet Mary* не предоставляет устойчивого фрейма, который позволил бы реципиенту воспринять каламбур эффективно» [там же]. В качестве еще одного примера можно привести следующий анекдот:

- *Como se dice “un zapato [туфля]” en ingles?*
- *A shoe.*
- *Salud.*
- *Gracias [9gag].*

В данном примере мы наблюдаем испано-английскую игру слов, основанную на диаморфической связи английского *a shoe* ‘туфля’ и испанского звукоподражательного слова *achú* ‘апчхи’. В данном случае также наблюдается фразовый диаморф *a shoe/achú*.

Однако, разделение всех межъязыковых каламбуров на два подтипа не лишено недостатков. Так, не учитывается ситуация, когда усекается один из компонентов. Рассмотрим следующий пример: *We kehr for you* [Reddit]. В данном случае, глагол *kehr* (от нем. *kehren* ‘подметать’) встраивается в более крупную фразовую структуру, и значение всего высказывания становится менее очевидным. В то же время, человек, в достаточной мере владеющий английским языком, сразу обнаружит скрытый английский глагол *care* ‘заботиться’, являющийся фонетическим диаморфом вышеназванного немецкого глагола. В сознании реципиента создается образ компании, которая осуществляет уборку улиц, тем самым, заботясь о городе, делая обстановку более благоприятной для жителей города и его посетителей. Подобное семантическое расширение осуществляется путем формальной модификации компонентов, при этом, затрагивается не только орфография (*kehr* вместо *care*), но и флексия (усекается немецкое инфинитивное

окончание *-en*), чтобы фонетически приблизить немецкий глагол к английскому. Сублексические межъязыковые каламбуры, которые могли бы претендовать на роль той категории, в которую возможно отнести подобные каламбуры, описывают именно слияние двух и более лексем в одну. Таким образом, межъязыковые каламбуры с усеченным компонентом вынуждены пребывать в неучтенном пограничном состоянии между сублексическими и супралексическими каламбурами.

В целом, подобная двухъярусная классификация межъязыковых каламбуров, предложенная А. Стефанович, не является достаточно детальной для категоризации межъязыковых каламбуров, отобранных в ходе анализа. Также, в упомянутой ранее классификации Л. Райнерса имеется упущение, поскольку совмещаются все возможные виды созвучия (полную омонимию, омофонию, омографию и паронимию) в одной категории, что, на наш взгляд, является необоснованным упрощением, так как характер диаморфической связи (графический, фонетический, фразовый и т.д.) между обыгрываемыми словами является принципиально важным для построения классификации межъязыковых каламбуров.

Неприменимость классификации одноязыковых каламбуров для наиболее подробного отражения специфики межъязыковых каламбуров можно продемонстрировать на основе классификации С. Влахова и С. Флорина, которые выделяют три типа каламбуров: лексические, фразеологические и фонетические.

К лексическим каламбурам относятся разные типы игры слов, в основе которых находится обыгрывание:

- 1) целых слов или частей, а именно:
 - а) корней, аффиксов;
 - б) «обломков»;
- 2) многозначности и/или омонимии;
- 3) ряда других лексических категорий — антонимии, этимологии и т.д.

Фразеологические каламбуры охватывают те, в которых обыгрывается нарушение компонентов не только идиом, но и устойчивых словосочетаний, фразовых глаголов, пословиц.

Фонетические каламбуры описывают те, в которых игра слов строится не на противопоставлении семантики, а исключительно на звуковом уподоблении участников игры слов. Фонетически сходные лексемы суммируются, изредка способствуя приращению смысла [Влахов, Флорин, 1980].

Данная классификация, являясь весьма продуктивной для исследований каламбуров одноязыковых, также допускает возможность одновременного отнесения конкретного каламбура к нескольким подтипам (например, лексико-фонетический, в котором звуковое уподобление обусловлено обыгрыванием частей слов). Однако, в контексте материала исследования, данная классификация не является релевантной, поскольку автоматически все межъязыковые каламбуры будут отнесены к подтипу лексико-фонетических, преимущественно на обыгрывании целых слов или частей.

Как было продемонстрировано в предыдущем параграфе и установлено в ходе обзора существующих подходов к классификации одноязыковых и межъязыковых каламбуров, последние обладают рядом структурных особенностей, на основании которых возможно создать собственную структурно-формальную классификацию, позволяющую разделять межъязыковые каламбуры по следующим категориальным критериям:

- 1) по количеству участвующих языков: двуязыковые и полиязыковые;
- 2) по участвующей языковой паре. Первым компонентом пары указывается язык-основа межъязыкового каламбура, вторым – язык-донор: англо-испанские, англо-французские, англо-немецкие и т.д. В случае полиязыковых каламбуров, дальнейшие языки добавляются следующим компонентом группы;
- 3) по единству используемой графической системы:
 - а. унифицированные (т.е. используется только алфавит, предусмотренный основным языком каламбура);

- b. полиграфические (используются знаки из других алфавитов);
 - c. фонетико-идеографические (исключительно для языков с идеографическим письмом, например, китайский или японский, в котором обыгрывается созвучие лексемы, выраженной иероглифом, выражающим как семантику, так и фонетику, и другой лексемы, записанной фонетическим письмом другого языка. Данный вид игры слов особенно характерен для каламбуров с японским языком-основой);
- 4) по характеру диаморфической связи:
- a. фонетические диаморфы; при этом следует разделять созвучие между словами, обусловленное правилами чтения результаты из языка-донора (1) по правилам основного языка; (2) по правилам языка-донора;
 - b. графические диаморфы – межъязыковой каламбур строится исключительно на графическом сходстве двух лексем, фонетическое совпадение отсутствует;
 - c. фразовые диаморфы, подразделяющиеся на: (1) фразовый диаморф; (2) парный фразовый диаморф; (3) комбинированный фразовый диаморф;
- 5) по степени эксплицитности межъязыковых каламбуров:
- a. эксплицитные (результанта материально присутствует в рамках высказывания);
 - b. имплицитные – для активизации каламбура необходимо осуществить перевод лексемы-стимулятора и подставить его в исходное выражение;
- б) по наличию блендинга можно выделить межъязыковые каламбуры:
- a. «чистые», без применения различных манипуляций со стимулятором или результатной;
 - b. бленды, при этом можно отдельно выделить следующие субкатегории: (1) бленд-стимулятор; (2) бленд-результанта, и, необходимо отметить, что блендинг может осуществляться на уровне разных морфем, или же

вовсе осуществляться на их стыке; (3) усеченные – в которых обыгрываемая лексема усекается, чаще всего, на уровне аффикса.

Полученная структурно-формальная классификация, затрагивающая различные особенности межъязыкового каламбура, в первую очередь позволит упростить процесс перевода данной конструкции, поскольку задачей переводчика будет следовать аналогичным способам создания межъязыкового каламбура, сохранив его полилингвальную специфику, а также разграничить различные случаи употребления межъязыковых каламбуров для более детального исследования в перспективе.

1.4. Способы создания одноязыковых каламбуров как основа для языкового моделирования межъязыковых каламбуров

Понятие «языковая модель» обладает рядом дополняющих друг друга трактовок, поскольку язык является сложной многоуровневой системой. Е. Г. Кудрявцева отмечает, что «цели и методы исследования могут также оказывать влияние на интерпретацию понятия [языковой модели]» [Кудрявцева, 2018, с. 135]. Наиболее релевантным в контексте описания межъязыковых каламбуров является понимание языковой модели как «некой общей схемы описания системы языка, какой-либо его подсистемы или отдельного языкового явления» [Кравцова, 2014, с.181-189].

Языковые модели межъязыковых каламбуров описывают способы построения межъязыковых каламбуров. На данный момент, ввиду отсутствия классификации таких способов в межъязыковом аспекте, необходимо обратиться к существующим теоретическим положениям в рамках исследований одноязыковых каламбуров. Так, наиболее подробной классификацией способов создания одноязыковых каламбуров является классификация В. П. Москвина (в его терминологии – «тактик») [Москвин, 2011, с. 35-42], что обуславливает ее релевантность для построения языковых моделей межъязыковых каламбуров.

В. П. Москвин выделяет шесть тактик создания каламбуров.

1. Сближение слов, тождественных или сходных по форме, в частности:

а) омонимов либо лексико-семантических вариантов слова (антанаклаза).

Данный прием является неприемлемым в контексте межъязыковых каламбуров, поскольку в этом случае совершенно невозможно говорить о лексико-семантических вариантах слова, так как для межъязыкового каламбура необходимо столкновение двух и более лексем из различных языков;

б) близкозвучных лексем, различающихся:

- одним звуком:

«*What happened to the Spanish Captain who said “Yes” too much? He got Sí-sick*» [9gag]. Каламбур построен на столкновении англ. *sea* (/si:/) ‘море’ в составе *seasick* ‘морская болезнь’ и исп. *sí* (/si/) ‘да’. Данный каламбур можно перевести как «*Что случилось с испанским капитаном, который говорил «да [si] слишком часто? У него появилась морская/да-болезнь [sea/si-sick]*».

- порядком следования звуков (одни и те же фонемы, но в разном порядке). В. П. Москвин приводит следующий пример: «Не рукопись, а куропись!». Межъязыковых каламбуров, построенных на основе данного приема, в нашей выборке обнаружено не было;

- ударением (парехеза). Как и в предыдущем случае, подобных межъязыковых каламбуров обнаружено не было;

в) созвучных слов (парономазия): *Chaud time!* [Reddit]. Французское прилагательное *chaud* ‘горячий’ созвучно с английским существительным *show* ‘шоу’. Отметим важную роль креолизации – изображение огня.

Рисунок 4. Chaud time [9gag]

2. Замена сходными по форме (то есть близкозвучными, однокоренными либо этимологически родственными) компонентами:

а) части слова (параморфоза):

In queso emergency I pray to Cheesus [9gag] (исп. *queso* ‘сыр’ является фонетическим диаморфом англ. *case* ‘случай’; также, англ. *cheese* ‘сыр’ – неполным омонимом англ. *Jesus* ‘Иисус’). В данном случае происходит одновременно обычная параморфоза в рамках одного языка (*Jesus – Cheese*), которая затем сталкивается с парой *queso/case*, и впоследствии два каламбура в рамках одного предложения уже сопоставляются друг с другом. Данный каламбур приблизительно можно перевести следующим образом: «В случае/сыре опасности я молюсь [Сырному] Иисусу».

Let's negi-otiate [9gag] ‘Давай долуковоримся’ (англ. *negotiate* ‘проводить переговоры’ и яп. *negi* ‘лук-порей’). Невербальный компонент (изображение человека, держащего в руках лук), упрощает понимание каламбура:

Рисунок 5. Let's negi-otiate

Отметим, что в ходе анализа материала исследования было установлено превалирование каламбуров, основанных на данной тактике;

б) слова (парономическая аллюзия). Данный прием подразумевает использование преимущественно однокоренных слов с нарушением их узуса, что и создает комический эффект (В. П. Москвин приводит следующий пример: «Это конгениально, - сообщил Остап», где комический эффект достигается благодаря замене слова «гениально» на «конгениально», значение которого («близкий по уму») не соответствует контексту). Созвучные слова из разных языков, используемые в межъязыковых каламбурах, ни в одном из отобранных примеров не являются однокоренным, вследствие чего не представляется возможным обнаружить применение данной тактики создания межъязыковых каламбуров;

в) текста (травестирование). Данный прием также не был обнаружен, из чего следует, что использование иноязычных компонентов в межъязыковых каламбурах ограничивается уровнем лексемы.

3. Объединение номинативных единиц:

а) двух, реже нескольких слов – общим звуковым фрагментом (фигура скорнения). Важно, что в данном случае речь идет именно о соединении начальной части одной основы с конечной частью другой:

What do you call a hairy angry bear? iFurioso! [ʉgag] (англ. *furry* ‘мохнатый’, *furious* ‘злой, гневный’ и исп. *oso* ‘медведь’).

В целом, данный прием во многом схож с уже упомянутой техникой параморфозы, однако принципиальное отличие заключается в том, что для скорнения необходимо именно соединение начальной части одной лексемы с конечной частью другой (ср. приводимый Москвиным пример «аромагия»).

В то же время, все межъязыковые каламбуры, так или иначе строящиеся на контаминации двух лексем, соответствуют именно последней схеме;

б) ряда семантически разнородных или даже несовместимых контекстов – общим словом, либо полисемичным, либо имеющим омонимы (каламбурная зевгма). Очевидно, что полисемия – черта одной конкретной лексемы, что противоречит сути межъязыковых каламбуров, в которых по определению должны участвовать два и более слова различных языков. Исходя из этого, подобных каламбуров также обнаружено не было.

4. Перестановка речевых компонентов, в частности:

а) частей слова (фигура вращения слова) (ср. «Мыслящий инако»);

б) частей близлежащих или контактирующих слов (метатезное словообразование): «Это настрадал еще Предсказамус»;

в) близлежащих или контактирующих слов с их переосмыслением (так называемый хиастический каламбур).

Не отрицается возможность создания подобного типа межъязыковых каламбуров. Путем перестановки одной части лексемы вероятно экспликация омонима из другого языка, что приведет к столкновению смыслов, однако, примеров построения межъязыковых каламбуров путем перестановки речевых компонентов на данном этапе исследования обнаружено не было.

5. Контекстуализация – расширение многозначного (семантически производного), либо имеющего омонимы выражения:

а) исключают либо затрудняют его однозначное истолкование (диалогия). Нецелесообразно рассматривать непосредственно многозначность одного слова (тогда каламбур потерял бы свою «многоязыковую» характеристику, поскольку полисемия является характеристикой слова в своем родном языке). Предыдущие примеры демонстрируют, что употребление межъязыковых неологизмов, образованных путем блендинга, зачастую требует определенной степени контекстуализации.

Прием контекстуализации также лежит в основе гетерограммы, игрового жанра, основанного на «пересегментации» речи [Зубова, 2000, с. 88], осуществляемой путем слитной записи (ср. Тыведьмадоннароста) [Москвин] или записи с перестановкой пробелов.

Межъязыковых каламбуров, основанных на подобной модели, также обнаружено не было. Это объясняется довольно высокой сложностью создания каламбуров подобного типа в пределах одного языка, поскольку автору необходимо, используя одни и те же фонетические средства и не изменяя их порядка, создать два грамматически верных высказывания. В то же время, не отрицается сама возможность создать межъязыковой каламбур по данной модели;

б) возвращающих выражению исходный смысл;

в) конфликтующих с его внутренней формой.

Последние два способа основываются на обыгрывании многозначности слов, что невозможно в условиях межъязыкового каламбура.

6. Переосмысление на основе ассоциаций по близкозвучию и равнозвучию:

а) части либо ряда частей слова (метанализ):

Whoever let this sit out and rust over probably had a crazy reason for doing it. You know, a loco motive...

Рисунок 6. a loco motive [9gag]

В каламбуре на Рисунок 6 происходит обыгрывание части слова *locomotive* ‘локомотив’ и исп. *loco* ‘безумный, сумасшедший’. Примерный перевод: ‘У того, кто оставил этот поезд ржаветь здесь, наверное, было безумный мотив. Ну, то есть ЛОКО[безумный]-мотив’);

б) слова (ложноэтимологическое переосмысление): *What if soy milk is just regular milk introducing itself in Spanish?* (англ. *soy* ‘соевый’ и исп. *soy* (форма первого лица единственного числа глагола *ser* ‘быть’. Согласно нормам испанского языка, человек может представиться, сказав *Soy Juan* – ‘Я Хуан’, таким образом, *soy milk* это одновременно и ‘соевое молоко’ или ‘я молоко’);

Анализ примеров показывает, что переосмысление семантики слова-катализатора является весьма частотной тактикой, используемой при создании межъязыкового каламбура. Действительно, как отмечает Д. Делабастита: «формы и значения в языке ведут себя так же безответственно и за рубежом» [Delabastita, 1993, с. 155].

Однако, в то время как игра слов в пределах одного языка позволяет «вскрыть» этимологию той или иной лексемы благодаря переосмыслению в ходе разложения этой лексемы на составные части и столкновения их друг с другом, то

в случае межъязыковых каламбуров об этимологическом родстве речи быть не может.

В целом, апробирование данной классификации, основанной на тактиках создания каламбуров, позволило выделить следующие особенности межъязыковых каламбуров, которые легли в основу языковых моделей, представленных в следующем параграфе.

Во-первых, многие одноязыковые каламбуры строятся на обыгрывании полисемии одного и то же слова, но данная модель является «закрытой» для каламбуров межъязыковых, поскольку полисемия – особенность лексемы именно в контексте ее родного языка.

Во-вторых, подавляющее число межъязыковых каламбуров строится путем скорнения, сращения или блендинга. Это можно объяснить тем, что авторы межъязыковых каламбуров находят в лексемах родного языка фрагменты, которые составляют диаморфическую пару с лексемами из других языков. Изменения, приводящие к образованию неологизмов, позволяют эксплицировать диаморфическую связь, упрощая понимание межъязыкового каламбура для реципиента. Кроме того, контекстуализация также играет большую роль при создании межъязыкового каламбура, поскольку изолированный бленд-неологизм имеет малую вероятность создать комический эффект у читателя. Контекстуализация может быть обозначена как вербально, так и невербально – последнее является характерной чертой феномена, в рамках которого проводится исследование (интернет-коммуникация) и материала (креолизованных образований – мемов в интернет средствах коммуникации).

В-третьих, в пределах одного языка весьма затруднительным представляется создание каламбура, основанного на исключительно графическом сходстве, по крайней мере в тех языках, использующих фонетический тип письма, поскольку написание конкретной лексемы будет неразрывно связано с ее фонетическим оформлением, из чего следует, что графически схожие слова одного языка будут являться схожими и фонетически. Однако, использование иноязычных лексем,

сопряженное с применением фонетических законов и правил чтения языка-донора, позволяет «обходить» это ограничение и создавать межъязыковой каламбур.

1.5. Языковые модели межъязыковых каламбуров

Применение имеющихся теоретических оснований в свете исследованного материала позволяет сконструировать языковые модели межъязыковых каламбуров с учетом полилингвальной специфики данного феномена.

В основе первой модели лежит сопоставление диаморфов. Модель можно представить следующим образом: вербально или невербально выраженный стимулятор из основного языка каламбура (или подразумеваемая лексема из основного языка в случае выражения стимулятора невербально) соотносится с вербально или невербально выраженной результантой из языка-донора, которая представляет собой перевод стимулятора на язык-донор, в то время как она является диаморфом другого слова, ожидаемого реципиентом высказывания в виду его уместности в данной синтагме (который, по аналогии с процессом антиципации, можно обозначить как **антиципант**). Таким образом, комический эффект строится на нарушении антиципации, а саму модель можно обозначить как **«антиципационная модель»**.

В большинстве случаев речевое воплощение данной модели подкрепляется наличием языковой подсказки, указания на тот язык, на который следует перевести стимулятор и/или с которого следует перевести результанту. Наиболее иллюстративным примером данной модели является: *Why does the French order 1 egg for breakfast? Because one egg is un oeuf* [ʒgag]. Так, экспликатор «the French» побуждает реципиента применить интерлингвистические знания и перевести оба компонента на французский и английский, соответственно, в то время как *un oeuf* ‘одно яйцо’ является фразовым диаморфом «enough» (англ. «достаточно»). Таким образом, из одного высказывания путем диаморфической связи разворачиваются два: “One egg is enough” и “One egg is one egg”, а комичность обусловлена

столкновением этих двух планов содержания, один из которых является абсурдно-очевидным, а получившийся совмещенный план можно представить как «Одно яйцо достаточно, потому что для француза одно яйцо это, как следует из созвучия названия на английском, достаточно». Иными словами, получается своеобразная рекурсия, вызывающая комический эффект.

Таким образом, данную модель можно визуализировать посредством следующей схемы на основе разобранный примера:

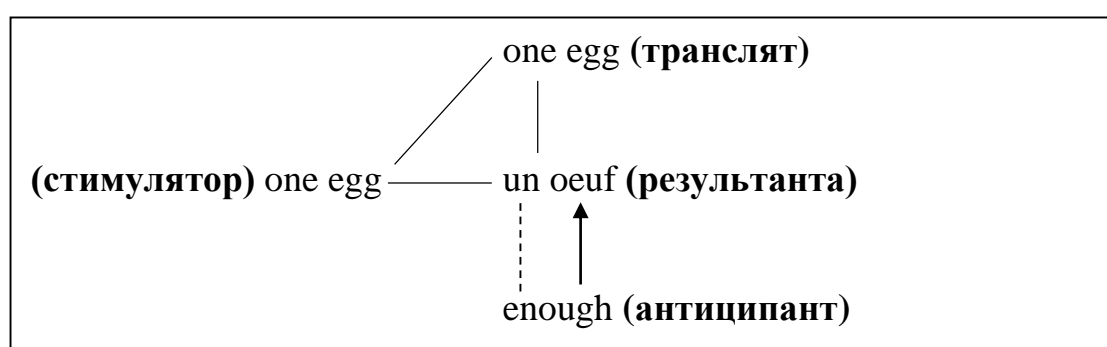

Схема 1. Антиципационная модель межъязыковых каламбуров

где прерывистая линия обозначает диаморфическую связь, сплошная – семантическое тождество, а линия со стрелкой показывает процесс семантического расширения результативы на основе диаморфической связи.

Рассмотрим пример межъязыкового каламбура, в котором результатива выражена не вербально, а визуально (см. Рисунок 7):

Doctor: What seems to be the trouble?

Me: I have pain in both legs

Рисунок 7. Pain-Legs [9gag]

В данном примере также наблюдается англо-французская межъязыковая игра слов между графическими диаморфами. Так, *rain* ‘боль’ является межъязыковым омографом французского *rain* ‘хлеб’. Фонетически же данные слова весьма различны (ср. англ. /reɪn/ и фр. /rɛ̃/). Изолированный от визуального компонента (изображение хлеба вместо ног), данный межъязыковой каламбур теряет какую-либо игру слов, превращаясь в совершенно обыденное высказывание. Тем не менее, *rain-хлеб*, являющийся невербально выраженным стимулятором, в какой-то степени уже присутствует в стимуляторе *rain-боль*, однако его актуализация происходит при повторном обращении реципиента к исходному выражению.

Таким образом, вторая языковая модель подобного каламбура может быть описана следующим образом: и стимулятор, и результата, являющиеся диаморфической парой, материально воплощены в пределах одной лексемы/фразы, в то время как в рамках синтагмы на первый план выносятся семантика стимулятора на языке-основе. Межъязыковая игра слов активизируется в тот момент, когда реципиент осуществляет перевод стимулирующей лексемы на необходимый язык, из которого использован диаморф, таким образом подставляя семантику диаморфа из языка-донора. Столкновение двух получившихся планов выражения создает комический эффект. Данные каламбуры, в целом, являются довольно сложными для понимания реципиентом в том случае, если отсутствует вербально или невербально выраженный стимулятор, что позволяет заявить об имплицитном характере подобной игры слов, что обуславливает название – **«имплицитная модель»**.

Третья языковая модель строится благодаря соединению в одной лексеме стимулятора и результаты с помощью блендинга, в следствие чего данную модель можно назвать **«неологическая»**, поскольку бленд приводит к созданию неологизмов. Рассмотрим следующий пример: «Лакки» (вывеска магазина косметики). В данном случае межъязыковая игра слов базируется на диаморфической связи русского слова «лаки» (множественное число «лак», одного из косметических товаров) и англ. *lucky* ‘счастливый, везучий’. В контексте русско-английских межъязыковых каламбуров примечательным является тот факт, что эти

два языка обладают разными системами письменности, кириллицей и латиницей соответственно, поэтому допустимыми являются два возможных способа реализации данной модели: с приведением двух лексем к графическому единообразию, так и с сохранением алфавита языка-донора. Примером второго случая является «Ністорія» [Вконтакте] (от англ. *his* 'его' и рус. «история»). Второй тип каламбура уже более прост для понимания реципиентом, поскольку наличие чужой, но достаточно знакомой системы письменности побуждает его осуществить перевод и успешно распознать межъязыковую игру слов.

Каламбуры, задействующие неологизм, функционируют также в рамках более широкого высказывания, в котором стимулятор на языке основе сталкивается с результантой, представляющей собой бленд, где инкорпорированная иностранная лексема является переводом стимулятора на язык-донор. Можно привести следующие примеры: «У нас есть все – СпортZall» (слоган спортивного зала, игра слов выражается в диаморфической связи фрагмента слова «зал» и англ. *all* 'все'. Стимулятором в данном случае выступает не «зал», а «все». Реципиенту необходимо осуществить перевод этого русского слова на английский язык, к чему его побуждает бленд СпортZall». Другим примером является: *What do the French call a really bad Thursday? A trajeudi!* (англ. *tragedy* 'трагедия' и фр. *jeudi* 'четверг').

Представим данную модель в виде схемы:

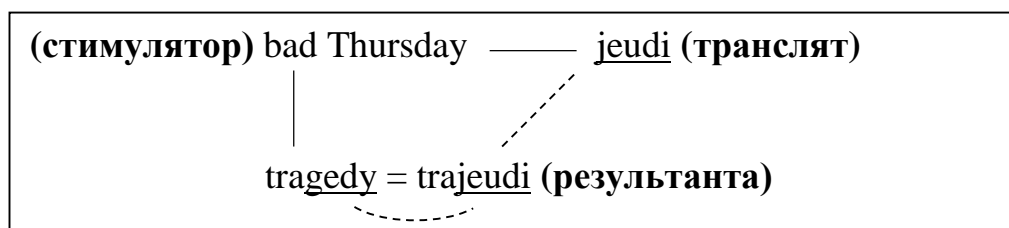

Схема 2. Неологическая модель межъязыковых каламбуров

где прерывистая линия обозначает диаморфическую связь, сплошная — семантическое тождество.

Основное отличие неологических каламбуров от имплицитных обусловлено тем, что, если в последних иноязычная лексема является чаще всего является

графическим диаморфом, в неологических она выражена эксплицитно посредством различных графических или типографических средств: пунктуационных знаков, курсива, дефиса, а также смещения систем письменности.

В целом, как следует из приведенных примеров и предложенных языковых моделей, в основе всех типов межъязыковых каламбуров находится ложное семантическое уподобление двух компонентов на основе диаморфической связи. Иными словами, в межъязыковом каламбуре происходит расширение семантики одного из компонентов-участников игры слов из-за их звукового сходства, при этом семантическое расширение может быть как эксплицитно, так и имплицитно выраженным (к примеру, в блендах). Несоответствие между значением транслята и значением, «заимствованным» у диаморфа, и обуславливает комический эффект. Таким образом, в ходе межъязыковой игры сталкиваются: семантика стимулирующего компонента на языке основе, семантика транслята иноязычного компонента и семантика диаморфов. Одного лишь звукового сходства между компонентами каламбура недостаточно; необходимо, чтобы значение транслята было релевантным в рамках высказывания. Релевантность, в свою очередь, обусловлена контекстуально, посредством вербальных или невербальных (визуальных) средств.

Выделенные языковые модели, описывающие межъязыковые каламбуры, позволяют выделить ряд особенностей данного феномена языка. Во-первых, межъязыковые каламбуры требуют больших усилий со стороны реципиента, поскольку автор подобных каламбуров ожидает от реципиента определенного инвентаря интерлингвистических знаний. Во-вторых, межъязыковая игра слов может быть основана на диаморфической связи стимулятора и результаты, которая, будучи переведенной на нужный язык, приводит к созданию дополнительного плана содержания.

В ряде случаев допустима возможность сохранения изначального, некомичного семантического наполнения высказывания, в том случае, если не осуществлять перевод результаты. В таком случае речь может идти о третьей особенности данных каламбуров: повышенная степень имплицитности,

обусловленная диалектическим единством стимулятора и результаты в границах одного материального компонента. Межъязыковой каламбур эксплицируется в том случае, если данная результатанта нарушает диаморфическую связи в плане графики или фонетики. Так, пример “one egg/un oeuf” может привести к коммуникативному сбою (игра слов не распознается реципиентом), если данный каламбур воспринимается не в виде текста, а фонетически, поскольку звуковое подобие “enough” и “un oeuf” скрывает игру слов. В целом, принципиальное отличие межъязыковых каламбуров от одноязыковых заключается в двойном характере стимулятора.

Наличие иноязычного компонента и необходимость перевести стимулятор или результатанту на язык-донор или основной язык соответственно подтверждает выдвинутое ранее предположение, что одноязыковой каламбур является двухкомпонентным образованием, межъязыковой каламбур – трехкомпонентным, включая стимулятор, результатанту и транслят, которые приводят к столкновению планов содержания.

1.6. Информативная структура межъязыковых каламбуров

Определение лингвокультурной специфики межъязыковых каламбуров подразумевает выявление не только непосредственно языковых характеристик межъязыковых каламбуров, но и идентификацию особенностей информативной структуры (т.е. информационно-семантической наполненности), являющейся многокомпонентной конфигурацией. Одним из первых исследователей, обративших внимание на комплексный характер информативной структуры каламбуров, является Н. В. Якименко [Якименко, 1984]. В своих работах он указывает на наличие следующих четырех постоянных и двух переменных компонентов в информативной структуре каламбура:

1) предметно-логический – тема каламбура, события, факты, которые легли в основу создания каламбура и явились толчком к его появлению.

Рассмотрение предметно-логического компонента в каламбурах позволит распределить материал исследования по тематическим полям, которые понимаются в данном исследовании как «совокупность большого числа слов одной части речи, объединяемых общим понятием (семой)» [Стернин, Флекенштейн, 1989, с. 18];

2) экспрессивно-стилистический – авторское эмоционально-оценочное отношение к предмету, описываемому с помощью каламбура (усмешка, ирония) или экспрессивно-познавательная установка данного речевого оформления мысли. Определение экспрессивно-стилистического компонента релевантно в ходе изучения каламбуров как составляющих идиостиля того или иного автора (поэта, писателя) в рамках более развернутого высказывания. Следовательно, рассмотрение экспрессивно-стилистического компонента не представляло интереса в настоящем исследовании;

3) ассоциативно-образный – использование единиц языка в прямом и переносном смысле. Если ассоциативно-образная информация является окказиональным компонентом семантической структуры слова, то в содержании каламбура – это постоянный компонент, поскольку его форма совмещает, по меньшей мере, два смысловых плана, что является основой образной информации. Рассмотрение ассоциативно-образного компонента, являющегося обязательным атрибутом каламбура, также не является релевантным, поскольку любой каламбур априори основан на ассоциативных связях, обусловленных фонетическим или графическим подобием двух и более слов или фраз. В случае межъязыковых каламбуров игра слов базируется на диаморфической связи этих компонентов;

4) функциональный – использование каламбура, как и любого стилистического приема, имеет конкретное назначение и подчинено определенной цели. Как было установлено ранее, исследователи традиционно фокусируются на юмористической функции каламбура. Однако, не вызывает сомнения, что функционал каламбура гораздо шире. Так, Г. Ф. Рахимкулова выделяет следующие компоненты функционального аспекта каламбура: эстетический компонент, входящий в содержание любого каламбура, характеризующий (дающий

характеристику описываемому явлению), типизирующий (обобщающий), индивидуализирующий (выявляющий индивидуальные особенности речи), апеллятивный (отсылающий к прецедентным текстам или известным событиям) и волюнтаривный (побуждающий к конкретным действиям, реакциям) компоненты [Рахимкулова, Люксембург, 1996]. Н. Д. Голев также рассматривает лингводидактический потенциал языковой игры: «Между тем большинство языковых игр как раз активизирует внимание носителей языка к языковой форме, к ее структурным компонентам – морфеме, слову, букве и т. д., к осознанию ее правильности/неправильности» [Голев, 2012, с. 29]. Можно предположить, что лингводидактическую функцию способны осуществлять и межъязыковые каламбуры. К примеру, автором данной работы был услышан следующий межъязыковой каламбур на уроке английского языка со студентами 1 курса: «Спортзал – это GYM, потому что там все делают ЖИМ». Полидискурсивная природа отобранных межъязыковых каламбуров обуславливает разнообразие исполняемых ими функций, что было подтверждено в ходе анализа материала исследования;

5) социолокальный – указание на социальную, профессиональную, территориальную, возрастную и другие коммуникации «путем включения разных словарных пластов языка: диалектизмов, терминов, просторечий, профессионализмов и т.д.» [Арнольд, 1981, с. 158]. Социолокальная информация во всех межъязыковых каламбурах может быть охарактеризована следующим образом: потенциальным читателем является человек, владеющий языком-донором на достаточном уровне для интерпретации межъязыкового каламбура. Дифференциация межъязыковых каламбуров по социолокальному компоненту осуществляется с учетом языковой пары, представленной в межъязыковом каламбуре, то есть различные межъязыковые каламбуры ориентированы на различные социальные группы; наличие иноязычного компонента делает каламбур «закрытым» для определенных лиц;

б) фондовый – с точки зрения принадлежности фонового компонента к той или иной категории культурных сведений каламбуры подразделяются на два вида:

- а) каламбуры, опирающиеся на факты, составляющие основной фонд сведения социальной культуры общества;
- б) каламбуры, содержание которых связано с текущими событиями и явлениями массовой культуры.

Н. В. Якименко делает важное замечание, что с течением времени фоновые знания, необходимые для их адекватного декодирования каламбура, могут быть утеряны широким кругом читателей [Якименко, 1984].

Несомненно, полилингвальная природа межъязыкового каламбура обуславливает особый характер информативной наполненности, что было подтверждено в ходе исследования языкового материала. Так, в межъязыковых каламбурах могут обыгрываться лакуны, которые В. Г. Гак определяет как «пропуски в лексической системе языка, отсутствие слов, которые, казалось бы, должны были присутствовать в языке, если исходить из его отражательной функции (то есть его задачи обозначать явления объективной действительности) и из лексической системы языка» [Гак, 1977, с. 261].

Рассмотрим следующий пример межъязыкового каламбура, в котором обыгрывается лакуна:

В России чан – сосуд, а японские чаны – сосут [Вконтакте].

В данном каламбуре происходит двойная игра слов: присутствует диаморфическая связь между русским словом «чан», обозначающим «обручную посудину, кадище большого размера» [Даль] и вариантом написания японского слова «ちゃん» (чан, тян), именного суффикса, традиционно добавляющегося к женским именам [Русско-японский словарь Yakuru], а также между существительным «сосуд» и глаголом «сосут». Двойная игра слов в итоге создает каламбур, который задействует лакуну «ちゃん», поскольку в русском языке отсутствует система именных суффиксов. Подобные каламбуры, соответственно, можно обозначить как «лакунарные».

Таким образом, рассмотрение информативной структуры межъязыковых каламбуров с позиции их предметно-логической, фоновой и функциональной

наполненности, а также с точки зрения их лакунарности, видится наиболее актуальным в рамках проводимого исследования.

1.7. Опыт когнитивных исследований межъязыковых каламбуров

Исследования каламбуров в русле когнитивного подхода базируются на ключевой особенности каламбуров, отличающей их от других видов языковой игры, а именно на двусмысленности текста, содержащего каламбур или являющегося им. Так, рассматривая один из примеров, В. З. Санников уточняет, что «[это] не каламбур, поскольку во всех этих случаях созвучные строки никак не связаны по смыслу» [Санников, 2002, с. 499]. О. Е. Вороничев также уточняет, что основополагающим свойством каламбура является «определённая смысловая связь между образующими его созвучными, близкими или противоположными по значению словами, неожиданное перемещение из одного семантико-экспрессивного поля в другое или параллелизм этих полей» [Вороничев, 2017, с. 5].

Более детально данный процесс описывает А. С. Джанумов: «Каламбур является сложным языковым образованием, в котором прослеживается двойная диалектическая связь: между тремя компонентами каждой части каламбура (семантическим, фонетическим, графическим) в их единстве и различии, с одной стороны, и между двумя частями каламбура в их единстве и противопоставлении, с другой стороны» [Джанумов, 1997]. Другими словами, одновременное функционирование и исходной семантико-фонетической (и графической, в случае каламбуров письменных) стороны компонента каламбура, и сопоставление с «присвоенными» значениями другого участника в рамках определенного текстового единства запускает игру слов в сознании.

А. Ониско описывает следующий сценарий того, как каламбур воспринимается в сознании реципиента. Так, в сознании реципиента первоначально происходит отсылка к одним концептам, реферируемым используемыми словами в составе каламбура. Под концептом понимается «содержательная сторона словесного знака (значение – одно или некий комплекс

ближайше связанных значений), за которой стоит понятие (т.е. идея, фиксирующая существенные «умопостигаемые» свойства реалий и явлений, а также отношения между ними), принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека» [Шведова 2005, с. 603].

Далее, благодаря текстовым или метатекстовым подсказкам (т.е. экспликаторам) происходит активизация других концептов, референциальность которых осуществляется, однако, теми же исходными словами, что приводит к «одновременной, контекстуально адекватной, различной интерпретации высказывания» [Onysko, 2016, p. 77]. Эта ситуация, в итоге, приводит к созданию юмористического эффекта.

Данный сценарий, по которому осуществляется игра слов, приводящая к образованию каламбура, может быть описан в рамках теории концептуальной интеграции (Conceptual Blending Theory), разработанной Жилем Фоконье и Марком Тернером [Fauconnier, Turner, 2002]. Концептуальная интеграция определяется авторами данной теории как разновидность отображений, или проекций, между понятийными областями [Fauconnier, Turner 1998], являясь одной из базовых когнитивных способностей человека. Теория концептуальной интеграции, таким образом, описывает одновременно и восприятие, и порождение новых понятий [Скребцова, 2018].

Ключевым понятием данной теории является «ментальное пространство» (mental space), также введенное Фоконье и Тернером. Ментальные пространства представляют собой когнитивные конструкторы, создаваемые в сознании и хранящиеся в памяти говорящих в процессе коммуникации [Fauconnier, 1994]. Примечательно, что, несмотря на само название «теория концептуальной интеграции», в рамках данной теории происходит оперирование не концептами как таковыми, а скорее понятиями, объектами, ситуациями и/или их атрибутами, то есть информацией самого разного порядка в целом. По этой причине, авторы преимущественно обозначают содержание ментальных пространств как «элементы».

Себастьян Кноспе, рассматривая применимость теории концептуальной интеграции в контексте межъязыковых каламбуров, отмечает, что межъязыковой каламбур возможен благодаря тому, что в когнитивной реальности билингвов или людей, в той или иной степени владеющих каким-либо иностранным языком, происходит преодоление языковых границ, которое позволяет создавать связи между концептами, что было подтверждено рядом психолингвистических исследований [Broersma, de Bot, 2006]. Поэтому, связь между двумя совпадающими формами активизирует в сознании связанные с ними концепты, которые попадают из ментального пространства входных данных в общее пространство и затем в смешанное пространство, которое реферируется с помощью межъязыкового каламбура [Knospe, 2015].

Как правило, в когнитивной лингвистике ментальные пространства и связи между ними визуализируются с помощью схем, которые представляют собой сети, что еще больше подчеркивает ключевые аспекты интеграции [Fausconnier, Turner, 2002]. Концептуальная интеграция традиционно представляется в виде следующей схемы:

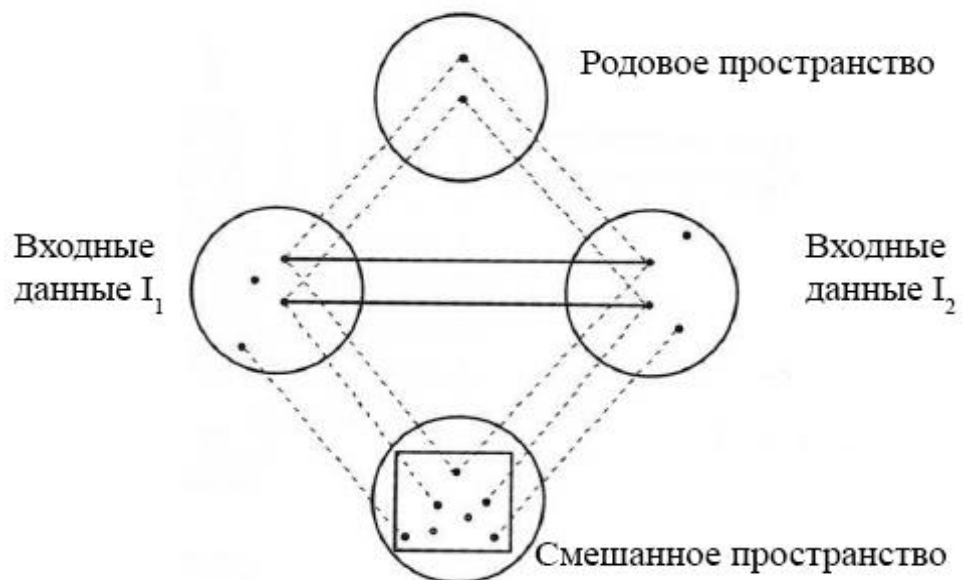

Схема 3. Основная схема концептуальной интеграции

Здесь окружностями изображены ментальные пространства, точками – концепты. Сплошной линией обозначены связи между концептуальными единицами ментальных пространств двух разных входных данных, а прерывистой – связи с другими ментальными пространствами. В квадратной рамке заключается значение, порождаемое в ходе смешения.

Функционирование данной модели можно представить следующим образом: участники коммуникации являются когнитивно и коммуникативно активными социальными агентами, которые конструируют ментальные пространства, создавая при этом «небольшие концептуальные пакеты» в ходе языковой деятельности, будь то вербальной или невербальной, устной или письменной. Далее ментальные пространства наполняются концептами. Участники коммуникации распознают потенциальную возможность придать двойственное значение какому-либо высказыванию или слову из-за диаморфической связи двух компонентов, взятых из языков А и Б (входные данные I_1 и I_2 на схеме 3 соответственно) [Knospe, 2015].

Согласно Фоконье и Тернеру, два изначальных пространства, входные данные I_1 и входные данные I_2 , образуют родовое, содержащее «точки соприкосновения» между двумя пространствами входных данных. Далее происходит образование смешанного пространства (или бленда), понятийная наполненность которого включает в себя три предыдущих пространства [Fauconnier, Turner, 2003]. Как отмечает Т. Г. Скребцова, «бленд не тождественен ни одному из исходных пространств, а представляет собой новое ментальное пространство со своим значением; в этом он подобен ребенку, который наследует от родителей определенные черты, но развивает собственную идентичность. Бленд – это целостный, компактный, легко запоминаемый конструкт, которым удобно оперировать как единым целым» [Скребцова, 2018, с. 186].

Фоконье и Тернер также выделяют ряд условий, соблюдение которых необходимо для корректного функционирования данной модели:

- 1) «интеграционное условие» (integration) – смешиваемые структуры могут легко представляться в виде единого концепта;

- 2) «наличие сетей» – важно для неразрывной связи между смешанным пространством и его входным;
- 3) «расшифровка» (unpacking) – возможность реконструировать сеть пространств, из которых была произведена интеграция;
- 4) «топология» (topology). Топологическое условие требует, чтобы схожее смешивалось со схожим, то есть соответствующие друг другу смешиваемые объекты структур соотносились с другими объектами своих пространств сходным образом, что обеспечивает семантическую законность интеграции;
- 5) «полезность» (good reason) — полученный концепт, в результате интеграции, должен иметь достаточное значение, в связи с другими концептами в пространствах [Fauconnier, Turner, 2003, p. 477-478].

Можно отметить, что в случае межъязыковых каламбуров нарушается условие топологии, поскольку сравниваемые компоненты обладают весьма сомнительной степенью сходства. Однако, данный факт нельзя считать недостатком данного подхода. Напротив, именно это несоответствие, как нам кажется, является тем, что обеспечивает комический эффект – неожиданное сопоставление компонентов, которые обычно не представляются связанными, привлекает внимание и порождает юмор. Каламбур, тем самым, позволяет обнаружить скрытые связи между двумя явлениями посредством языка, создавая при этом нарочито абсурдную ситуацию. Кроме того, необходимым условием для создания каламбуров является взаимодействие семантик компонентов. Изолированная диаморфическая связь, т.е. в отрыве от текстового окружения или ситуации, не создает каламбур.

Рассмотрим следующий пример: «*Beerлога*» (название магазина алкогольных напитков). В основе данного каламбура – диаморфическая связь между *beer* ‘пиво’ и начальной части *берлога*. Примечательным также является использование двух графических систем – латиницы и кириллицы, что является весьма распространенным явлением для межъязыковых каламбуров на материале языков, использующих разные системы письменности, зачастую сильно отличающиеся друг от друга, например, японской письменности каны и латиницы.

Построение схемы процесса концептуальной интеграции позволяет выявить интенцию автора каламбура:

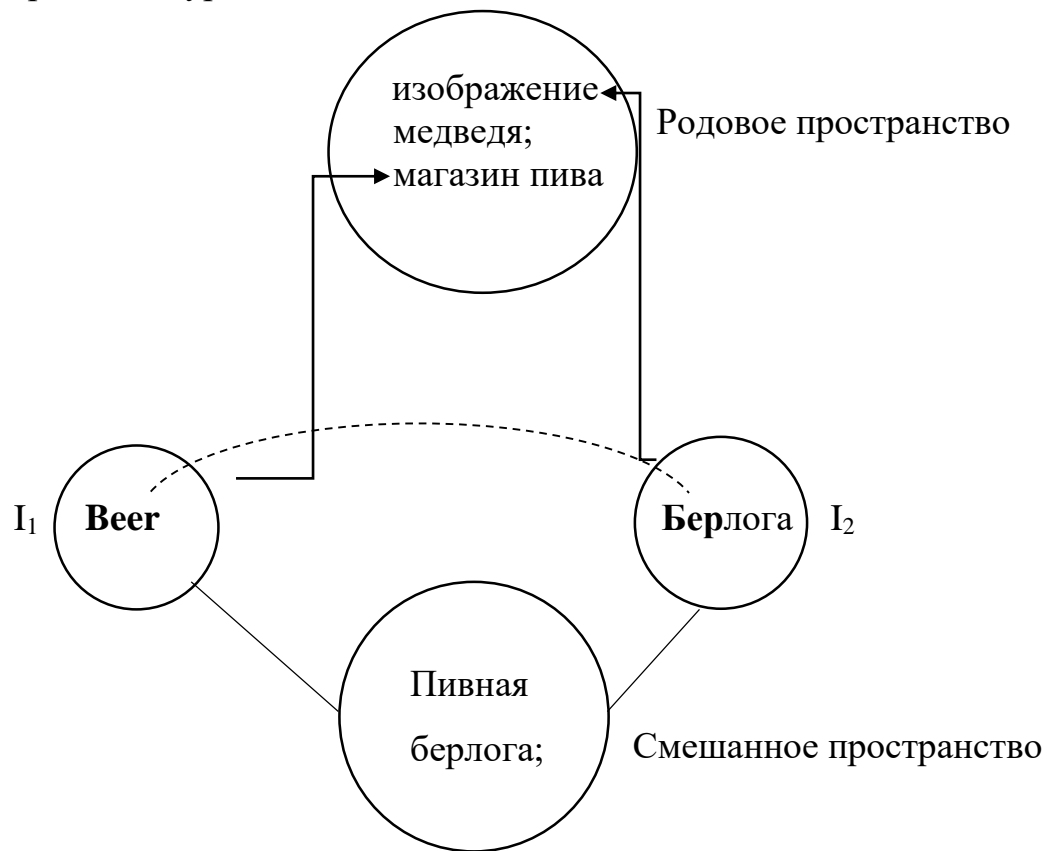

Схема 4. Процесс смешения в каламбуре «Вееллога»

где окружностями изображены ментальные пространства; прерывистая линия обозначает диаморфическую связь, сплошная линия – процесс концептуальной интеграции, а стрелками указана смысловая связь между компонентами пространств входных данных и другими лексическими единицами в составе каламбура.

Родовое пространство обусловлено экстралингвистической ситуацией – данный каламбур является вывеской магазина. В ходе эксперимента было установлено, что при переводе (соответственно, воссоздании) межъязыковых каламбуров наиболее важным является сохранение диаморфической связи между разноязычными компонентами, а не родового пространства, что, следовательно, приводит к качественным изменениям в смешанном пространстве. Топология актуализируется в смешанном пространстве, цель создания которого – экспликация

неожиданных семантических связей между несоотносимыми компонентами в родовом пространстве и создание смешанного, выражающего эти связи.

Отметим, что межъязыковые каламбуры в целом обладают весьма мощным потенциалом для использования в рекламе, поскольку концептуальное смешение на основе двух языков позволяет в значительной степени обогатить семантику слова или фразы, что соответствует семантической функции каламбура, заключающейся в расширении исходного значения высказывания [Жукова, 2018, с. 53], а необычное название с точки зрения графики и дизайна с большей вероятностью привлечет внимание потенциального покупателя.

В приведенном выше каламбуре происходит смешение двух концептов, которые являются общими для каждого языка-участника межъязыковых каламбуров. В то же время, О. В. Николаева отмечает, что «в любом сообществе концептуальное пространство функционирует как общий концептуальный фонд, объединенный запас, инвентарь, из которого формируются концептуальные структуры разных конфигураций» [Николаева, 2011, с. 194]. Другими словами, каждая конкретная лингвокультура будет обладать уникальным инвентарем, или набором, концептов.

Данное положение представляет большой интерес при рассмотрении лакунарных межъязыковых каламбуров, поскольку употребление «чужеродных» слов, которые не утратили связь со своим исходным концептом, способно таким образом вводить новые концепты в концептуальный инвентарь и языковое сознание реципиента. Разумеется, коммуникативного сбоя не будет в том числе, если реципиент обладает определенными фоновыми знаниями, позволяющими распознать отсылку на тот или иной концепт, но межъязыковые каламбуры могут так же и являться тем самым средством, благодаря которому реципиент и осуществляет первоначальное знакомство с новым понятием, выполняя, тем самым, дидактическую функцию.

Рассмотрим следующий пример англо-японского лакунарного межъязыкового каламбура: “*What do you call a cute sleepy Japanese girl? Yawn-dere*” [9gag]. В данном каламбуре обыгрывается фонетическое сходство английского

глагола “yawn” (зевать) и японского существительного ヤンデレ (/yandere/), обозначающего тихого, скромного человека, обычно – девушку. Стимулирующая часть каламбура позволяет получить относительно полное понимание сути результаты.

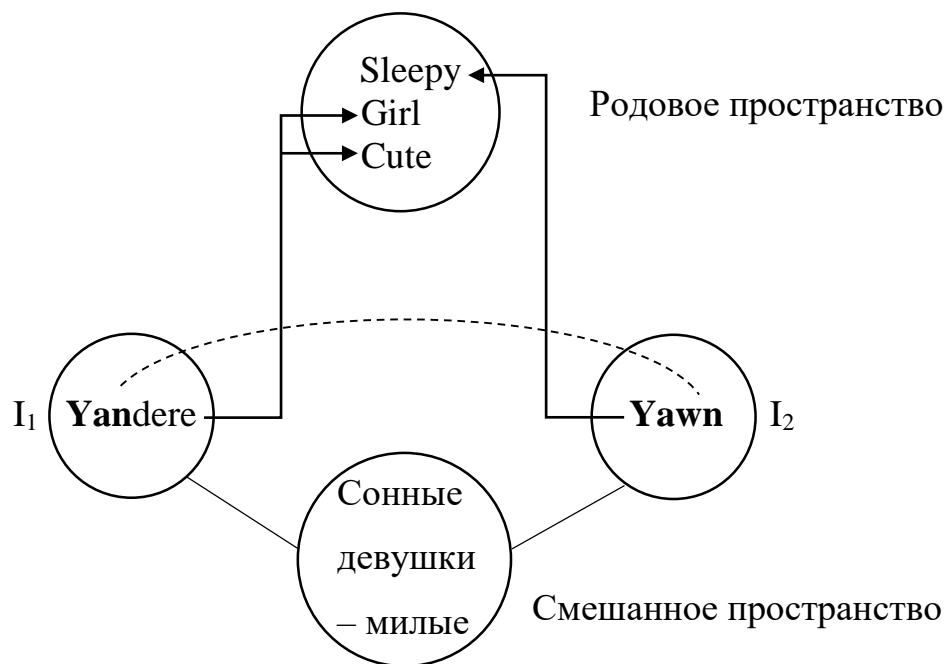

Схема 5. Процесс смешения в каламбуре «Yawndere»

где окружностями изображены ментальные пространства; прерывистая линия обозначает диаморфическую связь, сплошная линия – процесс концептуальной интеграции, а стрелками указана смысловая связь между компонентами пространств входных данных и другими лексемами в составе каламбура.

Остановимся на лексемах в данном каламбуре, которые не отражены в схеме, а именно «girl», «sleepy» и «yawn», актуализированных в родовом пространстве. На наш взгляд в рамках настоящего подхода роль данных лексем заключается в выявлении связей между двумя вводными пространствами.

Рассмотрим пример, использованный в баннерной рекламе в социальной сети «Вконтакте»: *Идешь к нам в клуб некодинга*, в основе которого скорнение яп. *neko* ‘кот’ и «кодинг» (программирование, англицизм, вошедший в состав русского языка). Одна и та же словоформа, используя особенности языка-донора, способна отсылать к разным концептам благодаря образованному корневому бленду, что

подкрепляется невербальным компонентом, изображением кота, эксплицируя транслят в пространстве I_1 , «скрытый» за имплицитной японской лексемой.

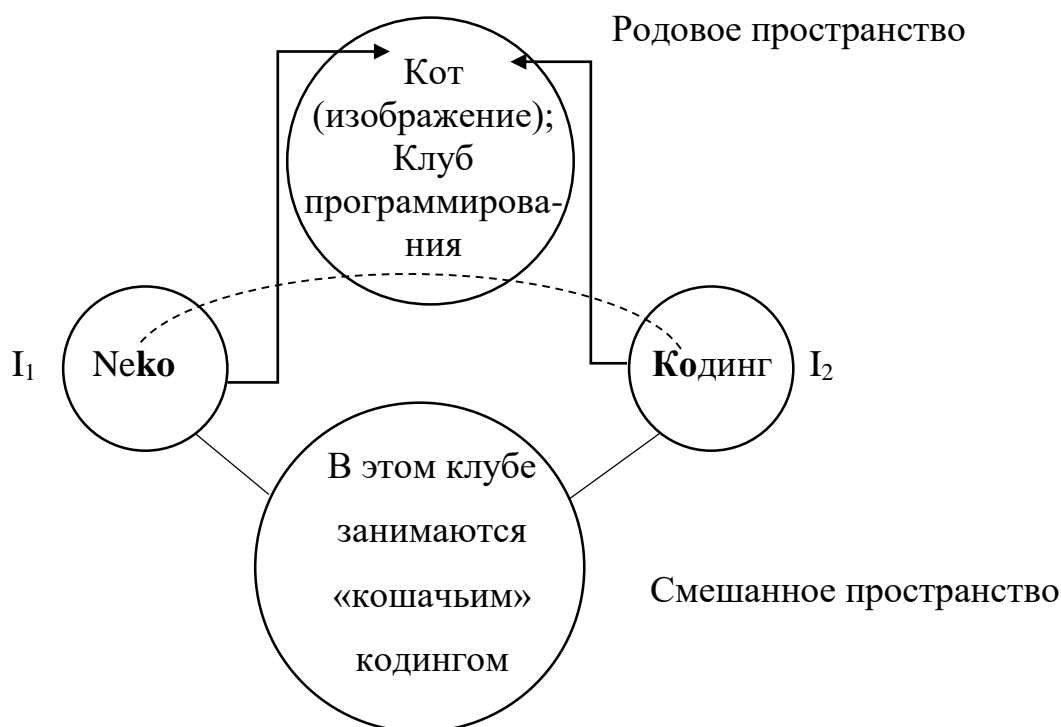

Схема 6. Процесс смешения в каламбуре «Некодинг»

где окружностями изображены ментальные пространства; прерывистая линия обозначает диаморфическую связь, сплошная линия – процесс концептуальной интеграции, а стрелками указана смысловая связь между компонентами пространств входных данных и другими лексемами в составе каламбура.

В отличие от одноязыковых, в межъязыковых каламбурах наполненность родового пространства обусловлена контекстом, эксплицирующим диаморфическую связь. Схожесть понятий является не отправной точкой для авторов межъязыковых каламбуров, а, напротив, «юмористическим итогом», обусловленным диаморфической связью, экспликации которой отдается предпочтение авторами каламбура.

В целом, межъязыковой каламбур можно воспринимать как результат концептуальной интеграции, которая происходит следующих образом:

1. Один из компонентов каламбура попадает в вводное пространство, наполняя его соответствующим концептом.

2. Эксплицитная связь (с помощью экспликатора или графических пунктуационных средств) позволяет реципиенту распознать диаморфическую связь результаты со стимулятором, транслят которого попадает во второе вводное пространство.

3. Диаморфическая связь обуславливает создание родового пространства, в котором отражены общие черты между элементами обоих вводных пространств.

4. Образуется смешанное пространство, отражающее оба вводных пространств с учетом родового пространства.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Понятия «каламбур» и «игра слов» не идентичны. В свете материала исследования наиболее продуктивным видится понимание игры слов как процесса образования дополнительного плана содержания при столкновении структурных компонентов (отдельных слов или их фрагментов), что находит свое воплощение в том числе в виде каламбуров.

Каламбур понимается как текстовое единство, в котором происходит переосмысление семантики одного из компонентов на основании его сходства (семантического, графического или фонетического) с другим.

Межъязыковой каламбур – текстовое единство, в котором происходит взаимодействие языков, заключающееся в переосмыслении семантики лексемы на языке-основе на основании сходства (семантического, графического и / или фонетического) с лексемой из языка-донора. Иноязычные лексемы могут употребляться авторами каламбура в исходном виде или претерпеть ряд изменений, затрагивающих орфографию или фонетику (в том случае, когда прочтение иностранной лексемы противоречит фонетическим законам языка-донора).

Взаимодействие языков в каламбуре обусловлено диаморфической связью – сходством между словами и фразами на разных языках на уровне фонетики или графики.

Существующие классификации одноязыковых каламбуров не учитывают ряд особенностей, присущих межъязыковым каламбурам в силу их полилингвальной природы. Так, не принимается во внимание количество участвующих языков, систем письменностей, характер изменений фонетики, вызванных употреблением иноязычного компонента в рамках чужеродной для него языковой системы, а также необходимость прочтения иностранного слова согласно правилам языка-донора или языка-основы. В итоге, была разработана собственная структурно-формальная классификация межъязыковых каламбуров, учитывающая различные аспекты

данного феномена, предполагающая одновременное отнесение конкретного межъязыкового каламбура к нескольким категориями.

С точки зрения информативной структуры, в межъязыковых каламбурах предметно-логической основой является межъязыковой материал, который может включать лакуны, что позволяет выделить класс лакунарных межъязыковых каламбуров.

Дифференциация межъязыковых каламбуров по социолокальному компоненту осуществляется с учетом языковой пары, представленной в межъязыковом каламбуре.

Функционал каламбура не ограничивается созданием комического эффекта. Каламбур может выполнять также апеллятивную, волюнтативную и дидактическую функции.

Межъязыковой каламбур имеет трехкомпонентную структуру, включающую стимулятор, результат и транслят.

Применение структурно-системного подхода также позволило выделить три языковые модели межъязыковых каламбуров: антиципационную, имплицитную и неологическую. Основным критерий разграничения различных моделей межъязыковых каламбуров – характер взаимоотношений между стимулятором, результатной и транслятом.

Теория концептуальной интеграции М. Тернера и Ж. Фоконье применима в контексте межъязыковых каламбуров, но с нарушением условия топологии. Основу родового пространства составляет текстовое окружение или экстралингвистическая ситуация. Главным для межъязыковых каламбуров является диаморфическая связь.

Таким образом, межъязыковой каламбур в силу своей полилингвальной природы обладает рядом черт, отсутствующих у одноязыковых каламбуров, как на внешне-структурном, так и на информативно-семантическом уровне, что позволяет рассматривать межъязыковые каламбуры как особый вид каламбуров.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ И ВОСПРИЯТИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КАЛАМБУРОВ

2.1. Вводные замечания

Возрастающая частотность употребления межъязыковых каламбуров в текстах, создаваемых носителями различных лингвокультур, может быть интерпретирована как одно из следствий информационной революции конца XX века, воплотившей в реальность идею о едином взаимозависимом и взаимосогласованном мире. Так, развитие компьютерных технологий, особенно Интернета, обуславливает укрепление экономических, научных и культурных связей между всеми странами и регионами мира.

В конечном счете, это приводит к заметному усилению интернациональности общения, вследствие чего в языковую картину мира среднестатистического носителя конкретной лингвокультуры все чаще включаются компоненты других культур, и данный процесс взаимодействия языков и находит свое отражение в том числе и в межъязыковых каламбурах. Очевидно, что язык влияет на культуру отдельного индивида и общества, и также происходит отражение этой культуры в языке.

Лингвокультурологические исследования, чьи истоки обнаруживаются в этнолингвистике Э. Сэпира и Б. Уорфа, а также лингвострановедении Е. М. Верещагина и В. К. Костомарова, получают все более широкое распространение в современной лингвистике. В лингвокультурологических исследованиях описываются самые разнообразные языковые единицы и семантические сущности – значения, отдельные семы.

Анализ лингвокультурной специфики межъязыковых каламбуров западной, восточной и русской лингвокультур проводился на смешанном материале. Так, основной массив межъязыковых каламбуров был получен из мемов и пользовательских комментариев вебсайтов-агрегаторов 9gag.com, а также

видеохостинга YouTube и форума Reddit. Согласно Ричарду Докинзу, мем – это «мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [Докинз, 1993, с. 66]. Мемы сохраняют в себе информацию о том тексте, информационном ресурсе, культурном феномене или историческом событии, который послужил источником для его появления. Следовательно, он обладает культурной коннотацией, предоставляющей адресату возможность идентификации прецедентного феномена. В свою очередь, Интернет-мемы – это фразы, концепции, медиаобъекты, или занятия, которые спонтанно приобрели популярность в Интернет-среде посредством распространения в социальных сетях, на форумах, в блогах, в мессенджерах и др. Неконтролируемому распространению от одного Интернет-пользователя к другому подвержена лишь та информация, которая каким-либо образом оставляет многих пользователей равнодушными к ней [Shifman, 2013]. Одним из типов Интернет-мемов являются макросы (image macro), изображения с наложенным на них текстом юмористического характера, к примеру, Интернет-мем «Good Guy Greg», невербальная часть которого состоит из фотографии улыбающегося мужчины, а в тексте макроса описывается благородный или великодушный поступок третьего лица по отношению к создателю макроса. Невербальная часть мема предопределяет перцепцию вербального компонента, но лишь при условии, что адресат сообщения осведомлен о значении самого мема.

Выбор данных Интернет-площадок обусловлен их популярностью среди пользователей: общее количество посетителей каждого сайта измеряется десятками миллионов в сутки. К примеру, согласно статистике [SimpleWeb, 2017], 9gag.com является одним из крупнейших Интернет-агрегаторов развлекательного контента. В декабре 2017 года аудитория сайта составила 164 миллиона посетителей. Охват аудитории по странам представлен следующим образом: 7,82% пользователей – из Германии, 7,02% – из США, 5,35% – из Франции, 4,77% – из

Бразилии и 3,93% – из Турции. Что касается оставшихся 70,96% аудитории, их в приблизительно равной степени представляют пользователи из 206 стран, в том числе и России. Примерно аналогичным образом репрезентированы различные страны на других Интернет-платформах. Таким образом, данные вебсайты являются подходящими площадками для исследования процессов, происходящих в языковых системах в ходе процесса глобализации по причине относительно равномерной репрезентации практических всех лингвокультур среди пользовательской базы.

Межъязыковые каламбуры, обнаруженные на данных сайтах, во всех без исключения случаях основаны на английском, являющимся де-факто языком международной коммуникации, *lingua franca* XXI века, который можно сравнить с латынью и ее ролью несколько веков назад.

Принимая во внимание доминирование представителей американской и европейской лингвокультур среди аудитории вебсайта, мы обозначим межъязыковые каламбуры в составе Интернет-мемов и пользовательских комментариев как представляющие «западную» лингвокультуру. Разумеется, данное понимание вопроса является в определенной степени обобщенным, поскольку лингвокультура каждой отдельной страны обладает своей спецификой, однако в условиях глобализации, когда, согласно Ю. А. Разинову, происходит размывание национальных границ, преодолением языковых барьеров [Разинов, 2000], мы считаем данное обобщение обоснованным.

Второй анализируемой лингвокультурой выступает восточная, а именно японская и гонконгская, выбор которых обусловлен рядом факторов. Начиная со второй половины 1980-х годов, японская поп-культура стала быстро распространяться по всему миру, её любители появились в восточной Азии, США и европейских странах [Мошняга, 2010]. В наше время поп-культура уже не отождествляется с низкопробными формами развлечений или досугом рабочего класса, как это представлялось до 1960-х гг. Скорее она передает то, как люди воспринимают жизнь. Так, как утверждает Джон Трит, массовая культура служит «условным обозначением для несчётного числа способов, делающих современных

людей “современными” или даже просто “людьми”» [Treat, 1996, p. 6.]. Японская поп-культура весьма разнообразна, но, пожалуй, аниме и манга стали её главными представителями. По этой причине, источником языкового материала для исследования лингвокультурных особенностей межъязыковых каламбуров послужили японские аниме-сериалы, такие «One Piece», «Gintama», «Nisekoi», «Kill la Kill», «Saiki Kusuo no Sai-nan», «Death Note», «Kareshi Kanojo no Jijou» – одни из самых популярных аниме последних лет. Выбор японской лингвокультуры также обусловлен спецификой японского языка, заключающейся в смешанной фонетико-идеографической системе письма, включающей три вида письменности: катакану и хирагану, которые являются силлабическими, и кандзи (иероглифы); особый интерес также представляет фонетическая система данного языка: к примеру, отсутствие звука /l/, что компенсируется заменой его на /r/ в заимствованных словах, что открывает широкий простор для реализации межъязыковых каламбуров. Сопоставление японских межъязыковых каламбуров с гонконгскими, составленными на кантонском языке, входящим в китайскую языковую семью, позволяет получить более ясное представление о специфике восточных межъязыковых каламбуров путем сравнения двух похожих, но в то же время различных языков с частично совпадающими компонентами (иероглифами).

Третьей отобранной лингвокультурой является русская, поскольку большой интерес представляет рассмотрение межъязыковых каламбуров в контексте отечественной лингвокультуры. Согласно последним исследованиям, датированным 2016-м годом, количество активных пользователей Интернета в России составляет 108,772,470 человек [The World Factbook], 75% процентов которых являются активными пользователями социальных сетей, таких как «Одноклассники» и «Вконтакте». Межъязыковые каламбуры, использующие русский язык в качестве языка основы, были отобраны из последней социальной сети, являющейся наиболее популярной в стране, а также из рекламных объявлений, баннеров, эмпоронимики (названий коммерческих предприятий). Русский язык также обладает письменностью, отличной от языков западной лингвокультуры, и по этой

причине изучение межъязыковых каламбуров, обыгрывающих данную особенность, видится релевантным.

Общее количество отобранного материала составляет 466 межъязыковых каламбуров, среди которых 365 западной лингвокультуры (1171 лексем), восточной – 50 (265 лексем), русской – 51 (325 лексем).

Методология анализа лингвокультурной специфики межъязыковых каламбуров основывалась на выработанных ранее методах анализа межъязыковых каламбуров и проходила в три этапа, что позволило выявить характер взаимодействия языков в данных лингвокультурах.

На первом этапе (подпункт 1) проводилось распределение языкового массива согласно созданной структурно-формальной классификации.

На втором этапе (подпункт 2) определялись доминирующие языковые модели межъязыковых каламбуров.

На третьем этапе (подпункт 3) была проанализирована культурная составляющая межъязыковых каламбуров, и основным способом анализа был семантический, осуществленный путем выделения предметно-логического компонента, реферирующего конкретный культурный компонент. Кроме того, мы также подвергли анализу основной функционал межъязыкового каламбура в рамках анализируемой лингвокультуры.

2.2. Межъязыковые каламбуры в западной лингвокультуре

Всего было обнаружено 365 случаев употребления межъязыковых каламбуров в рамках западной лингвокультуры, принятых в следующих параграфах за 100%, 314 (84,78%) из которых приходится на изображения в составе мемов и макросов, и 51 (15,22%) – в пользовательских комментариях, которые в основном относились к публикациям, содержащим межъязыковой каламбур, из чего следует вывод, что межъязыковая игра слов в контексте Интернет-

коммуникации способна стимулировать межъязыковое творчество реципиентов с той или иной степенью успешности.

2.2.1. Классификация межъязыковых каламбуров в западной лингвокультуре

В ходе структурно-системного анализа межъязыковых каламбуров согласно разработанной структурно-формальной классификации были получены следующие результаты, которые можно представить в виде таблицы 1:

Таблица 1. Структурно-формальная классификация межъязыковых каламбуров в западной лингвокультуре

Тип	Количество (ед, %)
Количество участвующих языков	
двухязыковые	365 (100%)
полиязыковые	0 (0%)
Языковая пара	
англо-испанская	143 (38,85%)
англо-французская	98 (26,7%)
англо-немецкая	85 (23,19%)
англо-русская	20 (5,64%)
англо-японская	12 (3,48%)
англо-польская	7 (2,14%)
англо-испанская	143 (38,85%)
англо-французская	98 (26,7%)
Графическая система	
унифицированная	365 (100%)
полиграфическая	0 (0%)
фонетико-идеографическая	0 (0%)

Диаморфическая связь	
фонетическая	175 (47,25%)
графическая	155 (41,85%)
фразовая	21 (5,67%)
парная	0 (0%)
комбинированная	14 (3,78%)
Эксплицитность	
эксплицитные	345 (93,15%)
имплицитные	20 (6,85%)
Блендинг	
бленд-стимулятор	14 (3,78%)
бленд-результанта	81 (21,87%)

Согласно полученным данным, абсолютно все межъязыковые каламбуры в западной лингвокультуре из числа отобранных относятся к типу двуязыковых (аналогичные результаты были получены в ходе анализа межъязыковых каламбуров в других лингвокультурах). Мы склонны полагать, что данная ситуация обусловлена в первую очередь высокой сложностью интегрирования третьего языка в состав межъязыкового каламбура. Однако, это не отрицает возможность создания трех- и квадроязыковых каламбуров.

Доминирование испанского языка в межъязыковых каламбурах обусловлено тем, что это второй по распространённости язык в мире (после китайского) с 470 миллионами носителей и самый распространённый романский язык. По разным оценкам, во всём мире на испанском языке могут изъясняться до 548 миллионов человек. Крупнейшей по населению испаноязычной страной мира является Мексика (свыше 120 миллионов жителей).

Широкое распространение англо-немецких каламбуров вызвано тем, что немецкие пользователи составляют одну из самых крупных групп вебсайта 9gag.com, основного источника языкового материала. Кроме того, немецкий язык,

наряду с испанским и английским, входит в тройку самых распространенных языков на территории США, и является основным языком для 30% населения Европы, из чего следует, что обилие межъязыковых контактов и широкая распространенность немецкого языка обеспечивает наличие определенных еще не заимствованных лексем в тезаурусе среднего Интернет-пользователя.

Польский язык был представлен всего одной лексемой *kurwa*, относящейся к категории обценной лексики. В то время как данное слово не является закрепленным в словарях английского языка, оно уже вошло в языковую систему русского, украинского, белорусского, т.е. зафиксировано в словарях, что позволяет сделать вывод о практически произошедшей интернационализации данного слова.

Русский язык с 2013 года занимает 2-е место по распространенности в Интернете. Кроме того, общее число носителей русского составляет 163,8 миллионов человек; 114 миллионов владеют русским как вторым языком (то есть являются билингвами) или знают его как иностранный. Так, в соответствии с переписью населения США 2000-го года русский язык находится на 10-м месте по распространённости в стране, что, в целом, сопоставимо со степенью репрезентации русского языка в отобранном массиве.

Французский находится на четвертом месте среди языков, используемых на территории Соединенных Штатов Америки, а общее количество людей, говорящих на этом языке во всем мире составляет 220 миллионов человек, тем самым обуславливая также достаточно широкую представленность данного языка в западной лингвокультуре.

Наличие японского языка примечательно по нескольким причинам. Во-первых, это единственный неиндоевропейский язык, компоненты которого встречаются в межъязыковых каламбурах западной лингвокультуры. Относительная распространенность и продуктивность японских лексем в межъязыковых каламбурах может быть объяснена тем, что японская массовая культура, имеющая свои уникальные параметры и особенности, все шире вторгается в культурное пространство мира и так же, как американская, начинает формировать вкусы и пристрастия нового поколения, и этот процесс не имеет

какой-либо одномерной географической направленности, а охватывает многие страны и регионы [Катасонова, 2006].

Таким образом, в западной лингвокультуре языковая репрезентация того или иного языка в качестве языка-донора напрямую зависит от количества носителей конкретного языка во всем мире. Возможно, еще одним фактором является численность носителей языка-донора в стране, где основным языком является первый язык. Однако, ввиду особенностей источников материала, не представляется возможным определить национальность авторов проанализированных межъязыковых каламбуров, вследствие чего второе утверждение может быть подтверждено лишь в том случае, если авторство межъязыкового каламбура можно было бы установить достоверно.

По единству графической системы все межъязыковые каламбуры в западной лингвокультуре являются унифицированными, даже в тех случаях, когда язык-донор обладает отличной графической системой (русский и японский языки). Это обусловлено тем, что во всех остальных случаях языки-доноры также используют латиницу в качестве системы письма. Примечательно, что диакритика, нехарактерная английскому языку, была обнаружена в 47 (12,69%) случаях, а в 63 (17,01%) случаях исходная диакритика была утеряна. Подобное свидетельствует о том, что носители английского языка в целом весьма успешно воспринимают диакритические знаки в тех случаях, когда это необходимо, а в случаях ее опущения она не является критически важной для функционирования межъязыковых каламбуров.

По характеру диаморфической связи отобранные межъязыковые каламбуры представлены в следующем соотношении:

а. Фонетические диаморфы: 175 (83,7%) случаев, из которых

(1) 112 (30,24%) случаев, когда иностранный компонент должен читаться по правилам чтения английского языка: *What do you say when your dad leaves for the city? iCiu-dad!* [9gag]. При прочтении исп. *Ciudad* 'город' согласно законам английского языка, данная лексема становится фразовым диаморфом *see you, dad* 'до встречи, папа'.

(2) 198 (53,46%) случаев, когда иностранный компонент должен читаться в соответствии с правилами языка-донора (например, *What did Old McDonald say when he had a daughter? Hija hija oh* [9gag] – в основе лежит диаморфическая связи между англ. «E-I-E-I-O» из известной детской песни, в которой есть строчка «Old McDonald had a farm / E-I-E-I-O» и исп. *Hija* ‘дочь’).

b. Графические диаморфы: 155 (41,85%) (напр. *Don't eat the French fish, it's poisson*, основанные на англ. *poison* – ‘яд’, и фр. *poisson* – ‘рыба’).

Можно сделать вывод, что широкая распространенность тех случаев, когда для активизации межъязыковых каламбуров необходимо применение правил языка-донора, свидетельствует о высоких требованиях к интерлингвистической компетенции реципиентов.

Что касается фразовых, парных и комбинированных диаморфов, можно отметить, что данные диаморфической связи в межъязыковых каламбурах представлены весьма небольшим количеством примеров. При этом, парных диаморфов не было обнаружено вовсе (как будет продемонстрировано в параграфе, посвященном анализу каламбуров в восточной и русской лингвокультурах, данный тип характерен для тех ситуация, когда английский является языком-донором). Тем не менее, можно привести следующие наиболее иллюстративные примеры фразовых и комбинированных диаморфов: *What did the chair say when leaving? Silla* (англ. *see you* ‘увидимся, до встречи’ и исп. *silla* ‘стул’) [9gag] и *A young Canadian lad buys three cats and names them Un, Deux and Trois before heading back home across the river. His boat capsizes; he arrives home half-frozen but still alive, sadly crying «Maman! Maman! Un, Deux, Trois cats sank!» [Reddit]* - в данном примере «cats sank» ‘коты утонули’ созвучно с фр. *quatre, cinq* ‘четыре, пять’, что продолжает числовой ряд на французском *un, deux, trois* ‘один, два, три’, что также являлось именами котов в каламбуре. Малое количество фразовых диаморфов свидетельствует о предпочтительности использования одной лексемы для создания межъязыкового каламбура для того, чтобы юмор был более понятен для читателя.

Подавляющее большинство межъязыковых каламбуров в западной лингвокультуре являются эксплицитными, то есть иноязычный компонент либо

эксплицирован с помощью графических средств (курсив, дефис, капитализация) в том случае, если он в составе бленда, либо он является одним из компонентов синтагмы.

Рассмотрим случай, когда, будучи в отрыве от визуального компонента, каламбур становится имплицитным:

Рисунок 8. Soy milk [9gag]

Игра слов, как в другом описанном ранее примере, базируется на диаморфической связи англ. *soy* ‘соевый’ и исп. *soy* (форма первого лица единственного числа глагола *ser* ‘быть’). Однако, в то время как каламбур «*What if soy milk is just regular milk introducing itself in Spanish?*» можно распознать благодаря другим вербальным средствам в контексте, пример, изображенный на Рисунок 8, невозможно воспринять без иконического экспликатора – шляпы-сомбреро, являющейся атрибутом Мексики, испаноговорящей страны.

Примечательно, что все 20 (5,4%) имплицитных каламбуров как раз являются вариациями игры слов именно с лексемами *soy* и *rain*.

Всего 95 (25,65%) межъязыковых каламбуров задействуют бленды. В остальных случаях межъязыковая игра слов строится благодаря употреблению иноязычных лексем в исходном виде. Это объясняется тем, что при создании межъязыковых каламбуров предпочтение отдается коротким, односложным или

двусложным лексемам, которым легко подобрать диаморф в английском языке [Zirker et al, 2015, p. 155].

Временный или перманентный характер межъязыковых каламбуров в рамках западной лингвокультуры можно установить спекулятивно, поскольку весьма затруднительно предсказать, будет ли та или иная лексема в итоге зафиксирована в словарях английского языка в ходе межъязыковых контактов. Однако, в 73 (19,71%) случаях обыгрываемыми словами из языков-доноров были служебные части речи (числительные, местоимения, глаголы-связки), которые не заимствуются, поскольку они составляют слой базовой лексики.

2.2.2. Языковые модели межъязыковых каламбуров в западной лингвокультуре

Распределение межъязыковых каламбуров по языковым моделям можно представить в виде таблицы 2:

Таблица 2. Распределение межъязыковых каламбуров в западной лингвокультуре по языковым моделям

Модель	Количество
Антиципационная	280 (75,6%)
Неологическая	65 (17,55%)
Имплицитная	20 (5,4%)
Всего	365 (100%)

Как следует из представленных данных, доминирующей языковой моделью построения межъязыковых каламбуров в западной лингвокультуре является антиципационная модель, основанная на диаморфической связи (280 случаев / 75,6% от общего числа языкового материала). Иллюстративным является

следующий пример: «*What music does the Sun listen to? Sol music!*» - «Какую музыку слушает солнце? Соулнечную!» В данном каламбуре межъязыковая игра слов обусловлена диаморфической связью антиципанта *soul* [music] (музыка жанра соул) и испанского *sol* 'солнце'. Примечательно, что, в то время как отдельная лексема *sol* не является зафиксированной в словарях английского языка, можно обнаружить этимологически родственные, однокоренные слова, например, *solar*. В целом, во многих межъязыковых каламбурах, основной язык которых является английским, превалирует употребление лексем, чьи дериваты обнаруживаются в качестве заимствований. Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках языковой ситуации в западном мире предпочтение отдается словам, знакомым потенциальным реципиентам. Так, в 166 каламбурах (44,82%) была использована подобная лексема (имеющая зафиксированный в словаре дериват).

Представим каламбур с помощью схемы:

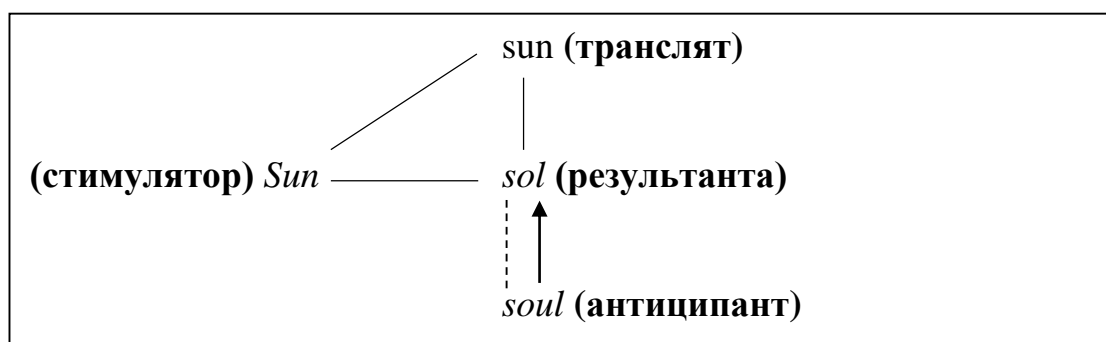

Схема 6. Каламбур «Sol music»

где прерывистая линия обозначает диаморфическую связь, сплошная – семантическое тождество, а линия со стрелкой показывает процесс семантического расширения результативы на основе диаморфической связи.

Превалирование данной схемы, как нам кажется, также может быть объяснено тем, что, как еще отмечал Иммануил Кант, комическое возникает в том случае, когда шутка или забавная ситуация заключает в себе некий парадокс, несоответствие нашим ожиданиям: «Смех есть аффект от превращения напряженного ожидания в ничто» [Кант, 1994, с. 174].

Второй по распространенности является неологическая модель. Всего было обнаружено 65 случаев (13,65%). Рассмотрим следующий пример: *Yes, I am pansexual, I am only attracted to bread* – ‘Да, я пансексуал, меня привлекает только хлеб’ [9gag]. Участники межъязыковых каламбуров: *pansexual* (пансексуальный, обозначает лицо, испытывающее влечение к представителям обоих полов и любой ориентаций) и *pan*, что в различных языках, в том числе в японском, означает «хлеб».

Представим данный каламбур в виде схемы:

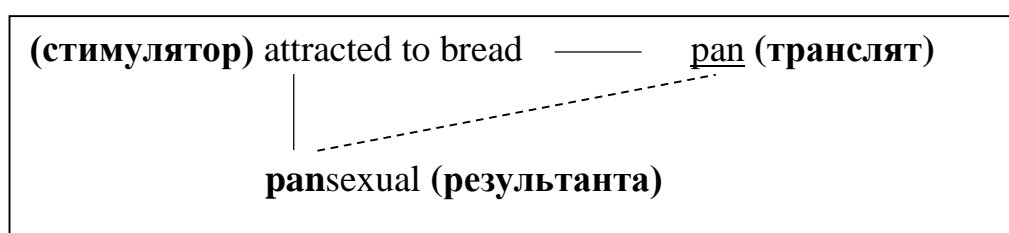

Схема 7. Каламбур «pansexual»

где прерывистая линия обозначает диаморфическую связь, сплошная – семантическое тождество.

Как видно из приведенной схемы, в данном каламбуре получившийся неологизм внешне идентичен исходному языковому материалу. Данный каламбур является более имплицитным, поскольку отсутствует какое-либо выделение иноязычного компонента, однако, наличие контекста, являющегося стимулятором, позволяет успешно идентифицировать игру слов.

Далее рассмотрим более эксплицитно выраженный межъязыковой каламбур, основанный на неологизме: *Have a terre-iffic day* [9gag] (англ. «terrific» («потрясающий») и фр. «terre» («земля»). В качестве стимулятора выступает визуальный компонент – изображение улыбающегося земного шара, что соответствует семантике получившегося бленда «потрясающий [день] земли».

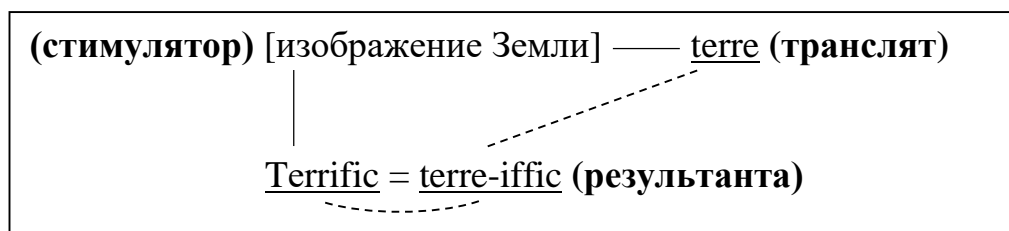

Схема 8. Каламбур «terre-iffic day»

где прерывистая линия обозначает диаморфическую связь, сплошная — семантическое тождество.

Распределение неологических каламбуров может быть проведено с учетом порядка интегрирования иноязычного компонента. Так, он может находиться как в препозиции (начале слова), так и в постпозиции (конце). В то же время, разграничение блендов по морфологическому признаку, а именно по тому, замещает ли иностранная лексема корень, суффикс или аффикс, не представляется релевантным, поскольку в большинстве случаев она занимает позицию на стыке морфем. В 47 (12,69%) нелогических межъязыковых каламбуров из 65 (17,55%) иноязычный компонент был в препозиции, соответственно, в 18 (4,86%) — постпозиции, из чего следует вывод, что замещение начальной части слова иностранной лексемой является более продуктивным способом создания блендов, что, как нам кажется, должно учитываться при переводе данного вида игры слов.

Меньше всего было обнаружено имплицитных каламбуров, всего 20 единиц, что составляет 5,4% от общего числа всех межъязыковых каламбуров, отобранных в ходе исследования. Подобная ситуация является вполне ожидаемой, поскольку автору каламбура необходимо, во-первых, обнаружить в иностранном языке такую лексему, которая является как минимум омографом определенной лексемы в языке-основе; во-вторых, создать такой контекст, который предполагал бы амбивалентное понимание высказывания с учетом семантики транслята; в-третьих, подобные каламбуры представляют большую сложность для реципиентов, следовательно, они не пользуются значительной популярностью в рамках

развлекательного дискурса. Вполне допустимым является предположение, что низкая представленность имплицитных межъязыковых каламбуров характерна для западной лингвокультуры по той причине, что английский язык использует ту же систему письменности, что и другие языки, участвующие в межъязыковой игре слов, поэтому экспликация межъязыковых каламбуров является ключевым фактором создания успешного межъязыкового каламбура.

2.2.3. Информативная структура межъязыковых каламбуров в западной лингвокультуре

Выявлению лингвокультурной специфики межъязыковых каламбуров способствует рассмотрение межъязыковых каламбуров с точки зрения их информативной структуры. Релевантным в рамках анализа представлялся анализ предметно-логического, фонового и функционального компонента. Также межъязыковые каламбуры рассматривались с позиции лакунарного характера их семантики.

Рассмотрим следующий межъязыковой каламбур: «*What do German cars say when they are confused? Warum! Warum!*» [9gag]. В основе игры слов – диаморфической связью оноματοпоэтического слова «*vroom*», употребляющегося для подражания звуку работающего двигателя автомобиля, и немецкого вопросительного наречия *warum* ‘почему’. Стимулятором данной игры слов является *confused* ‘сбитый с толку, запутавшийся’.

Согласно приведенной выше классификации, можно выделить следующие семантические компоненты данного каламбура.

1. Тема каламбура, которая легла в основу создания данного приема. В данном случае – это автомобильная индустрия, что характеризует его предметно-логическую основу; в то же время, можно выделить вторую предметно-логическую основу, семантически связанную непосредственно с иноязычным компонентом. Здесь, это немецкое вопросительное слово *warum* – в настоящей работе подобные

случаи, когда иноязычный компонент является предлогом, вспомогательным глаголом, частицей или местоимением, будут обозначены как «служебная лексика». Именно выделение предметно-логической основы не межъязыкового каламбура в целом, а иноязычного компонента, представляло интерес в рамках настоящей работы.

2. Фоновый компонент, отсылка на факт, составляющий сведения культуры общества: указание на тематику каламбура, являющуюся предметом языковой игры («German cars»); кроме того, фоновый компонент также представлен в виде изображенного в макросе логотипа немецкой компании Volkswagen.

Рассмотрим еще один пример: «*Why do mushrooms eat Wheaties? It's the breakfast of champiñones*» [9gag]. Игра слов в данном каламбуре осуществляется за счет обыгрывания стимулятора «mushrooms» (англ. «грибы») с его транслатом-стимулятором *champiñones* 'грибы', которое является диаморфом имплицитного англ. «champions» (антиципационная модель языковая модель). Данный каламбур обладает следующими семантическими характеристиками.

1. Предметно-логическая основа каламбура: еда и кулинария. Примечательно, что данная основа – одна из наиболее широко представленных в межъязыковых каламбурах, что позволяет сделать вывод о высокой степени языкового взаимодействия в сфере пищевой промышленности, кулинарии, ресторанного бизнеса. Можно предположить, что слова, обозначающие названия различных блюд, еще не став заимствованиями, уже широко употребляются носителями различных языков.

2. Фоновый компонент выражается в указании на этнокультурный факт западных стран, в частности США и Великобритании, а именно на популярную марку хлопьев «Wheaties», слоган которой «*The breakfast of Champions*» (завтрак чемпионов).

Рассмотрим пример англо-французской игры слов, использующей числительные:

To my French friend:

- *Say "eighty"*.
- *Quatre-vingt*.
blazes it [9gag]

В данном каламбуре происходит обыгрывание возможности перевести французское числительное *quatre-vingt*, обозначающее «восемьдесят» (дословно - «четыре-двадцать»), что соотносится с английским *eighty*. В современном Интернет-слэнге обозначающее призыв к курению марихуаны, на что указывает финальное примечание «*blazes it*», поскольку глагол *blaze* ‘полыхать’ также имеет данное жаргонное значение. Таким образом, данный каламбур примечателен своей сложной информативной структурой, содержащей себе жаргонные значения употребляемых лексем. Так, фоновый компонент двойственный – для успешной перцепции необходимо не только знание межъязыкового материала, реферируемого вербально посредством «French», но и слэнга современной Интернет-культуры.

В целом, в большинстве каламбуров наблюдается наличие фонового компонента, выражаемого вербально или невербально. Это может быть объяснено тем, что для успешной активизации межъязыковых каламбуров необходимо снабдить реципиента «подсказкой», заключающейся в отсылке на культурный факт, связанный со страной, язык которой задействован в межъязыковом каламбуре. Чаще всего, в 83,97% случаев, фоновый компонент выражается вербально с помощью названий стран или национальностей: *German, Spanish, French, Russian, Polish, Japanese, Italian* и т.п. В 34 случаях (9,18%) фоновый компонент выражается невербально, то есть с помощью графических средств. Таковыми являются различные стереотипные культурные атрибуты страны (предмет одежды, изображение флага, типичного представителя или блюда) из языка которой взят иноязычный компонент. В 6,85% фоновый компонент как таковой отсутствует, основу игры слов составляет непосредственно межъязыковой материал.

Рассмотрение межъязыковых каламбуров с позиции предметно-логической основы позволило выделить следующие тематические поля, которые можно представить в виде таблицы 3:

Таблица 3. Тематические поля межъязыковых каламбуров в западной лингвокультуре

Тематическое поле	Количество (%)
Еда/кулинария	31,59%
Люди, группы людей	18%
Части тела	12,8%
Цифровые обозначения	9,4%
Ономастиконы	7,3%
Животные	5,1%
Названия предметов мебели	4,8%
Оценка	2,9%
Всего	93,8%

Отметим, что 6,2% межъязыковых каламбуров были основаны на словах, являющихся служебными частями речи, которые невозможно отнести к какому-либо тематическому полю.

Таким образом, межъязыковые каламбуры в западной лингвокультуре обладают рядом характеристик, обусловленных как лингвистически, так и этнокультурно.

Во-первых, авторы каламбуров предпочитают использовать короткие слова, чаще всего служебных или относящихся к разряду общей лексики. Использование блендов также является продуктивным способом создания межъязыковых каламбуров. Имплицитные каламбуры, напротив, представлены крайне мало, ввиду сложности их создания и перцепции.

Во-вторых, все межъязыковые каламбуры в западной лингвокультуре, согласно отобранному материалу, строятся на основе двух языков. Предпочтение отдается близкородственным языкам или тем, носители которых составляют большую часть некоренного населения.

В-третьих, в большинстве случаев в информативной структуре межъязыковых каламбуров обнаруживается фоновый компонент, являющийся денотатом конкретного этнокультурного факта, связанного с языком-донором, что позволяет акцентировать внимание реципиента на полилингвальной природе игры слов. Во всех случаях функция каламбура заключалась в оказании комического воздействия на реципиента, что, очевидно, обусловлено особенностью источников материала исследования, а именно вебсайтах развлекательного характера. Было обнаружено 82 лакунарных (22,14%) межъязыковых каламбура, принадлежащим тематическим полям «еда/кулинария» и «названия людей», из чего следует, что одни и те же компоненты окружающей действительности в сознании носителя одной языковой системы зачастую обладают готовыми к использованию и обыгрыванию наименованиями на других языках.

2.3. Межъязыковые каламбуры в восточной лингвокультуре

Источником материала японских межъязыковых каламбуров в контексте восточной лингвокультуры послужили японские аниме-сериалы. Под «аниме» в Японии обычно понимается любой анимационный фильм или мультфильм вне зависимости от его происхождения или стиля анимации. В остальных странах этот термин используется для обозначения непосредственно японской анимации – именно данной точки зрения мы придерживаемся в рамках данного исследования. Всего было обнаружено 40 (8,4% от общего числа в размере 466 единиц) межъязыковых каламбуров на базе японского языка.

Кантонские межъязыковые каламбуры были взяты из газеты Apple Daily, одной из наиболее читаемых газет в Гонконге, за период с 1996 по 2002 и

приведенные в работе David C. S. Li в рамках исследования проблемы смешения кодов в гонконгских СМИ [Li, 2000]. Всего было обнаружено 10 каламбуров (2,1% от общего числа). В следующих параграфах за 100% будет принято общее количество восточных межъязыковых каламбуров (50 единиц).

2.3.1. Классификация межъязыковых каламбуров в восточной лингвокультуре

В ходе структурно-системного анализа межъязыковых каламбуров согласно разработанной структурно-формальной классификации были получены следующие результаты, которые можно представить в виде таблицы 4:

Таблица 4. Структурно-формальная классификация межъязыковых каламбуров в восточной лингвокультуре

Тип	Количество (ед, %)
Количество участвующих языков	
двужыковые	50 (100%)
полиязыковые	0 (0%)
Языковая пара	
японско-английская	40 (80%)
кантонско-английская	10 (20%)
Графическая система	
унифицированная	92 (46%)
полиграфическая (фонетико-идеографическая)	4 (8%)
Диаморфическая связь	
фонетическая	0 (0%)
графическая	47 (94%)
фразовая	1 (2%)

парная	1 (1%)
комбинированная	2 (4%)
Эксплицитность	
эксплицитные	36 (72%)
имплицитные	14 (28%)
Блендинг	
бленд-стимулятор	32%
бленд-результанта	16%

Все межъязыковые каламбуры также, как и в западной лингвокультуре, отнесены к типу двуязыковых, что обусловлено языковой ситуацией в Японии и Гонконге.

Несмотря на престижный статус английского языка среди японцев, уровень его владения остается крайне низким. Так, согласно исследованию EF Proficiency Index, Япония находится на 35 месте по уровню владения английским, между Россией и Уругваем [Tsuboya-Newell, 2015].

В. М. Алпатов также отмечает, что «важный компонент японской образовательной системы – сложный вступительный экзамен по английскому языку при поступлении в вуз, на который уходят много сил и, зачастую, финансовых средств для найма репетиторов. Нередко японцы потом вспоминают этот экзамен как момент жизни, когда им в наибольшей степени или даже единственный раз понадобился английский язык» [Алпатов, 2008].

Таким образом, весьма ожидаемым кажется подобная языковая репрезентированность в отобранном материале исследования. Что касается других языков, к примеру, немецкого, то исследователи отмечают, что иногда эти языки бывают в моде, а заимствования из них иногда появляются и в наши дни: так, по мнению Исивата Тосио, из немецкого языка пришло слово *puruobaa* ‘пуловер’, а вслед за ним и обозначения разных видов пуловеров [Тосио, 1984].

Таким образом, неудивительно, что все межъязыковые каламбуры в японском языке задействуют исключительно английский язык, при этом, само количество межъязыковых каламбуров невелико (40 единиц или 8,4% от общего числа отобранного материала). Аналогичная ситуация наблюдается и в гонконгских межъязыковых каламбурах, где также используется исключительно английский язык, что, как нам кажется, объясняется схожей языковой ситуацией в Гонконге.

По единству графической системы все межъязыковые каламбуры в восточной лингвокультуре могут разделяться на два вида: полиграфические и унифицированные.

Рассмотрим полиграфический межъязыковой каламбур из аниме «Gintama». Мацуи, один из многочисленных персонажей данного сериала, дает следующий комментарий происходящей на экране ссоре между двумя братьями: 兄弟げんか (Кё:дай генка, англ. /kyo:dai genka/), что дословно переводится как ‘ссора между братьями [и сестрами]’, в то время как официальный английский перевод данной фразы звучит следующим образом: «A sudden deathmatch between blood(ied) relations». При обращении к японскому тексту манга, по которой снят аниме-сериал, мы обнаруживаем, что данная фраза в первоисточнике была записана как «競 DIE げんか». Такое нестандартное написание обусловлено попыткой автора создать весьма сложный межъязыковой каламбур. Во-первых, иероглиф «競» (Кё:, /kyo:/) имеет лексическое значение «вражда, ссора, соревнование», в то время как «DIE» созвучен иероглифу «弟» (dai). Другими словами, слова «競 DIE» и «兄弟» (братья и сестры) для носителя японского языка являются фонетическими диаморфами. Переводчик данного фрагмента, во-первых, допустил лексико-семантическую трансформацию путем добавления лексемы, отсутствовавшей в исходном тексте («Sudden»); во-вторых, включил дополнительную лексему «died» в состав «blood», аналогично тому, как английское слово «DIE» входит в состав оригинальной японской словоформы «競 DIE». Данный вариант перевода, безусловно, не является идеальным, но он все же справляется с задачей исполнения

прагматической установки оригинального межъязыкового каламбура, поскольку в обоих случаях сохраняется функционирование семы «смерть, умирать» в тексте произведения.

Примечательно, что все межъязыковые каламбуры в гонконгских газетах являются полиграфическими. Приведем следующий пример:

High Tech 揩嘢, *Low Tech* 撈嘢

/HIGH TECH haai1 je5 LOW TECH lou1 je5/ – в переводе на русский значит «*High-tech* доставляет проблемы, *Low-tech* более выгодный». [Apple Daily].

В целом, 4 (8%) японско-английских межъязыковых каламбура являются полиграфическими, 36 (72%) – унифицированными; все 10 (20%) кантонско-английских – полиграфическими. В последнем случае, это может быть объяснено особенностью иероглифической системы письменности, которая является идеографической. Иноязычный компонент, будучи записанный иероглифами, передающими его произношение, становится слишком неявным, что изрядно затрудняет понимание каламбура, вследствие чего автору необходимо эксплицировать межъязыковую игру слов, в то время как японский язык обладает дополнительной системой письменности, а именно катаканой, являющейся силлабической и использующейся преимущественно для записи иностранных или заимствованных слов, что делает межъязыковую игру слов более явной.

Унифицированный межъязыковой каламбур может быть проиллюстрирован следующим примером. Рассмотрим реплику одного из персонажей из аниме «Gintama»: «で浴衣 デート から浴衣 デッド に早変わりか?». Официальный перевод на английский выглядит следующим образом: «So, he's gone from wishing a yukata [традиционное японское женское кимоно] date to wishing the yukata dead?» («Значит, он больше не хочет свидания с юкатой, а хочет, чтобы юката умерла?»). Игра слов в данном случае строится на диаморфической связи слова デート (Дэ:то, англ. De:to), «свидание» (слова, являющегося заимствованием из английского и прочно укрепившегося в японском вокабуляре) и デッド (Дэддо, англ. Deddo) – японским вариантом произношения английского слова «Dead», «мертвый».

Несмотря на очевидное английское происхождение обоих лексем, только первая воспринимается рядовым носителем японского языкового сознания как полностью заимствованное слово, а **テツト** в данном случае является иноязычной лексемой.

По характеру диаморфической связи практически все отобранные межъязыковые каламбуры в восточной лингвокультуре являются фонетическими диаморфами (94%), поскольку графический диаморф невозможен между настолько различающимися системами письменности, что также находит свое отражение в необходимости прочтения иностранной лексемы именно согласно правилам языка основы в большинстве случаев. Так, японский язык, как уже было отмечено ранее, обладает особенной фонетической системой, в которой отсутствуют многие фонемы английского языка, к примеру, /l/ или /v/. Прочтенная по правилам английского языка (что, заметим, не представляется возможным в рамках японского) иностранная лексема не создает игру слов; лексема должна, таким образом, претерпеть ряд фонетических изменений с целью создать игру слов. Однако, в некоторых случаях, как в «**競 DIE**», нарушений исходной фонетической оболочки не обнаруживается. Фразовый диаморф был обнаружен в аниме «**Kareshi Капожо по Jijou**», в начальной заставке которого обыгрывалось созвучие англ. *You may* ‘ты можешь’, яп. 夢 (/yume/ ‘мечта’). Парный фразовый диаморф был представлен всего одним примером «**thank you – san-kyuu**», описанном в параграфе 1.2.2.

Далее рассмотрим межъязыковую игру слов в восточной культуре с позиции использования бленда. В 16 (32%) японско-английских межъязыковых каламбурах используется английское слово целиком. Предпочтение отдается односложным словам: *light, die, one, two, death, dead*.

Японско-английские каламбуры, содержащие бленд, были представлены в количестве 24 единиц (48%). К примеру: «**はーとふる彼氏**» /ha:tofuru kareshi/. В данном каламбуре заимствована лексема «**はーとふる**», являющаяся «японизированным» английским словом “heartful” (сердечный), начальная часть

которого созвучна с японским 鳩 /hato/ – рус. «голубь». Таким образом, получившийся бленд, путем трансформации одного из элементов (/hato/, в котором появилась долгота гласной /a/), приводит к двусмысленности высказывания – «Сердечный/Голубиный друг», что соотносится с тематикой японской видеоигры, в которой игроку необходимо строить романтические отношения с персонажами-голубями.

Что касается гонконгских межъязыковых каламбуров, то бленд отсутствует; английское слово интегрировано целиком и имеет односложный диаморф в кантонском диалекте китайского языка, что может быть объяснено спецификой языка-основы – практически все слова являются односложными, что характерно для изолирующих языков, где каждой морфеме соответствует отдельное слово.

Временный или перманентный характер межъязыковых каламбуров в рамках восточной лингвокультуры можно также установить спекулятивно, поскольку весьма проблематично с уверенностью заявить о том, будет ли та или иная лексема в итоге зафиксирована в словарях японского или кантонского языков. В целом, процесс заимствования английских слов в японский язык является довольно динамичным, несмотря на низкий уровень владения западными языками в самой стране. Аналогичной видится ситуация в кантонском и китайском, с тем лишь уточнением, что более активному заимствованию и, следовательно, созданию межъязыковых каламбуров, препятствует идеографическая система письменности, поскольку именно фонетическое сходство и его отражение являются ключевым компонентом для межъязыковых каламбуров.

2.3.2. Языковые модели межъязыковых каламбуров в восточной лингвокультуре

Распределение межъязыковых каламбуров по языковым моделям можно представить в виде таблицы 5:

Таблица 5. Распределение межъязыковых каламбуров в восточной лингвокультуре по языковым моделям

Модель	Количество
Антиципационная	16 (32%)
Неологическая	24 (48%)
Имплицитная	10 (20%)
Всего	50 (100%)

Наиболее распространенной среди японско-английских межъязыковых каламбуров является неологическая модель. В качестве примера можно привести титул персонажа Масира (マシラ, Масира, англ. Mashira) из аниме-сериала «One Piece» – «サルベージ王» (Сарубэ:дзи О:), что в официальном английском переводе было передано как «The Salvage King». Иероглиф «王» в данном титуле напрямую переводится на русский как «король», а «サルベージ» является передачей английского глагола «to salvage» (спасать, отыскивать); таким образом, титул главного героя означает «Король Поисков», что напрямую отражает род его деятельность. В то же время, в слове «サルベージ» первые два символа «サル» (Сару) образуют диаморф слова 猿 (Сару), что переводится как «обезьяна». Таким образом, в титуле данного героя появляется дополнительная сема, которая также подкрепляется визуальным отображением данного персонажа, обладающего обезьяноподобной внешностью. Другими словами, в данном случае также

происходит креолизация данного каламбура, эксплицирующая получившийся бленд.

Антиципационная модель в японско-английской игре слов представлена реже – в 16 (3,36%) случаях. Приведем следующий пример: «攘夷が JOY» (анг. Joui ga JOY). 攘夷 – сокращенный вариант 攘夷志士 (анг. Jouisishi), названия экстремистской организации, в которой состоит ряд персонажей сериала «Gintama». «攘夷が JOY» можно перевести как «Джой – это весело», что является названием песни, которую один из членов данной организации исполнял в целях привлечения новых участников. В основе данного каламбура – практически полное омофоническое соответствие лексем «攘夷» (анг. Joui, само название организации) и «Joy» (радость, веселье). Необходимо отметить, что в данном случае мы сталкиваемся с распадом одной фонетической оболочки на две лексем-омофона: «攘夷» и «Joy», эксплицитно выраженных в тексте сообщения. Несмотря на очевидную тавтологичность высказывания, эквивалентное соответствие слов позволяет донести до реципиента следующий смысл: «攘夷 [Joui] – это весело, потому что 攘夷 [Joui] – это и есть веселье [joy]». Данный межъязыковой каламбур был переведен на английский язык как «Joui is Joy», что, в целом, является адекватным вариантом перевода.

Имплицитная модель в японско-английских межъязыковых каламбурах также представлена весьма интересным образом. К примеру, название аниме-сериала «Kill la Kill» на первый взгляд не несет какой-либо смысловой нагрузки на английском языке, в крайнем случае, являясь парным фразовым диаморфом «Killer Kill». В то же время, японский вариант прочтения данной фразы – /kirura kiru/, что можно перевести с японского как «Киллер/Убийца одет», что соотносится с содержанием аниме-сериала, в котором персонажи в качестве оружия используют предметы одежды. Данный каламбур примечателен тем, что он полностью составлен на иностранном языке (с позиции основного языка), японский компонент существует именно на уровне фонетической системы языка.

Что касается кантонско-английских межъязыковых каламбуров, во всех случаях (20%) они были основаны на антиципационной модели, поскольку создание бленда хоть и не является невозможным в контексте китайской языковой семьи, но, по всей видимости, оно представляется крайне сложным и непродуктивным для авторов межъязыковых каламбуров. Антиципационная модель кантонско-английской межъязыковых каламбуров может быть проиллюстрирована следующим примером:

著數有得 FUN, что произносится как /zeok6 sou3 jau5 dak1 fan1/, «С другими делиться/весело/много» [Apple Daily]. Будучи абсолютным омофоном кантонского односложного слова 分 (fan1; в зависимости от контекста значит «точка», «очко», «оценка», «разделять», «делить») или 紛 (fan1, «много»), оно часто фигурирует в текстах развлекательных новостей, статьях и рекламе в гонконгских СМИ. Таким образом, замещенный на иноязычный компонент, но существующий в высказывании посредством антиципации, обусловленной диаморфической связью с английским словом, 分 присваивает себе лексическое значение иноязычного компонента, тем самым расширяя семантику исходного выражения. Подобный вид межъязыковых каламбуров, когда стимулирующий компонент изначально является уже замещенным на результат, является очень распространенным в восточной лингвокультуре. Такие каламбуры можно было бы отнести также к имплицитным, однако, наличие ярко выраженного иноязычного компонента нивелирует имплицитность; антиципация сохраняется, но происходит она не путем сопоставления ранее имевшейся лексемы с результатной, а непосредственно в момент восприятия каламбура: диаморфическая связь между написанным и произнесенным словом и порождает игру слов.

2.3.3. Информативная структура межъязыковых каламбуров в восточной лингвокультуре

Информативная структура межъязыковых каламбуров в восточной лингвокультуре обладает рядом особенностей, обусловленных, в первую очередь, источником языкового материала: аниме-сериалы и СМИ, в случае кантонско-английских межъязыковых каламбуров. Действительно, установка авторов в данном случае не ограничивается целью создать комический эффект.

Отметим, что в большинстве случаев с точки зрения предметно-логического компонента межъязыковые каламбуры задействуют слова, принадлежащие к тематическому полю «смерть». Так, в 13 случаях (26%) используются такие слова как *kill, death, die*.

В целом, можно выделить следующие тематические поля в рамках восточной лингвокультуры (таблица 6):

Таблица 6. Тематические поля межъязыковых каламбуров в восточной лингвокультуре

Тематическое поле	Количество (%)
Смерть	34%
Эмоции	22%
Ономастикон	8%
Части тела, органы	6%
Цветы	8%
Межличностные отношения	4%
Технологии	2%
Всего	100%

Ярко выраженный фондовый компонент был обнаружен 7 случаях (1,4%), когда каламбуры строятся на основе антропонимики, именах известных личностей. Примером тому служит следующий каламбур: «ウイルス … ミス» (анг. Uirusu...misu da) [Gintama]. В момент фонации данной реплики, персонаж предстает изображенным наподобие американского актера Уилла Смита. В то же время «ウイルス» (Уирусу, анг. Uirusu) в японском обозначает «вирус», что соответствует контексту данного эпизода: в городе бушует инфекция, из-за которой меняется облик персонажей. Данный каламбур выполняет, таким образом, не только комическую, но и тематическую (структурообразующую) функцию.

Рассмотрим следующий пример из «One Piece», где именем одного из персонажей является Усопп (яп. ウソップ, Усоппу, анг. Usoppu). Данный персонаж отличается от остальных своей необычной способностью к выдумыванию различных неправдоподобных историй; в сериале он заработал репутацию лжеца и обманщика, несмотря на то, что входит в список положительных героев. В основе имени данного персонажа лежит слово ウソ (Усо), являющееся омофоном другого японского слова 嘘 (Усо), что переводится как «ложь, обман». Кроме того, Usoppu также созвучно с японским вариантом произношения имени полубогини Эзопа – イソップ (Исоппу), славу которому принесли его многочисленные басни, такие как «Черепашка и заяц», «Мышь из города и Мышь из деревни» и др., таким образом, обуславливая наличие фонового компонента. Семантика данного имени находит свое отражение непосредственно в поступках персонажа, что является примером креолизации. Следует отметить, что использование греческих компонентов в контексте японского произведения является наглядным примером взаимопроникновения культур. Иными словами, данный каламбур, как и остальные антропонимические, можно отнести к лакунарным. Функционально данный каламбур, согласно классификации Г.Ф. Рахимкуловой, относится к типу характеризующих.

Характеризующая функция каламбура также находит свое отражения в именах других персонажей. Приведем пример: «*Raito ga inakereba... Kurakunatta*»

(Если бы не было Лайта (имя персонажа, англ. «свет»), было бы темно) [Death Note]. Данный каламбур также требует от реципиента перевода иноязычной лексемы (Raito/Light => Hikari, яп. свет) и ее столкновение со словом «Kurakunatta». Учитывая серьезную обстановку сцены, в которой был употреблен данный межъязыковой каламбур, мы также не можем считать его основной функцией комическую, хотя не отрицаем тот факт, что остроумность данного высказывания способна возыметь подобный эффект у реципиента.

Во всех кантонско-английских межъязыковых каламбурах используется слово *fun*, при этом с нарушением его грамматической функции. Так, он может функционировать не только как существительное или прилагательное, но и глагол.

В гонконгских СМИ межъязыковые каламбуры выполняют отличную от предыдущих примеров функцию – волюнтаривную, заключающуюся в призыве к действию. Рассмотрение предметно-логического и фонового компонента не представлялось возможным ввиду ограниченности обнаруженного языкового материала и его однородности, поскольку во всех случаях обыгрывалось английское слово *fun*:

FUN FUN 鐘發放回歸的喜悅 /fan1 fan1 zung1 faat3 fong3 wui4 gwai1 dik1 hei2 jyut6/, что можно перевести как «Удовольствие каждую минуту [с радостью], радость передачи» [Apple Daily].

Таким образом, умелое соединение лингвистических ресурсов кантонского и английского создают заголовок, который передает семантически богатое сообщение в очень компактном виде, привлекая внимание реципиента, что положительно сказывается на прагматической функции рекламы.

Как следует из примеров, использование слова «fun» является очень частотным в дискурсе СМИ на кантонском, что способствует выполнению функции каламбура. Как отмечает Д. Ли: «запрет [китайского правительства] на использование смешанного кода в образовании для удержания некоторых нежелательных, но характерных языковых моделей в повседневной жизни студентов за пределами школы, является неправдоподобными и непродуктивным в

контексте эффективного изучения второго языка...» [Li, 2000, p. 305], что подчеркивает дидактическую функцию межъязыковых каламбуров.

Подводя итоги, можно заявить, что межъязыковые каламбуры в японской (и гонконгской) лингвокультуре обладают рядом уникальных особенностей, обусловленных лингвистическими и культурными факторами.

Во-первых, языком-донором во всех обнаруженных случаях является английский язык, что характеризует восточную лингвокультуру как более изолированную.

Во-вторых, специфика азиатских языков позволяет создавать полиграфические каламбуры, в случае кантонского это единственный способ создания межъязыковых каламбуров, а японский язык, ввиду своей комплексной графической системы, способен ограничиваться собственной письменностью.

В-третьих, межъязыковые каламбуры во всех случаях обусловлены фонетическим сходством иноязычных лексем лишь тогда, когда фонация происходит по правилам чтения основного языка. Правила чтения языка-донора игнорируются по большей части в случае японского языка ввиду специфики японской фонетики (силлабизм, отсутствие звука /l/), что открывает простор для создания таких межъязыковых каламбуров, которые невозможны в других языках, например, обыгрывание *light-Raito*. В случае кантонского языка, обыгрываются только короткие, односложные лексемы, омофоны которым имеются в составе языка.

В-четвертых, употребление межъязыковых каламбуров в рамках аниме-сериалов, которые можно отнести к художественному дискурсу, обусловлено не только их потенциалом в создании комического эффекта, но и структурообразующей и автохарактеризующей функцией, доминантной для японской лингвокультуры. В гонконгской лингвокультуре основной функцией является привлечение внимания адресата. Из этого следует, что в целом представители восточной лингвокультуры более склонны к употреблению иноязычных компонентов в тексте из-за их большей экзотичности для типичного читателя, при этом широкая распространенность межъязыковых каламбуров

подразумевает пресуппозицию о достаточной интерлингвистической компетенции реципиентов.

В-пятых, наиболее часто межъязыковой каламбур обыгрывает название или имя личности, персонажа, то есть относится к типу антропонимических каламбуров. Ряд исследователей (С. Кноспе, А. Стефанович) склонны относить подобные каламбуры, использующие иностранные имена, к межъязыковым в том случае, когда задействована семантика имени (пример С. Кноспе – фамилия президента Дж. Буша-младшего, которая переводится как ‘куст’ в каламбуре *Da ist mehr in Bush* [Knospe, 2015]). В отдельных случаях межъязыковой каламбур может являться названием произведения, в то время как кантонские межъязыковые каламбуры ограничиваются обыгрыванием наиболее общей и распространенной лексики английского языка, что позволяет в определенной степени отнести ее к интернациональной, поскольку данные слова встречаются в межъязыковых каламбурах в рамках русской лингвокультуры. Следовательно, лакунарными каламбурами в восточной лингвокультуре являются те, в которых обыгрываются имена собственные представителей других культур. Всего было обнаружено 7 подобных каламбуров (14% от общего числа).

2.4. Межъязыковые каламбуры в русской лингвокультуре

Всего был обнаружен 51 (10,5% от общего числа) случай употребления межъязыковых каламбуров в рамках русской лингвокультуры. 10 межъязыковых каламбуров были обнаружены в составе рекламных объявлений, названий коммерческих предприятий, что позволяет отнести их к рекламному дискурсу, и 41 – в социальной сети «ВКонтакте» в составе Интернет-мемов и пользовательских комментариев. В следующих параграфах за 100% будет принято общее количество русских межъязыковых каламбуров (51 единица).

2.4.1. Классификация межъязыковых каламбуров в русской лингвокультуре

В ходе структурно-системного анализа межъязыковых каламбуров согласно разработанной структурно-формальной классификации были получены следующие результаты, которые можно представить в виде таблицы 7:

Таблица 7. Структурно-формальная классификация межъязыковых каламбуров в русской лингвокультуре

Тип	Количество (ед, %)
Количество участвующих языков	
двужыковые	51 (100%)
полиязыковые	0 (%)
Языковая пара	
русско-английская	38 (76%)
русско-немецкая	5 (10%)
русско-французская	3 (6%)
русско-японская	3 (6%)
русско-украинская	1 (2%)
русско-испанская	1 (2%)
Графическая система	
унифицированная	38 (76%)
полиграфическая	13 (24%)
фонетико-идеографическая	0 (0%)
Диаморфическая связь	
фонетическая	47 (95%)
графическая	0 (0%)
фразовая	3 (3%)
парная	0 (0%)

комбинированная	1 (2%)
Эксплицитность	
эксплицитные	49 (96%)
имплицитные	2 (4%)
Блендинг	
бленд-стимулятор	22 (44%)
бленд-результанта	13 (26%)

По количеству используемых языков все межъязыковые каламбуры, обнаруженные в ходе исследования, относятся к двуязычным, что совпадает с результатами, полученными в ходе рассмотрения межъязыковых каламбуров в других лингвокультурах и может быть объяснено аналогичными причинами.

Доминирование английского языка может быть объяснено его ролью в качестве основного языка международного общения. Примечательно, что Россия является 39-й из 70 стран, вошедших в рейтинг владения английским языком, составленный компанией EF (Education First). Она оказалась между Эквадором и Мексикой, попав в группу с низким уровнем владения английским с индексом, равным 51,59. Из европейских стран сопоставимый результат продемонстрировала только Франция: она в рейтинге 37-я. [Волкова, 2015]. Данная ситуация также объясняет в целом довольно малое, по сравнению с западной лингвокультурой, количество межъязыковых каламбуров в сфере Интернет-коммуникации. Остальные языки, представленные в основном единичными случаями, только подтверждают главенствующую роль английского языка в глобализованном мире. Японский язык был обнаружен в каламбурах, размещенных в сообществах, посвященных аниме, что подтверждает тезис о том, основным способом опосредованного (т.к. аниме производится преимущественно для внутреннего рынка) межкультурного взаимодействия для Японии является именно аниме и манга. Остальные европейские языки, хоть и в малом количестве, все же были применены авторами межъязыковых каламбуров. Подобный низкий уровень

репрезентации французского, испанского и немецкого может быть объяснен тем, что хоть эти языки, наряду с другими романо-германскими языками, преподаются в России в школах и ВУЗах, однако они не пользуются той популярностью у населения, которой обладает английский. Как показало исследование, проведенное «Российской газетой», 38% россиян владеют английским, 19% – немецким, 3% – французским, 1% – испанским, а на другие языки суммарно приходится 6%, что в целом, сопоставимо с полученными данными [Российская Газета].

Межъязыковые каламбуры в русской лингвокультуре могут быть как унифицированными, так и полиграфическими, что сближает их с восточной лингвокультурой. Это может быть объяснено в первую очередь тем, что русский язык также, как и японский или кантонский, обладает системой письменности, отличной от латиницы, однако, он имеет с ней больше общего, чем кантонское идеографическое письмо или японское силлабо-идеографическое.

Рассмотрим следующий пример полиграфического межъязыкового каламбура: *Какое событие начали отмечать 2018 лет назад? Новый God.* [Вконтакте]. Игра слов основана на диаморфической связи английского существительного *god* ‘Бог’ и «год». Полиграфические каламбуры также встречаются и в блендах: *Что общего у школьника с собакой? Они schooлят* (обыгрывание диаморфической связи *school* ‘школа’ и «скулят») [Вконтакте]. Примечательно, что в последнем случае межъязыковой каламбур предполагает прочтение согласно правилам языка-основы. В целом, всего было обнаружено 38 (76%) полиграфических межъязыковых каламбуров и 13 (24%) с унифицированной графикой, из чего следует вывод, что в русской лингвокультуре, в отличие от других проанализированных, более продуктивным является совмещение различных систем письменностей на сублексическом (*Кому ужасно, кому Horrorшо* [Вконтакте]) или супралексическом (*Божий bitch* [Вконтакте]) уровне.

По характеру диаморфической связи обнаруженные межъязыковые каламбуры представлены в следующем соотношении:

- а. Фонетические: 47 (95%) случаев, из которых

(1) 19 (38%) случаев, когда иностранный компонент должен читаться по правилам чтения русского языка, например, «СпортZall»; «Sadист»;

(2) 29 (58%) случаев, когда иностранный компонент должен читаться в соответствии с правилами языка-донора: «Money'и'я».

в. Графических каламбуров, в которых игра слов обусловлена исключительно идентичной графикой, но различающимся произношением, обнаружено не было.

Фразовый диаморф, обнаруженный в 3 случаях (6%), можно проиллюстрировать следующим примером: *Что русскому хорошо, то американцу – Horror show!* [Вконтакте]. Комбинированный диаморф обнаруживается в известном анекдоте, также неоднократно рассказываемом пользователями Сети:

Касса Аэрофлота:

— *Please, two tickets to Dublin* [Пожалуйста, два билета до Дублина]

— *Куда, блин?!*

— *Туда, блин!!!* [Вконтакте].

В данном каламбуре обыгрывается созвучие двух фраз: «to Dublin» и «туда, блин».

Можно сделать вывод, что в русской лингвокультуре межъязыковая игра слов наиболее актуальна в тех случаях, когда иноязычный компонент обладает схожей фонетической оболочкой, что и стимулирующий компонент, и предпочтение отдается тем словам, которые имеют фонетический аналог в русском языке.

Подавляющее большинство межъязыковых каламбуров в русской лингвокультуре являются эксплицитными. Всего было обнаружено 2 примера (4%) имплицитной межъязыковых каламбуров: «*растекаюсь мыслью по древу – я умен, как вода*» и «*Я не шут* [англ. *shoot* 'стрелять' и рус. шут], *но я стреляю*» [Вконтакте]. В итоге получается парадоксальное, противоречащее самому себе высказывание: «Я не шут/Я не стреляю, но я стреляю», дешифровка которого требует определенных усилий.

Создание блендов является крайне распространенным способом создания межъязыковых каламбуров на основе русского языка. Так, бленд был обнаружен в 35 случаях (70%). Как нам кажется, это обусловлено лингвистическими факторами. Поскольку русский язык – синтетический, различные преобразования слова на морфологическом уровне являются свойственными для языка. Известно, что русские слова в среднем длиннее английских. Согласно исследованиям, вероятность встретить, в английском тексте слово из 6 и более букв для английского языка составляет 16%, а для русского – 31% [Бойков и др., 2005, с. 46-49], что предоставляет авторам каламбуров больше возможностей для вычленения диаморфа в составе более длинного русского слова.

В рамках русской лингвокультуры временный или перманентный характер межъязыковых каламбуров, как и в предыдущих случаях, установить довольно проблематично. Как показало экспериментальное исследование, каламбуры, использующие такие слова как *man*, *boy*, *god*, были успешно интерпретированы подавляющим числом реципиентов. Вызывает сомнение то, что вышеперечисленные слова рано или поздно будут зафиксированы в словарях русского языка, однако среднестатистический носитель русского языкового сознания практически не воспринимает данные слова как иностранные.

2.4.2. Языковые модели межъязыковых каламбуров в русской лингвокультуре

Распределение межъязыковых каламбуров по языковым моделям можно представить в виде таблицы 8:

Таблица 8. Распределение межъязыковых каламбуров в русской лингвокультуре по языковым моделям

Модель	Количество
--------	------------

Антиципационная	44 (87%)
Неологическая	5 (9%)
Имплицитная	2 (4%)
Всего	51 (100%)

Как следует из приведенных выше данных о превалировании межъязыковых каламбуров на основе блендов, доминирующей языковой моделью является неологическая. Рассмотрим следующий пример: *Девчонки вешаются на меня как на елке girлянды* (межъязыковая омография *girl* и начальной части «гирлянды») и представим его в виде схемы 9:

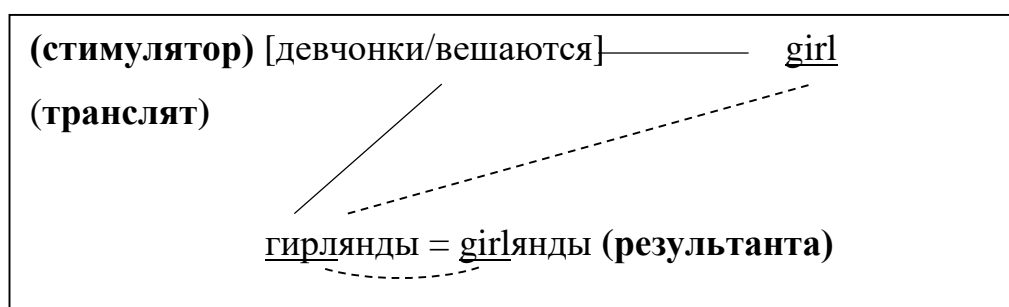

Схема 9. Каламбур «girлянды»

где прерывистая линия обозначает диаморфическую связь, сплошная — семантическое тождество.

Необходимо отметить, что в данном случае используется первый тип диаморфического сходства, когда иностранное слово должно быть прочитано по правилам языка-основы.

Второй по распространенности является антиципационная модель. Всего было обнаружено 5 (10%) случаев, наиболее иллюстративным из которых является ранее упомянутый каламбур «*Новый God*» который можно представить в виде схемы 10:

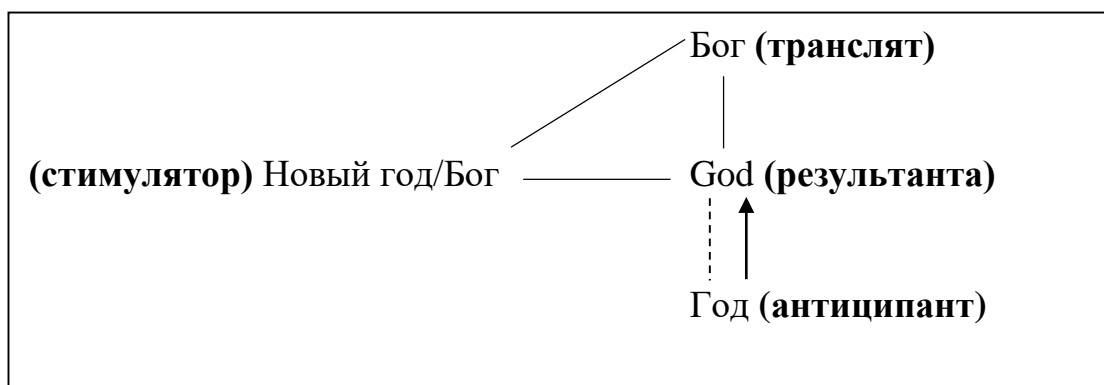

Схема 10. Каламбур «Новый God»

где прерывистая линия обозначает диаморфическую связь, сплошная — семантическое тождество, а линия со стрелкой показывает процесс семантического расширения результатанты на основе диаморфической связи.

Как видно из приведенной схемы, в данном высказывании стимулятор не выражен эксплицитно, вопрос в начале каламбура «Какое событие начали отмечать 2018 лет назад?» вызывает у реципиента ассоциации, связанные с Рождеством Христовым, в то время как указание на «отмечание события» запускает антиципацию упоминаний различных праздников, в том числе и нового года, что в конечном счете приводит к расширению семантики высказывания в целом.

Ограниченное количество имплицитных каламбуров сопоставимо с аналогичной ситуаций и в других лингвокультурах, особенно в восточной. Возможность создания имплицитных межъязыковых каламбуров значительно выше в западной лингвокультуре из-за особой языковой ситуации, более тесных языковых контактов и более динамичной мобильности населения, а также более разнообразной этнической репрезентации на территориях стран Европы и Америки стран, что в итоге отражается и в языке.

2.4.3. Информативная структура межъязыковых каламбуров в русской лингвокультуре

Межъязыковые каламбуры в русской лингвокультуре, как показал анализ отобранного материала, обладают рядом особенностей с точки зрения их информативной структуры.

На рисунке 9 приведен пример подобного каламбура, который строится на созвучии рус. *кочан* и яп. *neko-chan* ‘кошко-девочка’.

КОЧАН

НЕКОЧАН

Рисунок 9. КОЧАН НЕКОЧАН [Вконтакте]

Данный каламбур строится на созвучии русского слова «кочан» и японского *neko-chan* («кошко-девочка»). Креолизация также играет большую роль в создании юмористического эффекта: вербальная часть подкреплена изображением девочки с кошачьими ушами, изображенная в стиле японской анимации – аниме, что позволяет также относить данный каламбур к общему классу визуальных; в случае отсутствия креолизации данное выражение становится абсурдным. Тем не менее, благодаря развитию каналов электронной коммуникации, авторы каламбуров способны интегрировать компоненты различных семиотических систем. Это весьма важно, поскольку визуальный компонент является своего рода ключом к пониманию межъязыковых каламбуров: реципиенту необходимо найти ту лексему или фразу, которая является диаморфом визуального компонента, или же ее непосредственным названием на языке-доноре, и построить необходимые связи между компонентами игры слов.

Согласно приведенной выше классификации, можно выделить следующие семантические компоненты данного каламбура:

1. Предметно-логическая основа: названия людей и животных в сочетании с названиями продуктов питания.

2. Фоновый компонент является референцией к экстралингвистическому факту, а именно традиции изображения многих женских персонажей аниме в виде девочек с кошачьими ушами, что подкрепляется визуальным компонентом; реципиенту необходимо владеть этой фоновой информацией для успешного восприятия каламбура. Таким образом, данный каламбур можно отнести к типу лакунарных.

Ярко выраженный фонический компонент также обнаруживается в следующем каламбуре: *Мы тебе не братья, но при виде нас кричите Brazzers*. Межъязыковая игра слов зависит от способности реципиента осуществить перевод лексемы *братья* на английский язык, чтобы получить транслит *brothers*, являющийся омонимом *Brazzers*, названия студии, снимающей «фильмы для взрослых». Именно наличие экстралингвистических знаний в конечном счете позволяет дешифровать игру слов, что также приводит к семантическому расширению исходного высказывания. Данный каламбур также можно отнести к типу лакунарных.

Примечательно, что, в отличие от межъязыковых каламбуров в восточной лингвокультуре, в русских межъязыковых каламбурах, как и в западных, присутствует фонический компонент, представляющий собой отсылку на страну или национальность, связанную с языком-донором, т.е. экспликатор. Однако, экспликатор обнаруживается гораздо реже, всего в 13 случаях (26%). Можно сделать вывод, что сам языковой материал (иногда дополненный визуальным компонентом) не всегда достаточен для успешного восприятия.

В целом, рассмотрение межъязыковых каламбуров с позиции предметно-логической основы позволило выделить следующие тематические поля, которые можно представить в виде таблицы 9:

Таблица 9. Тематические поля межъязыковых каламбуров в русской лингвокультуре

Семантическая группа	Количество (%)
Люди, группы людей	20%
Еда/кулинария	15%
Цифровые обозначения	13%
Цвета	10%
Животные	8%
Географические объекты	6%
Автомобили	4%
Оценка	4%
Всего	80%

Отметим, что 20% межъязыковых каламбуров использовали слова, принадлежащие служебным частям речи, которые невозможно отнести к какому-либо тематическому полю.

Широкое распространение межъязыковых каламбуров в названиях различных коммерческих организаций, магазинов, а также в рекламе, позволяет сделать вывод, что межъязыковые каламбуры в русской лингвокультуре обладают высоким потенциалом выполнять волюнтаривную функцию, сближая их с каламбурами в восточной лингвокультуре. Можно привести следующие названия: *Pe'bro*, *СОЦИОПАТИ* [рекламные объявления]. Также можно привести весьма оригинальный «Интернет-топоним», т.е. названия одного из сообществ в сети Вконтакте: *R.Ru*, в котором скрыта русская лексема «Ору», являющаяся диаморфом данного названия, если его прочесть согласно правилам языка-донора. В целом, можно сделать вывод, что межъязыковые каламбуры в рекламе являются довольно эффективным стилистическим приемом, способным заинтересовать реципиента и побудить к необходимому для автора действию.

Таким образом, межъязыковые каламбуры в русской лингвокультуре обладают рядом отличительных черт.

Во-первых, языковая ситуация в России практически полностью совпадает с языковой репрезентацией в межъязыковых каламбурах. Английский язык занимает первое место по распространенности, в то время как остальные романо-германские языки представлены в крайне малом количестве. Кроме того, в то время как в западной лингвокультуре основными языками-донорами являются близкородственные английскому языки, в русской лингвокультуре другие славянские языки были представлены всего в 1 случае, из чего следует, что степень языкового родства не всегда напрямую влияет на частотность употребления компонентов того или иного языка в межъязыковых каламбурах.

Во-вторых, чаще всего межъязыковые каламбуры представляют собой полиграфический бленд, поскольку автору каламбура необходимо эксплицировать иностранную лексему, в основном английскую, чтобы каламбур был успешно интерпретирован реципиентом. Распространенность блендов обусловлена лингвистически: поскольку русский язык является преимущественно синтетическим, осуществление морфологических изменений, искажений слова-стимулятора видится авторам каламбуров наиболее эффективным методом создания межъязыковых каламбуров; и напротив, имплицитная межъязыковая игра слов крайне непопулярна в русской лингвокультуре.

В-третьих, предметно-логическую основу каламбуров чаще всего составляет межъязыковой материал; в фоновом компоненте практически всегда отсутствует ссылка на экстралингвистический фактор, связанный с данным каламбуром, что прямо противоположно ситуации в западной лингвокультуре, где фоновый компонент в большинстве случаев содержит указание на «родину» иноязычного компонента. В русской лингвокультуре также отдается предпочтение межъязыковым каламбурам, не содержащим лакуны – в большинстве случаев (9,03%) обыгрываются слова, принадлежащие к общей или служебной лексике, что, в целом, аналогично результатам, полученным в ходе анализа межъязыковых каламбуров западной лингвокультуры. Функционально отобранные каламбуры

занимают промежуточную позицию между западными и восточными – так, распространенность межъязыковых каламбуров в рекламе, названиях магазинов, позволяет заявить о высокой актуальности функционального аспекта межъязыковых каламбуров в рамках данной лингвокультуры.

2.5. Экспериментальное исследование особенностей восприятия межъязыковых каламбуров в русской лингвокультуре

2.5.1. Описание процедуры эксперимента

Необходимость проведения экспериментальной проверки гипотез вызвана тем, что изучение языковой формы вне процессов порождения и восприятия ведет лишь к описательно-классифицирующим констатациям фактов. Эксперименты позволяют сделать частные выводы относительно влияния, которое оказывает тот или иной текст на реципиента. Таким образом, для подтверждения или опровержения гипотезы о применимости теории концептуальной интеграции для построения когнитивной модели восприятия межъязыковых каламбуров использовался лингвистический эксперимент [Фомин, Медведев, 2019].

Эксперимент был проведен с использованием Google-форм, размещенных в сети Интернет; респондентами выступили студенты языковых специальностей 1-5 курсов Кемеровского государственного университета и Новокузнецкого филиала Кемеровского государственного университета, Сибирского федерального университета и Алтайского государственного педагогического университета. Общее количество респондентов составило 200 человек. Эксперимент предполагал полную анонимность.

Выбор данной социальной группы обусловлен рядом факторов. Студенты высших учебных заведений в возрасте от 18 до 23 лет являются наиболее репрезентативными для изучения текущего состояния языка, будучи при этом уже относительно или полностью сформировавшимися личностями с определенным

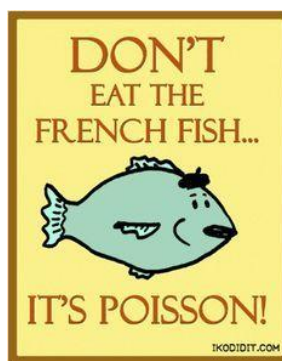
языковым и межъязыковым опытом. Кроме того, студенты именно языковых направлений были отобраны для эксперимента по той причине, что восприятие межъязыковых каламбуров предполагает наличие у реципиента определенной межъязыковой компетенции, в данном случае, как минимум достаточный уровень владения английским языком, что соответствует языковой ситуации в Европе и США (подробнее о языковой ситуации и ее роли в контексте межъязыковых каламбуров см. раздел 2.2.1.).

Предварительно был проведен пилотный эксперимент, участие в котором приняло 100 человек. С помощью метода случайной выборки было отобрано 200 межъязыковых каламбуров из массива. Респонденты должны были указать, поняли ли они каламбур или нет. В итоге было отобрано 20 каламбуров, которые были понятны большему числу респондентов.

Целью эксперимента было, во-первых, выявить образование третьего смешанного плана содержания в ходе восприятия межъязыкового каламбура у русских респондентов, что отражается в вариантах перевода межъязыковых каламбуров, предложенных участникам эксперимента; во-вторых, установить роль вспомогательного компонента, выражаемого иконически или вербально в качестве указания на другой язык или культурный атрибут; в-третьих, определить наиболее простые для понимания языковые модели межъязыковых каламбуров.

Эксперимент проводился в два этапа. На первом этапе респонденты должны были перевести 10 межъязыковых каламбуров. Задание было сформулировано следующим образом: «*Переведите каламбуры на русский язык*». На выполнение задания было отведено 10 минут. Участникам эксперимента был ограничен доступ к различным вспомогательным средствам (машинным переводчикам, словарям, справочникам). Ниже представлен список каламбуров для выполнения первого задания. Пояснения к каламбурам в виде перевода их частей, а также указания языковых моделей, не были даны участникам эксперимента.

№1.

(игра слов между англ. *poison* (яд) и фр. *poisson* ‘рыба’). Примерный перевод: ‘Не ешьте французскую рыбу, она яд’; модель – антиципационная)

№2.

What kind of music does
the sun listen to?

(Игра слов между англ. *sun* ‘солнце’ и исп. *sol* ‘солнце’, которое является диаморфом англ. *soul* ‘душа’, обозначающий и жанр музыки «соул»; модель – антиципационная. Примерный перевод: ‘Какую музыку слушает солнце? Соулечную’)

№3.

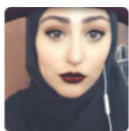
(Игра слов между англ. *terrific* (потрясающий) и фр. *terre* 'земля'); модель – неологическая. Примерный перевод: 'Прекрасного/Земляного дня!')

№4.

(Игра слов между англ. *kinder* 'добрее' и нем. *kinder* 'дети'; модель – имплицитная. Примерный перевод: 'Как бы добры вы ни были, немецкие дети – добрее/дети')

№5.

crazyzee 337 Points 10h

Did you read his new book? 'Mein kampf is bigger than your kampf'

Reply ↑ ↓ ...

(Игра слов между англ. *mine* (притяжательное прилагательное «мой») и нем. *mein* (притяжательное прилагательное «мой»); модель – имплицитная. Примерный перевод: ‘Вы читали его новую книгу? ‘Mein kampf больше, чем твой kampf’).

№6.

(Игра слов между англ. *sea-sick* ‘морская болезнь’ и исп. *sí* ‘да’); модель – неологическая. Примерный перевод: ‘Что случилось с испанским капитаном, который говорил “Да” слишком часто? Морская/Да-болезнь’).

№7.

(Игра слов между англ. *vroom* (ономатопея, обозначающая звук двигателей автомобилей) и нем. *warum* ‘почему’; модель – антиципационная. Примерный перевод: ‘Что говорят немецкие машины, когда они чего-то не понимают? «Варум, варум!/Почему, почему!»’)

№8.

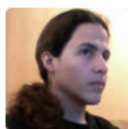
(Игра слов между англ. *champions* ‘чемпионы’ и исп. *champiñones* ‘грибы’, соотносимый с англ. транслятом «mushroom» (грибы); модель – антиципационная. Примерный перевод: ‘Почему гриб съел Wheaties? Это завтрак чемпионов/шампиньонов’).

№9.

(Игра слов между англ. *rain* ‘боль’; фр. *pain* ‘хлеб’; модель – имплицитная.
 Примерный перевод: ‘Французы такие крутые, что едят хлеб/боль на завтрак’).

№10.

21mauricio21 1h

Matrioscats <3

Reply ↑ ↓ ...

(Игра слов между англ. *cats* ‘кот’; рус. матрешка; модель – неологическая.
 Примерный перевод: ‘Матрешкоты’).

Таким образом, распределение межъязыковых каламбуров по языковым парам можно представить следующим образом:

- 1) англо-немецкие: 3;
- 2) англо-французские: 3;
- 3) англо-испанские: 3;
- 4) англо-русские: 1.

Иконический экспликатор присутствует в каламбурах: №1, 3, 7, 9; вербальный - в каламбурах №1, 4, 6, 9.

В ходе второго этапа эксперимента респондентам было предложено 10 межъязыковых каламбуров (язык-основа – русский), в которых участникам было необходимо указать значения использованных иностранных лексем. Формулировка задания выглядела следующим образом: «*Напишите значения иностранных слов, использованных в каламбурах*».

На выполнение задания было отведено 10 минут. Участникам эксперимента также был ограничен доступ к вспомогательным средствам. Ниже представлен список межъязыковых каламбуров для выполнения второго задания с объяснением иностранных слов (эта информация также не была доступна респондентам).

№1.

(яп. *neko* ‘кот’; англ. коддинг, программирование, являющееся дериватом англ. *code* ‘код’ прочно закрепилось в словарях русского языка)

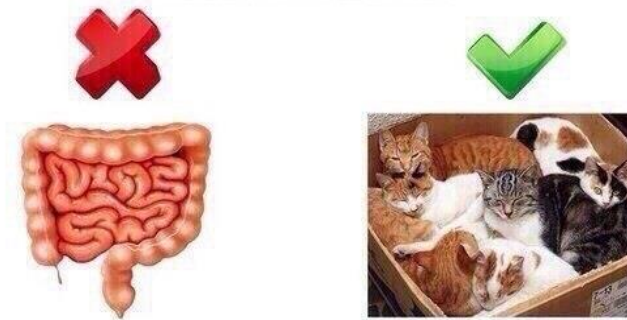
№2

(англ. *man* 'мужчина').

№3

кішки

(укр. *кішки* 'кошки').

№4

(англ. *lucky* 'счастливый, везучий').

№5

(англ. *beer* ‘пиво’).

№6

(англ. *old-school* ‘старая школа, старомодный’).

№7

Мои любимые юморески

10 minutes ago

Какое событие начали праздновать 2018 лет назад?

Новый God

(англ. *God* ‘Бог’).

№8

(англ. *boy* ‘мальчик’ и *girl* ‘девочка’).

№9

– Немцы после второй мировой войны в Париже стараются не говорить по-немецки, поэтому делают заказ по-английски: “Two martinis, please”. “Dry?” – переспрашивает официант. „Nein, zwei!“ – отвечают немцы

(нем. *nein* ‘девять’, *zwei* ‘два’; англ. *dry* ‘сухой’, *two martinis, please* ‘два мартини, пожалуйста’).

№10

Что русскому гора, то японцу – яма!

(яп. *yama* ‘гора’).

Таким образом, распределение межъязыковых каламбуров по языковым парам можно представить следующим образом:

- 1) русско-английские: 6;
- 2) русско-японские: 2;
- 3) русско-немецко-английский: 1;
- 4) русско-украинские: 1.

Иконический экспликатор присутствует в каламбурах №1, 2, 3, 5; вербальный – в № 9, 10.

В том случае, если перевод каламбура или определение иностранных лексем представлялось слишком трудным для респондентов, они пропускали вопрос. Градация полученных ответов и результаты эксперимента будут описаны в следующем параграфе.

2.5.2. Интерпретация полученных данных

Результаты, полученные в ходе первой части эксперимента, можно представить в виде таблицы 10. Количество указано в процентном соотношении исходя из общего количества респондентов (200 чел.).

Первый столбец: номер каламбура и участвующее иностранное слово для более простого представления данных;

Второй столбец: количество успешных переводов. Под успешным переводом понимался тот, в котором либо сохранена межъязыковая игра слов, либо указаны слова из языка-донора, что также свидетельствует об образовании смешанного пространства согласно теории концептуальной интеграции.

Третий столбец: количество отказов от ответа.

Четвертый столбец: ошибочные, в рамках эксперимента, переводы, в которых не отражается создание смешенного ментального пространства (отсутствует двусмысленность и/или никак не обозначены слова из языка-донора.

Пятый столбец: случаи, когда респонденты ограничивались указанием на значения использованных иностранных лексем без перевода самого текста каламбура.

Шестой столбец: иконический экспликатор («+» – присутствует, «-» – отсутствует).

Седьмой столбец: вербальный экспликатор («+» – присутствует, «-» – отсутствует).

Каламбуры сгруппированы в порядке убывания по показателю успешности предложенных респондентами вариантов перевода.

Таблица 10. Результаты первой части эксперимента

Каламбур	Успешные переводы	Отказ от ответов	Ошибочные переводы	Интерпретационные ответы	Иконический экспликатор	Вербальный экспликатор
№2 <i>sol</i>	62%	23%	10%	5%	-	+
№8 <i>champinones</i>	57%	20%	7%	16%	-	+
№5 <i>mein kampf</i>	52%	31%	8%	9%	-	-
№6 <i>si-sick</i>	43%	40%	9%	8%	-	+
№3 <i>terre- iffic</i>	40%	37%	11%	12%	+	-
№9 <i>pain</i>	23%	41%	32%	4%	+	+
№4 <i>kinder</i>	15%	44%	36%	5%	-	+
№7 <i>warum</i>	10%	40%	23%	27%	+	+
№1 <i>poisson</i>	9%	61%	20%	10%	+	+
№10 <i>matrioscats</i>	8%	73%	22%	0%	-	-

Остановимся подробнее на полученных данных и рассмотрим каждый межъязыковой каламбур, особо отметив случаи, в которых в ходе перевода

респондентам удалось сохранить не только двусмысленность, но и межъязыковую игру слов. Успешным переводом также считались те случаи, когда значения иностранных слов были указаны респондентами в скобках или через «/», поскольку таким образом они сигнализировали об образовании совмещенного плана содержания, которое респондентам не удалось отразить в переводе в силу ограничения по времени и/или того, что перевод каламбуров на материале даже представляет особую сложность и для профессиональных переводчиков.

1. Каламбур №2 «*Sol music*».

Данный каламбур оказался наиболее понятным для респондентов. Приведем примеры удачных, на наш взгляд, переводов (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация участников эксперимента):

1. *Какую музыку слушает солнце? Соулнечную музыку!;*
2. *""Какую музыку слушает Солнце? – Соулнечную!"";*
3. *Какую музыку слушает солнце? Музыку СОЛ;*
4. *Какую музыку слушает солнце? Соул музыку!;*
5. *Какую музыку слушает солнце? СОЛ музыку;*
6. *Какую музыку слушает солнце -- СОул!.*

Как следует из приведенных примеров, респонденты применяли различные языковые модели, как неологическую («соулнечную»), так антиципационную («Музыку СОЛ»), эксплицируя при этом обыгрываемый компонент с помощью капитализации, чего не наблюдается в исходном каламбуре. В ряде переводов, однако, происходила подмена иноязычной лексемы «soul» на русское слово «соло», его производные и «собственный»:

1. *Кого чаще всего слушает Солнце ? – Солистку;*
2. *Какую музыку слушает Солнце? Солственную!;*
3. *-Какой вид музыки слушает солнце? -Сольную музыку.*

Отметим, что 3 представленных выше перевода не являются межъязыковыми каламбурами, поскольку все слова-участники входят в состав русского языка; межъязыковым каламбуром является именно исходный каламбур на английском языке-основе.

2. Каламбур №8 «*Champinones*».

Данный каламбур обладает вторым максимальным количеством успешных переводов на русский язык (60%). Во всех случаях отражающими совмещенный план содержания являлись те переводы, в которых обыгрываемый компонент был передан с помощью бленда, внешняя форма которого, в то же время, могла различаться:

1. *"Почему гриб ел хлопья? Потому что это завтрак чемпиононов;*
2. *почему грибы едят хлопья? Это завтрак шампиньонов;*
3. *Почему грибы едят мюсли? Потому что это завтрак чемпионов;*
4. *Почему грибы едят пшеницу? – Потому что это еда Чшампиньонов!;*
5. *"Почему грибы едят пшеницу? Потому что это завтрак чампинонов.*
"Почему грибы едят хлопья ? Потому что это завтрак ч(Ш)емпионов;
6. *Почему грибы хлопья, потому что это завтрак шемпионов.*

Примечательно, что «Wheaties», название марки кукурузных хлопьев, чей слоган «The breakfast of champions» является основой данного каламбура, интерпретировался респондентами различно; однако, в силу отсутствия данной марки хлопьев на российском рынке, сохранение оригинального названия или его отсутствие в переводе не представляло интерес в рамках исследования. Полученные варианты переводов также не являются межъязыковыми каламбурами, поскольку слово «шампиньон» зафиксировано в словарях русского языка.

3. Каламбур №5 «*Mein Kampf*».

Данный каламбур занимает третье место по количеству успешных переводов (52%), в которых сохраняется межъязыковая игра слов, требующая от реципиента определенной межъязыковой компетенции, отличаясь от последнего более высоким количеством нулевых реакций (34% и 30% соответственно). Значительное количество корректных переводов, на наш взгляд, вызвано экстралингвистическими факторами. Книга Адольфа Гитлера «*Mein Kampf*» (рус. «Моя борьба»), несмотря на запрет ее публикации на территории Российской

Федерации, бесспорно является широко известным объектом культуры, учитывая роль ее автора не только в отечественной, но и мировой истории.

Приведем наиболее удачные примеры переводов:

1. *"Читали его новую книгу? Майн кампф больше твоего кампфа";*
2. *Вы уже читали его новую книжку? «Майн кампф будет больше твоего кампфа»;*
3. *Ты прочитал его новую книгу? Майн Камф это больше чем твоя борьба;*
4. *Читал новую книжку? "Майн кампф больше твоего кампфа";*

Межъязыковую характеристику данным переводам придает именно сопоставление лексем «mein» и «твоя [борьба]», что требует от реципиента перевода на русский язык.

В некоторых переводах, однако, происходила полная замена семантики высказывания, сохраняя лишь отсылку к Адольфу Гитлеру: *Читали новую книгу Адольфа Г.? "Наш фюрер фюрее вашего фюрера".*

В то время как данный перевод нельзя назвать межъязыковым каламбуром, в нем все равно содержится игра слов благодаря образованию комичного неологизма «фюрее». Подобная подмена содержания также была обнаружена в других каламбурах, особенно в следующем.

4. Каламбур №6 «Si-sick».

Краткость иноязычного, по отношению к основному языку, участника межъязыковых каламбуров, предоставило респондентам большой простор для языкового творчества, что отразилось в большом количестве весьма интересных каламбурных переводов, сохранивших межъязыковую игру слов:

1. *Русские девушки были в шоке от испанского моряка, который очень любил соглашаться. Такой похотливый... Постоянно твердил Si-si...;*
2. *Что случилось с капитаном, который вечно говорил "Да"? Его СИ-СИ-СИльно загнуло;*
3. *Что произошло с испанским капитаном корабля, который слишком часто говорил да? Его Siтошнило;*

4. *Что случилось с испанским капитаном, который слишком часто говорил "Да"? Си-сидит на мели;*
5. *Что случилось с испанским капитаном, который слишком часто говорил "да"? У него теперь Си-сифилис;*

По всей видимости, большую роль сыграло также наличие вербально выраженного вспомогательного компонента, а именно отсылки к языку, участвующему в игре слов («Spanish captain»), что привело к активизации самых базовых знаний об испанском языке у респондентов.

В 2 случаях произошла полная замена содержания исходного высказывания при сохранении межъязыковых каламбуров:

1. *Какое наказание ждёт немца в России, если в суде на вопрос "Знаете ли Вы, кто ограбил банк?", он отвечает Ja, ja?;*
2. *Что произошло с немецким штурманом, который слишком часто говорил "да"? Его выбросили за борт за чрезмерный эгоизм!;*

Отметим, что во втором случае применяется имплицитная модель, представляющая наибольшую сложность для авторов каламбуров и реципиентов.

5. Каламбур №3 «Terre-iffic».

В данном каламбуре, в отличие от предыдущих, присутствует явный иконический компонент (изображение земного шара). Тем не менее, его роль, согласно полученным реакциям респондентов, оказалась относительно незначительной, при 37% нулевых реакций и 11% некорректных переводов, в которых была проигнорирована сема «земля».

Успешные переводы, за исключением тех, в которых предлагалась интерпретация участников игры слов, были построены по неологической модели:

1. *Землечательного дня!;*
2. *Был ужаземный день!;*
3. *Земле-чательного дня!;*
4. *Землячательного вам дня!;*
5. *Что за земель -чательный день.;*
6. *Землечательного вам дня!;*

7. *Не день, а акт ТЕРРоризма.*

Как видно из примеров выше, респонденты зачастую ошибочно переводили английское прилагательное «terrific», приняв его за синоним «terrible» (ужасный, кошмарный). Подобная ситуация также позволяет поставить под сомнение роль иконического знака. Действительно, на исходном изображении планета земля антропоморфизирована путем нарисованной на ней улыбки, что создает диссонанс семой «ужас». Вполне вероятно, что респонденты осуществляли перевод преимущественно с опорой на вербальный компонент креолизованного текста, игнорируя визуальный. Подобные переводы были тем не менее приняты в качестве удачных, поскольку в них респонденты также пытались сохранить межъязыковую игру слов.

6. Каламбур №9 «*Pain*».

Одновременное наличие и иконического знака (изображения хлеба), и вербальной подсказки («the French») способствовало довольно высокому количеству успешных примеров интерпретации данного межъязыкового каламбура, построенного с помощью имплицитной модели. Однако, лишь в нескольких случаях респондентами была предпринята попытка отразить игру слов в переводе, в основном, с помощью замены референта или полного изменения семантики:

1. *Французы очень круты, потому что везде добавляют крутоны;*
2. *Немцы картошку любят как никто в мире – она им Brat-kartoffeln;*
3. *Ваня из деревни никогда раньше не встречался с украинцами. Он был очень удивлён, когда познакомился с мужчиной, все никак понять не мог, кто в здоровом уме будет сына называть Хлебом;*
4. *Русские люди настолько суровы, что едят хрен;*
5. *Французы настолько хардкорны, что на завтрак едят больки (булки+боль);*
6. *Французы такие жесткие, что в хлеб добавляют муку.*

В остальных случаях (25) респонденты ограничивались пояснением иноязычной лексемы в переводе:

1. *"rain – боль (англ)\хлеб (фр) ""Французы настолько суровые что едят [боль/хлеб] на завтрак""";*
2. *Французы такие крутые – они едят боль (хлеб) на завтрак.;*
3. *"Французские люди настолько суровы, что едят боль (хлеб) на ;завтрак";*
4. *Французы настолько жесткие, что едят боль/хлеб на завтрак.*

Подобная ситуация, на наш взгляд, обусловлена отсутствием названия какого-либо блюда на русском языке, которое было бы диаморфом французской лексемы *rain*, как минимум в виду значительных различий фонетических систем русского и французского языков, а именно – наличие носовых гласных в русском, характерных для французского.

7. №4 «Kinder».

Данный каламбур, также образованный с помощью имплицитной модели, содержал в своей структуре вербально выраженную языковую подсказку («German»), что отразилось в ряде успешных переводов каламбура, в которых сохранилась межъязыковая игра слов:

1. *Ребёнок – иногда это сюрприз для молодой пары. А для немецкой пары – это киндер сюрприз;*
2. *Дети полны сюрпризов, а немецкие дети – киндер-сюрпризов;*
3. *Без разницы какой ты ребенок. Немецкий ребенок вообще киндер;*
4. *Неважно какой Сникерс, немецкие дети настоящий Киндер!;*
5. *Самая семейная страна – Германия, там что ни Familia – то семья.;*

Как демонстрируют приведенные примеры, респонденты, пытаясь сохранить межъязыковую игру слов, прибегали к реферированию известной марки кондитерских изделий «Kinder Surprise», которая присутствует на российском рынке под таким же названием. Таким образом, происходило изменение семантики каламбура с ликвидацией семы «доброта», содержавшейся в английском «kinder». В остальных 5% случаев респонденты ограничились указанием иноязычных лексем в переводе:

- 1) *добрее/дети;*
- 2) *Kinder – нем. "дети", англ. "добрее";*

- 3) *kinder* (нем)-ребенок);
- 4) *кинтеры* – дети;
- 5) *kinder* – дети с немецкого;
- 6) *по-немецки ребёнок* –кинтер.

8. №7 «*Warum*».

Данный каламбур обладает значительно меньшим, в отличие от предыдущего, количеством успешных переводов (11%), что обусловлено, как мы склонны полагать, частеречевой принадлежностью обыгрываемых лексем. Так, в то время как немецкий компонент представляет собой более знакомое русскому реципиенту немецкое вопросительное слово «*Warum*», его диаморфом является ономатопоэтическое «*Vroom*», обозначающее в английском звук двигателя, мотора, в то время как подобное слово отсутствует в русском языке. Наличие иконического компонента и вербальной подсказки также оказалось несущественным для успешного восприятия данного каламбура. Приведем наиболее удачные примеры перевода:

1. *Врум-врум говорит машина. ВАРУМ ВАРУМ – говорит немец, когда едет не по автобану;*
2. *Что произносят немецкие машины, когда находятся в тупике? "Врум-чему!!!!";*
3. *""Что говорят немецкие машины когда ничего не понимают? Варум варум!"";*
4. *Что делают немецкие авто, когда сконфужены? Варррум варррум;*
5. *Как Леонид Агутин намекал своей жене Анджелике Варум, что сегодня она за рулём? "Анджелика, ВРУМ ВРУМ"*
6. *Что говорит монгольская лошадь? Иго го!*

В последних двух примерах также прослеживается изменение семантики высказывания. В первом примере сохраняется фонетическая игра слов, построенная на диаморфической связи английского «*vroom*» и фамилии известной певицы Анжелики Варум, что переводит данный каламбур в разряд антропонимических, во втором же примере теряется межъязыковая игра слов,

сохраняется лишь отдаленная суть самого высказывания, заключающаяся обыгрывании диаморфической связи со звуком, издаваемым «транспортным средством» (лошадью), и другим словом.

9. №1 «*Poisson*».

9% успешных переводов данного межъязыкового каламбура не передали межъязыковую игру слов, но содержали указание на иностранную лексему. Примечательно, что в данном каламбуре присутствовал и иконический знак (изображение рыбы), и вербальная подсказка («French»):

1. *"Poison – яд (англ), Poisson – рыба (фр) ""Не ешь французскую рыбу.. Это [яд/рыба]""";*
2. *Не ешь французскую рыбу, потому что это рыба (poisson – фр рыба);*
3. *Не ешьте французскую рыбу... Она ядовита (poisson (фр)-рыба);*
4. *Не ешьте французскую рыбу, ведь по-французски она пишется poisson, а poisson – это яд!;*
5. *poisson – "рыба" по-французски, poison – яд по-английски; Не ешь французскую рыбу, она ядовитая.*

Попытка сохранить межъязыковую игру слов обнаруживается всего в 1 переводе: *Что французу рыба, то англичанину – яд.*

В данном случае, из исходной антиципационной модели каламбур преобразуется в имплицитную, требующую перевод одновременно на два языка: английский (яд > poison) и французский (рыба > poisson), что подтверждает наличие трехъязыковых каламбуров.

Общее количество успешных переводов данного межъязыкового каламбура равно количеству успешных переводов следующего. Однако, в последнем случае было больше пустых ответов, что позволяет считать его менее понятным реципиентам.

10. №10 «*Matrioscats*».

Минимальное количество успешных переводов (8%) данного каламбура может быть объяснено тем, что он представляет собой изолированный неологизм. Вследствие отсутствия более широкого контекста и иконического знака, были

предложены весьма разнообразные варианты перевода, некоторые из которых оказались весьма интересными и раскрывшими данный межъязыковой каламбур с неожиданной стороны:

1. *Котрешка;*
2. *Маткошки (матрешки);*
3. *"Matrioshka – матрешка, cat – кот ""матрёшкоты""";*
4. *Матрикошки;*
5. *Кошечки-матрешечки;*
6. *Матрешкошки.*

Однако, в 5 случаях (2,5%) респонденты попытались эксплицитировать лексему «матриархат» или «патриархат», которая не присутствовала в оригинальном каламбуре:

1. *Котриорхат;*
2. *Матриакат;*
3. *Кошки во главе (матриархат);*
4. *Матриокат;*
5. *Котриархат.*

В то время как подобная ситуация свидетельствует о явном коммуникативном сбое, это также дает представление о потенциале межъязыкового каламбура побуждать создание ментальных пространств, наполненных значением, не закладываемым изначально автором высказывания.

Кроме того, следует отметить лингвокультурную специфику подобного процесса. Так, в 3% случаев в переводе была отсылка к Коту Матроскину, персонажу известных советских повестей для детей и мультфильмов: *Матроскин* или *Матроскины*.

Маловероятно, что автор каламбура-иностранец закладывал настолько культурно-специфичный компонент в свой текст. По этой причине, данные варианты перевода не были обозначены как удачные, однако, они все равно представляют интерес.

б. Таким образом, в то время как подобные ответы демонстрируют восприятие реципиентами совмещенного, смешанного плана содержания, его выражение представляет определенную сложность. Наличие вербальной подсказки, как показали результаты первой части эксперимента, является более критичным для успешной интерпретации межъязыковых каламбуров, поскольку он заключается непосредственно в отсылке к необходимой лингвокультуре, из которой взят иноязычный компонент, в то время как иконический знак, по всей видимости, является слишком отвлеченным и не вызывает необходимых языковых ассоциаций у реципиентов. Что касается языковых моделей, антиципационная оказалась наиболее простой для понимания: 2 каламбура, построенных с помощью данной модели, обладают максимальным количеством успешных переводов. Неологическая модель, репрезентированная в каламбурах, где отсутствует контекст, напротив, обладает наименьшим количеством успешных переводов, однако в тех случаях, когда контекст есть, неологическая модель порождает значительно более простые для понимания каламбуры. Имплицитная модель также, вопреки ожиданиям, оказалась весьма продуктивной – почти 30% респондентов смогли предложить адекватный вариант перевода. Переводы, предложенные респондентами, также позволили установить, что диаморфическая связь между лексемами в составе каламбура является основой его функционирования в языке и концептуальной наполненности смешанного ментального пространства при восприятии каламбура в сознании реципиента. При этом, концептуальная наполненность родового пространства (контекста каламбура) может изменяться в том случае, когда респондентам приходилось вносить изменения в переводной текст. Также отметим, что в ряде случаев респонденты сохраняли диаморфическую связь, но ментальные пространства вводных данных наполнялись новыми концептами, что приводило к образованию совершенно иного смешанного пространства, что еще раз подтверждает главенствующую роль именно диаморфической связи, а не родового пространства, в межъязыковом каламбуре.

Далее рассмотрим результаты, полученные в ходе второго этапа эксперимента и представленные в виде таблицы 11. Количество указано в процентном соотношении исходя их общего количества респондентов (200 чел.).

Первый столбец: номер каламбура и участвующее иностранное слово.

Второй столбец: количество правильных ответов.

Третий столбец: количество отказов от ответа.

Четвертый столбец: количество неверных ответов (неправильное значение иностранной лексики или указание не всех участвующих иностранных слов);

Пятый столбец: количество неполных/неадекватных ответов (например, иностранное слово выписывалось без указания его значения, или была попытка перевода каламбура на английский язык).

Шестой столбец: иконический экспликатор («+» – присутствует, «-» отсутствует).

Седьмой столбец: вербальный экспликатор («+» – присутствует, «-» отсутствует).

Каламбуры сгруппированы в порядке убывания по показателю успешности определения респондентами иностранных лексем.

Таблица 11. Результаты второй части эксперимента

Каламбур	Правильные ответы	Отказы от ответа	Неверные ответы	Неадекватные/неполные ответы	Иконический экспликатор	Вербальный экспликатор
№4 <i>lucky</i>	84%	13%	0%	3%	-	-
№3 <i>кішки</i>	71%	25%	0%	4%	+	-
№5 <i>beer</i>	70%	10%	17%	3%	+	-
№7 <i>god</i>	69%	7%	0%	24%	-	+
№8 <i>boy/girl</i>	56%	24%	4%	16%	-	+
№2 <i>man</i>	54%	30%	9%	7%	+	-
№6 <i>oldschool</i>	49%	20%	11%	20%	-	-

№10 <i>yama</i>	15%	70%	12%	1%	-	+
№9 <i>drei/dry</i>	11%	18%	5%	66%	-	+
№1 <i>neko</i>	9%	40%	30%	11%	+	-

Остановимся подробнее на полученных данных и рассмотрим каждый межъязыковой каламбур, указав ошибочные или неадекватные ответы.

1. Каламбур №4 «*Lucky*».

В целом, подавляющее большинство респондентов смогли верно указать английскую лексему «*lucky*» (в ряде случаев – *luck* или *lucker*). За неадекватный ответ принимались те случаи, когда респонденты неверно интерпретировали задание и ограничивались указанием иностранного слова без приведения его значения. Тем не менее, тот факт, что сама лексема была указана верно в 3 % случаев неадекватных ответов косвенно позволяет сделать вывод о высокой степени коммуникативного успеха данного каламбура. Примечательно, что данный каламбур, построенный на неологической модели, является самостоятельным (лишенным контекста), без иконического компонента и вербальной подсказки. По всей видимости, это вызвано широкой осведомленностью реципиентов об английском слове *luck* и его дериватах.

2. Каламбур №3 *Kiшки*.

Единственный русско-украинский каламбур в подборке также, как и предыдущий, является словом, лишенным вербально выраженного контекста, однако, наличие иконического компонента, по всей видимости, способствовало успешной интерпретации иноязычной лексемы. Неверные ответы отсутствовали – респонденты либо верно указывали значение украинского слова, либо не предлагали никакого ответа вовсе.

3. Каламбур №5 «*Beer*».

Данный каламбур, построенный на неологической модели (неологизм «*бееглога*»), также оказался простым для понимания вследствие наличия иконического компонента – изображение бочки с пивом, что соотносится с

английской лексемой. Однако, в 17% случаев респонденты указали «медведь», видимо, ошибочно приняв *beer* за его пароним *bear* ‘медведь’. При таком понимании каламбура происходит коммуникативный сбой; смешанный план содержания, таким образом, не создается.

4. Каламбур №7 «*God*».

Большое количество верных ответов позволяет сделать вывод о прочном вхождении английской лексемы «*God*» (Бог) в вокабуляр носителей русской лингвокультуры. Неверные интерпретации отсутствовали; в 24% случаев респонденты указывали в качестве ответа «Новый год», что можно принять за имплицитный каламбур, требующий обнаружения диаморфических связей между «Год» и *God* и подстановки транслита диаморфа в исходный текст для создания межъязыковой игры путем образования смешанного ментального пространства, однако, подобная ситуация видится нам маловероятной.

5. Каламбур №8 «*Boу*».

Более низкая степень успешности выполнения задания вызвана тем, что в 18 случаях реципиенты указывали значение исключительно слова «*boу*», проигнорировав «гёрл», что также необычно, поскольку, как нам кажется, именно *boу* может оказаться скрытым для понимания, будучи выраженным в тексте каламбура лишь в виде своего диаморфа «бой» (т.е. «битва, сражение»); «гёрл» же напротив является в данном случае неологизмом. По всей видимости, подобная ситуация обусловлена наличием в русском языке производных слов от «*boу*»: *бойскаут*, *бой-бэнд*. Незнакомый компонент «гёрл» как бы «блокируется», игнорируется в ходе восприятия.

6. Каламбур №2 «*Man*».

Более чем в 54% случаев респонденты верно указали значение английского слова «*man*», предложив такие варианты, как: *мужчина*, *парень*, *мальчик*. В 9% случаев ошибочно была указана «мания», которая уже входит в состав русского языка. 7% неадекватных ответов представляют собой перевод бленда на английский язык.

7. Каламбур №6 «*Oldschool*».

Лишь в 49% ответов присутствовало указание значения «старая школа», за верный ответ также принимались варианты «старомодный», что является переносным значением данного английского слова. В 7% неверных ответов указано было только «старый», то есть ответ был неполным, а в 4% – «школа». В 20% случаев респонденты пытались перевести каламбур на английский язык.

8. Каламбур №10 «*Yama*».

Один из двух русско-японских каламбуров, представленных в рамках эксперимента, построен по имплицитной модели. Присутствующая вербальная подсказка «японцу» позволила получить весьма большое, с учетом низкой популярности японского языка в России, количество верных ответов. Кроме того, в 2% случаев респонденты в качестве значения указали «Фудзияма», что было принято в качестве верного ответа. Можно предположить, что именно благодаря известности названия этой горы в Японии слово *yama* и стало знакомо носителю русской лингвокультуры. 1% ошибочных вариантов: «*яма; не гора*», «*не гора*». Неверные ответы, такие как «*что русскому хорошо, то немцу смерть*» или «*что японцу нестрашно делать, то русский боится*» свидетельствуют о коммуникативном сбое.

9. Каламбур №9 «*Drei/Dry*».

Данный каламбур, являющийся основой известного в Европе анекдота о немцах, решивших посетить бар, состоит из противопоставления английского *dry* (сухой) и его немецкого диаморфа *drei* (три). Следует отметить, что *drei* в каламбуре представлен имплицитно – контекст, а именно ответ немцев «*Nein, zwei!*» активизирует обнаружение диаморфических связей между участниками игры слов. Данный каламбур можно было бы отнести к типу трехязыковых, однако, общий контекст каламбура не зависит от основного языка анекдота; игра слов происходит лишь между английскими и немецкими лексемами (данный тезис подкрепляют варианты данного анекдота, обнаруженные на испанском, французском и других языках, во всех случаях – английский и немецкий компоненты остаются неизменными). Имплицитный характер выражения слова

drei привел к тому, что было получено 66% неполных ответов, в которых было указано только «сухой».

10. Каламбур №10 «*Neko*».

Второй русско-японский каламбур, включенный в эксперимент, оказался наиболее сложным для восприятия. Так, лишь 9% респондентов верно указали «кот», и практически половина респондентов, 40%, не предоставили никакого ответа вовсе. В 30% случаев было указано «программирование», что является синонимом «кодинг», слова очевидно английского происхождения, но уже закрепившегося в словарях, и по этой причине не представляющего интерес в рамках настоящего исследования. Добавим, что иконический компонент (изображение кота) также не способствовал успешному восприятию, что соотносится с результатами, полученными в рамках первого этапа эксперимента.

Таким образом, в ходе второй части эксперимента было установлено, что русские респонденты, в целом, успешно справляются с задачей определения значений иностранных лексем, участвующих в межъязыковой игре слов, т.е. понимают межъязыковой каламбур. При этом, наличие вербальной подсказки или иконического компонента не является принципиальным для успешной перцепции. ИмPLICITные иноязычные компоненты, реферируемые с помощью диаморфической связи с материально присутствующим в каламбуре диаморфом, являются в основном недоступными для понимания.

Что касается языковых пар, лежащих в основе наиболее понятных межъязыковых каламбуров для респондентов, то были получены следующие результаты: русско-английские каламбуры, как и следовало ожидать, являются наиболее простыми для понимания, а английские лексеммы успешно истолковываются, в среднем, в 66% случаев.

Успешность интерпретирования межъязыковых каламбуров, основанных на сочетании английского и другого иностранного языка, можно представить в следующем процентном соотношении:

- 1) англо-испанская: 53%;
- 2) англо-немецкая: 25%;

3) англо-французская: 22%.

Подводя итоги эксперимента, можно заключить, что теория концептуальной интеграции и ее модель, описанная в параграфе 1.7., являются релевантными языковому материалу. В то время как в силу различных причин (недостаток времени или знания) респондентам не удастся точно передать межъязыковую игру слов, наличие комментариев, выявляющих диаморфическую связь и, тем самым, указывающим на факт межъязыковых каламбуров, позволяет заявить об успешном восприятии межъязыковых каламбуров; способы выражения, следовательно, напрямую связаны с языковыми моделями, применяемыми респондентами в ходе перевода межъязыковых каламбуров на русский язык.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Межъязыковые каламбуры напрямую зависят от языковой ситуации в рамках порождающей их лингвокультуры. Все без исключения межъязыковые каламбуры в трех проанализированных лингвокультурах построены на основе двух языков.

Характерным для межъязыковых каламбуров во всех лингвокультурах является предпочтение диаморфической связи между короткими словами (1-2 слога).

В то время как в западной и восточной лингвокультурах предпочтение отдается каламбурам, построенным по антиципационной модели, где слово из языка-донора используется целиком, в русской лингвокультуре более распространены каламбуры на основе неологической модели, где используется бленд. Это объясняется тем, что русские слова в целом длиннее английских, и автору каламбура проще установить диаморфическую связь между фрагментом русского слова и английским словом, представленным целиком.

Наиболее продуктивными тематическими полями в западной лингвокультуре являются «еда/кулинария» и «люди/группы людей»; в восточной – «смерть» и «эмоции»; в русской – «люди/группы людей» и «еда/кулинария».

Азиатские языки позволяют создавать полиграфические каламбуры, при этом для кантонского языка это единственный способ создания межъязыковых каламбуров. Данная ситуация также характерна для русского языка. В западной лингвокультуре все межъязыковые каламбуры используют унифицированное письмо.

В западной лингвокультуре задействованы те языки, носители которых составляют значимую этническую группу на территории США. Примерно аналогичная ситуация наблюдается в русской лингвокультуре. В восточной, однако, используется только английский.

В большинстве межъязыковых каламбуров западной лингвокультуры обнаруживается фондовый компонент, являющийся денотатом конкретного

этнокультурного факта, связанного с языком-донором. Данный компонент реже представлен в русских межъязыковых каламбурах и отсутствует вовсе в восточных. Это означает, что, в то время как носителю английского языка часто нужна «подсказка» о межъязыковой игре слов в высказывании, не-носители английского языка способны распознавать чужеродные английские слова без дополнительного экспликатора.

Функция каламбура не ограничивается оказанием комического воздействия на реципиента. Межъязыковые каламбуры на основе японского языка часто выполняют характеризующую функцию, в то время как в русской и кантонской лингвокультуре также активно выполняется волюнтаривная функция.

Отличие русских межъязыковых каламбуров от азиатских заключается в том, что в последних игра слов возможна лишь в случае совершения фонации по правилам чтения языка-основы, что приводит к искажениям исходной фонетической оболочки. В русской лингвокультуре ситуация обратная – изначально в большинстве межъязыковых каламбуров используется такая лексема, которая обладает максимально соответствующей фонетической стороной.

Респонденты в большинстве случаев демонстрируют образование смешанного ментального пространства. Вербальная подсказка является более критичной для успешной интерпретации межъязыковых каламбуров, чем визуальный компонент, поскольку она заключается непосредственно в отсылке к необходимой лингвокультуре. Смешанное пространство, тем не менее, может содержать не все концепты из двух вводных пространств – при переводе межъязыкового каламбура сохраняются концепты одного из пространств для установления диаморфической связи с новыми лексемами, появляющимися в ходе перевода. Соответственно, образуется новое родовое пространство, выявляющее, в свою очередь, новые общие признаки между компонентами каламбура, проявляемыми в новом контексте.

Русские респонденты в большинстве случаев успешно определили значения иностранных лексем в составе межъязыковых каламбуров. Тот факт, что респонденты корректно указывали на диаморфическую связь, свидетельствует о

понимании каламбура. Однако, имплицитные иноязычные компоненты, реферируемые с помощью диаморфической связи с материально присутствующим в каламбуре диаморфом, остаются непонятными для большинства респондентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие средств коммуникации и укрепление международных связей в ходе кросс-культурного диалога обуславливает все более сложный характер взаимодействия языков, одним из проявлений которого является межъязыковой каламбур. Лингвокультурная специфика межъязыковых каламбуров отражается в структурно-формальных характеристиках, способах создания и информативной структуре каламбуров.

Разработанная структурно-формальная классификация позволила выявить следующие характеристики межъязыковых каламбуров: количество участвующих языков, языковые пары, унифицированность или полиграфичность задействованной графической составляющей каламбура, характер диаморфической связи, степень эксплицитности каламбура, наличие или отсутствие блендинга. В каждой лингвокультуре отдается предпочтение тому или иному виду каламбуров, что обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Так, в западной и восточной лингвокультурах наиболее распространенными являются межъязыковые каламбуры, где иностранная лексема используется целиком, в русской – в составе бленда.

В западной и восточной лингвокультурах больше всего распространены каламбуры, построенные по антиципационной модели. В русской лингвокультуре более широко представлены каламбуры на основе неологической модели. Имплицитная модель встречается в каламбурах во всех лингвокультурах, но значительно реже доминантной модели, что объясняется сложностью создания и восприятия таких каламбуров.

Информативная структура межъязыковых каламбуров также напрямую зависит от лингвокультуры, что выражается в распространенности того или иного тематического поля, выступающего в качестве источника иностранных слов. Для русской и западной лингвокультуры характерны тематические поля «еда/кулинария» и «названия людей», а для восточной – «смерть» и «эмоции».

Функционал каламбуров в разных лингвокультурах также специфичен. В то время как в западной лингвокультуре основной функцией является создание комического эффекта, в восточной лингвокультуре более широко представлены волюнтативная и характеризующая функции, а в русской – волюнтативная и комическая.

В ходе лингвистического эксперимента было установлено, что наличие экспликатора является крайне важным для понимания межъязыковых каламбуров.

Антиципационная модель оказалась наиболее простой для понимания русскими респондентами. Неологическая модель создает наименее понятные каламбуры в тех случаях, когда отсутствует экспликатор. При его наличии неологические каламбуры становятся более простыми для понимания. Каламбуры на основе имплицитной модели успешно воспринимаются респондентами, но в меньшем количестве случаев.

В ходе эксперимента было также установлено, что для межъязыкового каламбура в первую очередь необходимо сохранение диаморфической связи между компонентами игры слов. Особенностью межъязыкового каламбура в рамках теории концептуальной интеграции является нарушение условия топологии, что и создает комический эффект.

Таким образом, цель настоящего исследования, а именно выявление лингвокультурной специфики межъязыкового каламбура, является достигнутой, а гипотеза, что межъязыковые каламбуры обладают рядом имманентных лингвокультурно-обусловленных структурно-формальных характеристик, – доказанной.

Для более детального выявления лингвокультурной специфики восприятия межъязыковых каламбуров перспективным видится проведение лингвистического эксперимента с носителями языков, отличных от русского, что позволит выявить степень распознаваемости того или иного вида каламбура среди носителей разных лингвокультур.

Следует подчеркнуть, что результаты исследования не носят абсолютного характера – вполне вероятно, что существуют межъязыковые каламбуры, способы

построения которых не отражены предложенными языковыми моделями, релевантными лишь тому материалу, который был отобран в ходе исследования. Кроме того, не исключается возможность выделения иной лингвокультурной специфики при условии более сбалансированной выборки материала исследования.

Перспективным представляется диахроническое исследование межъязыковых каламбуров с целью установить их роль в процессе заимствования лексики. Также интерес представляет более обширный анализ межъязыковых каламбуров в иных лингвокультурах, наряду с рассмотрением применимости техник перевода одноязыковых каламбуров для межъязыковых.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов, В. М. Япония: язык и культура / Алпатов В. М. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 208 с.
2. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка: учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности №2103 «Иностранные языки» / И. В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова. – М.: «Прогресс», 1990. – 512 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Языковая метафора / Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1979. – 896 с.
5. Балалыкина, Э. А. Роль межъязыковой паронимии в сопоставительном изучении русского языка / Э. А. Балалыкина // Русский язык за рубежом. – 1991. – № 3. – С.54-58.
6. Бойков В. В., Жукова Н. А., Романова Л. А. Распределение длины слов в русских, английских и немецких текстах / В. В. Бойков, Н. А. Жукова, Л. А. Романова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2005. – № 1. – С. 46-49.
7. Болдарева, Е. Ф Языковая игра как форма выражения эмоций: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Болдарева Елена Федоровна. – Волгоград, 2012. – 120 с.
8. Борев, Ю. Б. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира / Ю. Б. Борев. – М.: Искусство, 1970. – 269 с.
9. Будагов, Р. А. Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения. Типология сходств и различий. / Р. А. Будагов. – Кишинев: Штиница, 1976. – С. 3-8.
10. Будагов, Р. А. Проблемы развития языка / Р. А. Будагов. – М.: Наука, 1965. – 264 с.

11. Будагов, Р. А. Человек и его язык (Заметки об отношении людей к литературному языку) / Р. А. Будагов // Вопросы языкознания. – 1970. – № 6. – С. 3-14.
12. Виноградов, В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1978. – 350 с.
13. Виноградов, В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы: учеб. пособие / В. С. Виноградов. – М.: Книжный дом «Университет», 2004. – 204 с.
14. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн – М.: Гнозис, 1994. – С. 77–319.
15. Влахов, С. Н., Флорин, С. К. Непереводимое в переводе / С. Н. Влахов, С. К. Флорин – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.
16. Влчек, Й. Чешско-русские омонимы – высшая стадия лексической интерференции / Й. Влчек. – София: Болгарская русистика, 1975. – 227 с.
17. Воздвиженская, А. Пришлось к слову. Английский язык в России знают на уровне туристского навыка [Электронный ресурс] / А. Воздвиженская // Российская газета. – 2017. – 8 октября. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/11/08/rossiia-zaniata-38-e-mesto-po-urovniu-vladiiia-angliiskim-iazykom.html>
18. Волкова, О. Россия стала 39-й из 70 стран по показателю владения английским языком [Электронный ресурс] / О. Волкова // РБК. – 2015. – 3 ноября. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/03/11/2015/563866969a79474acfd69663>
19. Вороничев, О. Е. Каламбур в ряду смежных феноменов языковой игры / О. Е. Вороничев // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2017. – №2. – С. 31-38.
20. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак – Л.: Просвещение, 1977. – 300 с.
21. Гальперин, И. Р. Информативность единиц языка / И. Р. Гальперин – М.: Высшая школа, 1970. – 174 с.

22. Голев, Н. Д. Языковая игра как лингводидактический принцип / Н. Д. Голев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. - №5 (259). – 27-33.
23. Гросбарт, З. О русских и польских словах, близких по звучанию разных по значению ("межъязыковые омонимы") / З. Гросбарт // Материалы третьего международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. – 1962. – С. 228-238.
24. Демурова, Н. М. Льюис Кэрролла: Очерк жизни и творчества / Н. М. Демурова. – М.: Наука, 1981. – 448 с.
25. Джанумов, А. С. Каламбур и его функционирование в двуязычной ситуации (англо-русские соответствия): дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19. / Джанумов Артемий Сейранович. – М., 1997. – 136 с.
26. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз – М.: Мир, 1993. – 520 с.
27. Дубичинский, В. В. Лексические параллели в лексикографической практике [монография] / В. В. Дубичинский – Харьков: Современные проблемы лексикографии, 1992. – 156 с.
28. Духовная, Т. В. Дискурс кинофильма: соотношение с понятием дискурса живой речи / Т. В. Духовная // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2014. – №3. – С. 22-25.
29. Еленевская, М. "Двуязычный юмор иммигрантов: языковая игра и социальная адаптация (на примере смеховой культуры русскоязычных израильтян)" / М. Еленевская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2014. – №3. – С. 7-27.
30. Жукова, Т. А., Линь, Х. Каламбур как способ языковой игры в слоганах образовательных учреждений / Т. А. Жукова, Х. Линь // Научный форум: Инновационная наука: сб. ст. по материалам X междунар. науч.-практ. конф. – 2018. – № 1(10). – С. 52-56.
31. Заславская, Н. В. Семантико-стилистическая и функциональная характеристика межъязыковых омонимов в русском и украинском языках автореф.

дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19. / Заславская Наталья Владимировна. – Киев, 1985. – 22 с.

32. Заславская, Н. В. К проблеме создания словаря межъязыковых омонимов (на материале русского и украинского языков) / Н. В. Заславская – Харьков: Современные проблемы лексикографии, 1992. – С. 23-25.

33. Заславский, О. Б. О звуко-смысловых переключках и межъязыковой интерференции в «Выстреле» / О. Б. Заславский // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2017. – Т. 2, № 4. – С. 132-143.

34. Земская, Е.А., Китайгородская, М. А., Розанова, Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: Наука, 1983. – 276 с.

35. Зубова, Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка / Л. В. Зубова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 512 с.

36. Иванов, Б. А. Введение в японскую анимацию, 2-е изд / Б. А. Иванов. – М.: Фонд развития кинематографии, 2001. – 336 с.

37. Исивата, Т. История споров о гайрайго / Т. Исивата // ГС. 1984. – № 7.

38. Кант, И. Критика способности суждения. Соч.: в 8 т. Т. 5. / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – 416 с.

39. Капанев, П. И. Вопросы теории и истории художественного перевода / П. И. Капанев. – Минск: Просвещение, 1985. – 199 с.

40. Капанев, П. И. Вопросы теории и истории художественного перевода / П. И. Капанев. – Минск: Просвещение, 1985. – 199 с.

41. Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. – М., 1965. – С. 85-93.

42. Катасонова, Е. Л. Японское общество в мире манга и анимэ // Портрет современного японского общества / Рук. Проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО–XXI, 2006. – 288 с.

43. Коломиец, О. В. Французко-украинские лексические параллели. автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Киев, 1976. – 16 с.
44. Конецкая, В. П. Характеристика лексических омонимов-слов, генетически связанных, и пути их образования в английском языке / В. П. Конецкая // Исследования по английской лексикологии. – М., 1961, С. 84 – 110.
45. Кравцова, Ю. В. Моделирование в современной лингвистике / Ю. В. Кравцова // Вестник Житомирского государственного университета имени Ивана Франка. – 2014. – №5 (77). – с.181-189.
46. Курганов, Е. Я. Анекдот как жанр / Е. Я. Курганов. – СПб.: Академический проект, 2014. – 260 с.
47. Лебедева, Е. Б. Уточнение понятия «Языковая игра» в лингвистике / Е. Б. Лебедева // Язык и культура. – 2016. – №4 (28). – С. 48-63.
48. Ляшева, М. Н. Лингвокреатемы в современном развлекательном Интернет-дискурсе / М. Н. Ляшева // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2017. №2. – с. 237-238.
49. Малаховский, Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии / Л. В. Малаховский. – Л., 1990. – 248 с.
50. Медведев, С. С. Межъязыковые каламбуры в англоязычных Интернет-мемах / С. С. Медведев // Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей – материалы XI (XLIII) Международной научно-практической конференции (Кемеровский государственный университет). – 2016. – Вып. 17. – с. 1497-1498.
51. Медведев, С. С. Особенности межъязыковых каламбуров на материале романа Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану» / С. С. Медведев // Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей – материалы IX (XLI) Международной научно-практической конференции / Кемеровский государственный университет. – 2015. – Вып. 16. – С. 1200-1205.
52. Медведев, С. С., Фомин А. Г. Межъязыковые каламбуры в аниме-сериалах «One Piece» и «Gintama» как следствие процесса глобализации / С. С. Медведев, А. Г. Фомин // Вестник КемГУ. – 2015. – №4 (64) Т. 3. – С. 212-216.

53. Мезенин, С. М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира) / С. М. Мезенин. – М., 1984. – 123 с.
54. Москвин, В. П. Каламбур: приемы создания и языковая основа / В. П. Москвин // Русская речь. – 2011. – №3. – С. 35-42.
55. Мошняга, П. А. Билингвальное образование в Японии: межкультурная коммуникация vs мультикультурализм [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4 – Культурология. Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Moshniaga/>
56. Негрышев, А. А. Языковая игра в СМИ: текстообразующие механизмы и дискурсивные функции / А. А. Негрышев / Inter-Cultural-Net: Международный (электронный) научно-практический журнал. – 2006. – С. 66-79.
57. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики. Учебное пособие. 2-е издание, дополненное и исправленное / М. В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.
58. Николаева, О. В. Понятие концептуального пространства в методологии языкознания. / О. В. Николаева // Личность. Культура. Общество. – 2011. – Том XIII. Вып. 2 (№ 63–64). – С. 194.
59. Опельбаум, Е. В. Деякі проблеми контрастивного вивчення лексики далекоспоріднених мов. Нариси з контрастивної лінгвістики. / Е. В. Опельбаум. – Київ: Наукова думка, 1979. – С. 50-58.
60. Разинов, Ю. А. Интернет как событие культуры / Ю. А. Разинов // Международная конференция «Интернет. Общество. Личность ИОЛ - 2000»: Новые информ.-пед. технологии: Тезисы докл. – СПб.: Ин-т «Открытое о-во», 2000. – С. 69-70.
61. Рахимкулова, Г. Ф., Люксембург А. М. Магистр игры Вивиан Ван Бок (Игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура) / Г. Ф. Рахимкулова, А. М. Люксембург. – Ростов-на-Дону, РГУ, 1996. – 201 с.
62. Ревзин, И. И. Модели языка / И. И. Ревзин. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 193 с.

63. Ротанова, Н. М. Комическая (ироническая) метафора. Опыт анализа (когнитивный и прагматический аспекты) [Электронный ресурс] / Н. М. Ротанова. 2008. Режим доступа: <http://unoc.uorao.ru/konf/2005/obrazov/32.doc>].
64. Рыбин, В. В. Языковая ситуация в Японии (общая характеристика) / В. В. Рыбин // В «Под парусом "Паллады"». – Центр гуманитарных инициатив, 2008. – С. 29-47.
65. Рыльский, М. Ф. Мистецтво перекладу / М. Ф. Рыльский. – Київ: Рад. Писменник, 1956. – С. 99.
66. Сазонова, Л. А. Закономерности передачи каламбура при переводе художественной литературы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Сазонова Лариса Александровна. – М., 2004, – 185 с.
67. Санников, В. З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры / В. З. Санников // Вопросы языкознания. – 2005. – №4. – 160 с.
68. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников // Языки славянской культуры. – М.: Языки русской культуры, 2002. – С. 499.
69. Санников, В. З., Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 541 с.
70. Селиванов, Г. А. Языковые контакты и проблема межъязыковой омонимии (гетеронимии) / Г. А. Селиванов // Вопросы русского и славянского языкознания. – Иваново, 1976.
71. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова, - М: Изд. дом ЯСК, 2018. – 392 с.
72. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов, – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40-76.
73. Стернин, И. А., Флекенштейн К. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии. Учебное пособие / И. А. Стернин, К. Флекенштейн. – Галле, 1989. – 129 с.
74. Судзуки, Т. Международный английский язык с точки зрения языкового вмешательства, англизация японского языка и японизация английского

языка) / Т. Судзуки // (Записки НИИ языка и литературы при университете Кэйю). – 1983. – № 15.

75. Трифонова, Н. С. Опыт построения классификации каламбуров / Н. С. Трифонова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 1983. – №88.

76. Уварова, Н. Л. Логико-семантические типы языковой игры (на материале английской диалогической речи). автореф. дисс. . канд. филол. наук. – Львов, 1986. – 16 с.

77. Уилер, М. Лингвострановедение и лексика. Русский язык за рубежом. Часть 2. / М. Уилер. – М., 1977. – С. 52-53.

78. Урнов, Д. М. Как возникла “Страна Чудес” / Д. М. Урнов. – М.: Книга, 1989. – 148 с.

79. Ушкалова, М. В. Лингвосемиотические особенности функционирования каламбура в публичной речи: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19. / Ушкалова Маргарита Викторовна. – Курск, 2016. – 160 с.

80. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – М.: Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.

81. Федорчук, Е. В. Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках: дис. ... канд. фил. наук. / Елена Васильевна Федорчук. – М., 2001. – 257 с.

82. Фомин, А. Г., Медведев, С. С. Восприятие межъязыкового каламбура: опыт экспериментального исследования / Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – №15 – С. 79–88.

83. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология / М. И. Фомина. – М.: Высшая школа, 1990. – 415 с.

84. Хрущева, О. А. Блендинг в системе словообразования / О. А. Хрущева // Вестник ОГУ. – 2009. – №11 (105). – С. 95-101.

85. Хуцишвили, С. Славянские межъязыковые омонимы: дисс. ... степ. д-ра фил. наук / София Хуцишвили. – Тбилиси, 2010. – 169 с.

86. Цикушева, И. В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования / И. В. Цикушева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 90. – С. 169–171.
87. Шведова, Н. Ю. Русский язык: Избранные работы / Н. Ю. Шведова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 64 с.
88. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Межъязыковой каламбур в русских анекдотах / Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – 2011. – Вып. 10 (17). – С. 782-789.
89. Щерба, Л. В. Очередные проблемы языковедения. Избранные работы по языкознанию и фонетике, Т. 1 / Л. В. Щерба. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. – 182 с.
90. Щурина, Ю. В. Интернет-мемы как феномен Интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Научный диалог. – 2012. – №3. – С. 161-173.
91. Якименко, Н. В. Каламбур как лингвостилистический прием в английском языке и пути его воссоздания в переводе: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Якименко Николай Васильевич. – Киев, 1984. – 26 с.
92. Alexander, R. Aspects of Verbal Humour in English / R. Alexander. – Tübingen: Narr, 1997. – 217 p.
93. Augarde, T. The Oxford Guide to Word Games, 2nd ed. / T. Augarde. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 250 p.
94. Black, M. Models and Metaphors. Studies in Language and Philosophy / M. Black. – New York: Cornell University Press, 1962. – 276 p.
95. Broersma, M., de Bot, K. Triggered Codeswitching: A Corpus-Based Evaluation of the Original Triggering Hypothesis and a New Alternative / M. Broersma, K. de Bot // Bilingualism: Language and Cognition. – 2006. – no. 9 (1). – P. 1–13.
96. Campbell, J., Robinson, H. M. A Skeleton Key to Finnegans Wake / J. Campbell, H. M. Robinson. – New World Library: San-Francisco, 2005. – 400 pp.

97. Corbett, E. P. J. *Classical rhetoric for the modern student* / E. P. J. Corbett. – New York: Oxford University, 1971. – 574 p.
98. Croft, W., Cruse, A. *Cognitive Linguistics* (Cambridge Textbooks in Linguistics) / W. Croft, Cruse A. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 374 p.
99. Crystal, D. *Is Welsh Safe?* / D. Crystal. – 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.davidcrystal.com/?id=4216>
100. Crystal, D. *Play on Words* / D. Crystal. – Chicago: University of Chicago Press, 2001. – 248 p.
101. Crystal, D. *The Cambridge Encyclopedia of Language*. 2nd ed. / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 487 p.
102. Delabastita, D. *There's a Double Tongue: An Investigation Into the Translation of Shakespeare's Wordplay, with Special Reference to Hamlet* / D. Delabastita. – Amsterdam: Atlanta, 1993. – 522 p.
103. Evans, Vyvyan; Green, Melanie. 2006. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
104. Fauconnier, G., Turner, M. *Metaphor, Metonymy, and Binding. Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / G. Fauconnier, M. Turner, ed. By R. Dirven, R. Pörings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 477–478
105. Fauconnier, G., Turner, M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2002. – 464 p.
106. Fauconnier, G., Turner, M. *Conceptual integration networks* / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive Science*. – 1998. – Vol. 22, № 2.
107. Haugen, E. *The Analysis of Linguistic Borrowing* / E. Haugen // *Language*. – 1950. – no 26 (2) – P. 210-231.
108. Hausmann, F. J. *Studien zu einer Linguistik des Wortspiels: Das Wortspiel im Canard enchaîné* / F. J. Hausmann. – Tübingen: Niemeyer, 1974. – 166 p.
109. Joyce, J. *Finnegans Wake* / J. Joyce. – Faber & Faber: London, 628 p.

110. Knospe, S. A Cognitive Model for Bilingual Puns / S. Knospe // *Wordplay and Metalinguistic. Metadiscursive Reflection. Authors, Contexts, Techniques, and Meta-Reflection. The Dynamics of Wordplay* (ed. Zirker, Winter-Froemel). – Berlin: de Gruyter, 2015. – P. 152-190.
111. Onysko, A. A Note on the Relation between Cognitive Linguistics and Wordplay / A. Onysko // *Crossing Languages to Play with Words: Multidisciplinary Perspective* (ed. S. Knospe, A. Onysko, M. Goth). – Berlin: De Gruyter. 2016. – 406 p.
112. Koessler M., Derocquigny J. *Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais* / M. Koessler, J. Derocquigny. – Paris, 1928. – 387 p.
113. Koestler, A. *The Act of Creation* / A. Koestler. – New York: Penguin Books, 1964. – 751 p.
114. Lakoff, G. *The Contemporary Theory of Metaphor* / Ortony, A. (ed.) // *Metaphor and Thought* (2nd edition). – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 201-251.
115. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
116. Li, D. C. S. *Cantonese-English Code Switching in Honkong* / D. C. S. Li // *World Englishes*. – 2000. – Vol. 19, No. – P. 305.
117. Pollack, J. *The Pun Also Rises* / J. Pollack. – New York: Gotham Books, 2011. – 240 p.
118. Raskin, V. *Semantic Mechanisms of Humor* / V. Raskin. – Dordrecht, 1985. – P. 116.
119. Redfern, W. D. *Puns: More Senses than One* / W. D. Redfern. – London: Penguin Books, 2000. – 289 p.
120. Reiners, L. *Stilkunst: Ein Lehrbuch deutscher Prosa* / L. Reiners. – Munchen, 1950. – 542 p.
121. Shifman, L. *Memes in Digital Culture* / L. Shifman. – Cambridge, MA: MIT Press, 2013. – 216 p.
122. SimilarWeb: 9gag Traffic Overview [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.similarweb.com/website/9gag.com>

123. Smith, C. *The Rediscovery of Man* / C. Smith. – Framingham, MA: The NESFA Press, 1993. – p. 223.
124. Stefanowitsch, A. 2002. Nice to Meet You: Bilingual Puns and the Status of English in Germany. *Intercultural Communication Studies* 11(4). P. 67–84.
125. The World Factbook [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.html>
126. Treat, J. W. *Contemporary Japan and Popular Culture* / J. W. Treat. – Richmond: Curzon, 1996. – p. 6
127. Tsuboya-Newell, I. Why do Japanese have trouble learning English? [Электронный ресурс] / I. Tsuboya-Newell // *The Japan Times*. – 2017. – Oct. 17. Режим доступа: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/10/29/commentary/japan-commentary/japanese-trouble-learning-english>
128. Zirker, A, Winter-Froemel, E. *Wordplay and Metalinguistic. Metadiscursive Reflection. Authors, Contexts, Techniques, and Meta-Reflection. The Dynamics of Wordplay* / A. Zirker, E. Winter-Froemel. – Berlin: de Gruyter, 2015. – 292 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

129. Азимов, Э. Г., Щукин, А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.

130. Акуленко, В. В., Комиссарчик, С. Ю., Погорелова, Р. В., Юхт, В. Л. Англо-русский и русско-английский словарь "ложных друзей переводчика" / сост. В. В. Акуленко, С. Ю. Комиссарчик, Погорелова Р. В. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 384 с.

131. Бельчиков, Ю. А., Панюшева, М. С. Словарь паронимов современного русского языка / Ю. А. Бельчиков, М. С. Панюшева. – М.: Русский язык, 1994. – 458 с.

132. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.

133. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 1998. – 1536 с.

134. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 1-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1991. – С. 685.

135. Готлиб, К. Г. М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика» / К. Г. М. Готлиб. – М.: Русский язык, 1985. – 160 с.

136. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru>

137. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – 2009. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/efremova/Bazarit-2790.html>

138. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп / Т. В. Жеребило – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

139. Испанско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.diccionario.ru/>

140. Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 5. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1931, – с. 52-53.
141. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1931. – 1193 с.
142. Муравьев В. Л. Ложные друзья переводчика (русско-французский словарь) / В. Л. Муравьев. – М.: Просвещение, 1985. – 49 с. ил.
143. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 399 с.
144. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Дрофа, 1997. – С. 327.
145. Русско-японский словарь Yakuru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yakuru.net>
146. Сковородников, А. П. Языковая игра // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А. П. Сковородникова, 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 480 с.
147. Словарь иностранных слов / Под ред. Лехина И. В., Петрова, Ф. Н. – М.: Русский язык, 1979. – 624 с.
148. Словарь лингвистических терминов [Текст] / авт.-сост. О. С. Ахманова. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 576 с.
149. Толковый словарь русского языка Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalja.net>
150. Толковый словарь русского языка Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ozhegov.info/slovar/?ex=КАЛАМБУР>
151. Русский семантический словарь. IV. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / Отв. Ред. Шведова, Н. Ю. – М.: Азбуковник, 1998. – 924 с.

152. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 82 т. и 4 доп. т. – М.: Терра, 2001. – 40 726 с.
153. Glossary of Linguistic Terms [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glossary.sil.org/term/pun>
154. Webster's ninth new collegiate dictionary / Mish, F. (ed.). – Springfield, MA: Merriam-Webster, 1991. – 1,564 p.
155. Кочерган, М. П. Краткий словарь русско-украинских межъязыковых омонимов. Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР, № 7 / М. П. Кочерган. – Киев: Академия, 1997. – 399 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

156. 9gag. Агрегатор развлекательного контента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://9gag.com>
157. Apple Daily (蘋果日報) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hk.appledaily.com>
158. Reddit. Форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reddit.com>
159. Twitter. Социальная сеть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twitter.com>
160. YouTube. Видео-хостинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com>
161. Вконтакте. Социальная сеть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com>